

С. МАРШАК

С. Маршак

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»**

С. МАРШАК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ВОСЬМИ ТОМАХ

Издание осуществляется под редакцией

В. М. ЖИРМУНСКОГО, И. С. МАРШАКА,
С. В. МИХАЛКОВА, А. И. ПУЗИКОВА,
А. Т. ТВАРДОВСКОГО

Издательство
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1970

С. МАРШАК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

•

ТОМ ПЯТЫЙ

ЛИРИКА

СТИХИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

**ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЙ,
ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ,
ЭПИГРАММ И ЭКСПРОМТОВ**

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1970

А. Т. Твардовский
О поэзии Маршала

Подготовка текста и примечания
В. Г. Титовой

Оформление художника
М. З. Шлосберг

ЛИРИКА

Все то, чего коснется человек,
Приобретает нечто человечесье.
Вот этот дом, нам прослуживший век,
Почти умеет пользоваться речью.

Мосты и переулки говорят.
Беседуют между собой балконы.
И у платформы, выстроившись в ряд,
Так много сердцу говорят вагоны.

Давно стихами говорит Нева.
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава.
О Блоке вспоминают Острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне молчаливо повесть рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

А там еще живет петровский век,
В углу между Фонтанкой и Невою...
Все то, чего коснется человек,
Озарено его душой живою.

* * *

Бывало, в детстве под окном
Мы ждем, — когда у нас
Проснется гость, прибывший в дом
Вчера в полночный час.

Так и деревья. Стали в ряд,
И ждут они давно, —
Когда я брошу первый взгляд
На них через окно.

Я в этот загородный дом
Приехал, как домой.
Встает за садом и прудом
Заря передо мной.

Ее огнем озарены,
Глядят в зеркальный шкаф
Одна береза, две сосны,
На цыпочки привстав.

Деревья-дети стали в ряд.
И слышу я вопрос:
— Скажи, когда ты выйдешь в сад
И что ты нам привез?

* * *

Вот однокрылая сосна...
Прижатая к сосне-соседке,
Сухие, немощные ветки
Давно утратила она.

Зато единственным крылом
Она в метели и морозы
Прикрыла голый ствол березы.
И так стоят они втроем...

И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.

Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим.

ВСТРЕЧА В ПУТИ

Всё цветет по дороге. Весна
Настоящим сменяется летом.
Протянула мне лапу сосна
С красноватым чешуйчатым цветом.

Цвет сосновый, смолою дыша,
Был не слишком приманчив для взгляда.
Но сказал я сосне: «Хороша!»
И была она, кажется, рада.

Цветная осень — вечер года —
Мне улыбается светло.
Но между мною и природой
Возникло тонкое стекло.

Весь этот мир — как на ладони,
Но мне обратно не идти.
Еще я с вами, но в вагоне,
Еще я дома, но в пути.

ДОЖДЬ

По небу голубому
Проехал грохот грома,
И снова все молчит.

А миг спустя мы слышим,
Как весело и быстро
По всем зеленым листьям,
По всем железным крышам,
По цветникам, скамейкам,
По ведрам и по лейкам
Пролетный дождь стучит.

* * *

Декабрьский день в моей оконной раме.
Не просветлев, темнеет небосклон.
Торчат, как метлы, ветви за домами.
Забитый снегом, одичал балкон.

Невесело, должно быть, этой птице
Скакать по бревнам на пустом дворе.
И для чего ей в городе ютиться
Назначено природой в декабре?

Зачем судьба дала бедняжке крылья?
Чтобы слетать с забора на панель
Иль прятать клюв, когда колючей пылью
Ее под крышей обдает метель?

* * *

Когда, изведав трудности ученья,
Мы начинаем складывать слова
И понимать, что есть у них значение —
«Вода. Огонь. Старик. Олень. Трава», —

По-детски мы удивлены и рады
Тому, что буквы созданы не зря,
И первые рассказы нам награда
За первые страницы букваря.

Но часто жизнь бывает к нам сурова:
Иному век случается прожить,
А он не может значащее слово
Из пережитых горестей сложить.

* * *

Как птицы, скачут и бегут, как мыши,
Сухие листья кленов и берез,
С ветвей срываясь, устилают крыши,
Пока их ветер дальше не унес.

Осенний сад не помнит, увядая,
Что в огненной листве погребена
Такая звонкая, такая молодая,
Еще совсем недавняя весна,

Что эти листья — летняя прохлада,
Струившая зеленоватый свет...
Как хорошо, что у деревьев сада
О прошлых днях воспоминанья нет.

Ч А С Ы

Часы за шумом не слышны,
Но дни и годы к нам приводят.
Выходит лето из весны
И в осень позднюю уходит.

ЗВЕЗДЫ В ОКНЕ

Так много звезд теснится в раме
Меж переплетами окна.
Они сверкают вечерами,
Как золотые письма.

В оконном тесном полукруге,
Припоминая, узнаешь
Многоугольники и дуги —
Вселенной огненный чертеж.

С Л О В А Р Ъ

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

На всех словах — события печать.
Они дались не даром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

* * *

Где вплотную, высок и суров,
Подступает к дороге бор, —
Ты увидишь сквозь строй стволов,
Словно в озере, дом и двор.

Так и тянет к себе и зовет
Теплым дымом домашний кров.
Не твоя ли здесь юность живет
За тремя рядами стволов?

* * *

Не знает вечность ни родства, ни племени,
Чужда ей боль рождений и смертей.
А у меньшóй сестры ее — у времени —
Бесчисленное множество детей.

Столетия разрешаются от бремени.
Плоды приносят год, и день, и час.
Пока в руках у нас частица времени,
Пускай оно работает для нас!

Пусть мерит нам стихи стопою четкою,
Работу, пляску, плаванье, полет
И — долгое оно или короткое —
Пусть вместе с нами что-то создает.

Бегущая минута незаметная
Рождает миру подвиг или стих.
Глядишь — и вечность, старая, бездетная,
Усыновит племянников своих.

**НАДПИСЬ
НА КНИГЕ ПЕРЕВОДОВ**

В одно и то же время океан
Штурмует скалы севера и юга.

Живые волны — люди разных стран —
О целом мире знают друг от друга.

Бремя любви тяжело, если даже несут его двое.
Нашу с тобою любовь нынче несу я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем — сам я сказать не могу.

* * *

Дорого вовремя время.
Времени много и мало.
Долгое время — не время,
Если оно миновало.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ НА СЕВЕРЕ

На неизвестном полустанке,
От побережья невдали,
К нам в поезд финские цыганки
Июньским вечером вошли.

Хоть волосы их были русы,
Цыганок выдавала речь
Да в три ряда цветные бусы
И шали, спущенные с плеч.

Блестя цепочками, серьгами
И споря пестротой рубаш,
За ними следом шли цыгане
С кривыми трубками в зубах.

С цыганской свадьбы иль с гулянки
Пришла их вольная семья.
Шуршали юбками цыганки,
Дымили трубками мужья.

Водил смычком по скрипке старой
Цыган поджарый и седой,
И вторила ему гитара
В руках цыганки молодой.

А было это ночью белой,
Когда земля не знает сна.
В одном окне заря алела,
В другом окне плыла луна.

И в этот вечер полнолуны,
В цыганский вечер, забрели
В вагон гадалки и плясуньи
Из древней сказочной земли.

Полынью пахло, пахло мятой,
Влетал к нам ветер с двух сторон,
И полевого аромата
Был полон дачный наш вагон.

П Е Ш Е Х О Д

В пути с утра до первых звезд,
От бурь не знает он защиты,
Но много дней и много верст
Его терпению открыты.

Пронесся поезд перед ним,
Прошел, стуча на каждой шпале,
Оставив в небе редкий дым
Да бледный след на тусклой стали.

Звонит встревоженная тишь.
Гудит смятенная дорога.
Но он спокоен: ненамного
Опредишь.

ДОН-КИХОТ

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдает испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

Нахмурилась елка, и стало темно.
Трещат огоньки, догорая.
И смотрит из снежного леса в окно
Сквозь изморозь елка другая.

Я вижу: на ней зажигает луна
Одетые снегом иголки,
И, вся разгораясь, мигает она
Моей догорающей елке.

И жаль мне, что иглы на елке моей
Метель не засыпала пылью,
Что ветер ее не качает ветвей,
Простертых, как темные крылья.

Лесная дикарка стучится в стекло,
Нарядной подруге кивая.
Пусть доверху снегом ее занесло, —
Она и под снегом живая!

КОРАБЕЛЬНЫЕ СОСНЫ

Собираясь на север, домой,
Сколько раз наяву и во сне
Вспоминал я о статной, прямой
Красноперой карельской сосне.

Величав ее сказочный рост.
Да она и растет на горе.
По ночам она шарит меж звезд
И пылает огнем на заре.

Вспоминал я, как в зимнем бору,
Без ветвей от верхушек до пят,
Чуть качаясь в снегу на ветру,
Корабельные сосны скрипят.

А когда наступает весна,
Молодеют, краснеют стволы.
И дремучая чаща пьяна
От нагретой за день смолы.

* * *

Замерзший бор шумит среди лазури,
Метет ветвями синеву небес.
И кажется, — не буря будит лес,
А буйный лес, качаясь, будит бурю.

ГОЛОС В ЛЕСУ

Едва остановится дачный
У первой платформы лесной,
Вы слышите голос прозрачный,
Рожденный самой тишиной.

В лесу над росистой поляной
Кукушка встречает рассвет.
В тиши ее голос стеклянный
Звучит, как вопрос и ответ.

В двух звуках, кукушкой пропетых,
Не радость слышна, не печаль.
Она говорит нам, что где-то
Есть очень далекая даль.

Надгробный памятник С. Я. Маршаку на Новодевичьем кладбище
в Москве

Скульптор Н. Никогосян.

«Избранная лирика». 1962 г.
Шмуктитул художника В. Пикова.

Л Е С

Многоэтажный этот дом
Не знает праздного безделья.
Упорным занят он трудом
От купола до подземелья.

Здесь ловят солнце зеркала
В лаборатории высокой.
И движутся внутри ствола
Добытые корнями соки.

Бормочут листья в полусне,
Но это мнимая дремота.
В глуши, в покое, в тишине
Идет незримая работа.

ПУШКИНСКАЯ ДУБРАВА

Три вековых сосны стоят на взгорье,
Где молодая роща разрослась.
Зеленый дуб шумит у Лукоморья.
Под этим дубом сказка родилась.

Еще свежа его листва густая
И корни, землю взрывшие бугром.
И та же цепь литая, золотая,
Еще звенит, обвив его кругом.

Нам этот дуб священной год от года.
Хранит он связь былых и наших дней.
Поэзия великого народа
От этих крепких родилась корней.

У Лукоморья поднялась дубрава.
И всей своей тяжелою листвою
Она шумит спокойно, величаво,
Как славный прадед с цепью золотой.

ПУШКИН

У памятника на закате летом
Играют дети. И, склонив голову,
Чуть озаренную вечерним светом,
Он с возвышенья смотрит на Москву.

Шуршат машины, цепью выбегая
На площадь из-за каждого угла.
Шумит Москва — родная, но другая —
И старше и моложе, чем была.

А он все тот же. Только год от года
У ног его на площади Москвы
Все больше собирается народа
И все звучнее влажный шум листвы.

Участник наших радостей и бедствий
Стоит, незыблем в бурю и в грозу,
Там, где играл, быть может, в раннем детстве,
Как те ребята, что спуют внизу.

* * *

О ней поют поэты всех веков.
Нет в мире ничего нежней и краше,
Чем этот сверток алых лепестков,
Раскрывшийся благоуханной чашей.

Как он прекрасен, холоден и чист, —
Глубокий кубок, полный аромата.
Как дружен с ним простой и скромный лист,
Темно-зеленый, по краям зубчатый.

За лепесток заходит лепесток,
И все они своей пурпурной тканью
Струят неиссякающий поток
Душистого и свежего дыханья.

Я это чудо видел на окне
Одной абхазской деревенской школы.
И тридцать рук в дорогу дали мне
По красной розе, влажной и тяжелой,

Охапку роз на север я увез,
Цветы Кавказа — в Ленинград далекий.
И пусть опали тридцать красных роз, —
На память мне остались эти строки.

* * *

Незнакомый полустанок.
Поезд из виду исчез.
И полозья легких санок
Мчат приезжих через лес.

Покидая хвойный полог,
Резвый конь гостей унес
Из-под свода хмурых елок
В рощу голую берез.

Вдаль бегут стволы, белея.
И от этих белых тел
Над березовой аллеей
Самый воздух посветлел.

ВЧЕРА Я ВИДЕЛ

Шумят деревья за моим окном.
Для нас они — деревья как деревья,
А для других — укромный, мирный дом
Иль временный привал среди кочевья.

Вчера я видел: съежившись в комок,
На дереве у моего окошка
Сидел хвостатый рыженький зверек
И чистился, чесался, точно кошка.

Лизал он шерстку белую брюшка,
Вертя проворной маленькой головкой.
И вдруг, услышав шорох, в два прыжка
На верхней ветке очутился ловко.

Меж двух ветвей повис он, словно мост,
И улетел куда-то без усилия.
Четыре лапы и пушистый хвост
Ему в полете заменяют крылья.

Моя сосна — его укромный дом
Иль временный привал среди кочевья.
Теперь я знаю: за моим окном
Не только мне принадлежат деревья!

ГРОЗА НОЧЬЮ

Грянул ночью гром весенний,
Грозен, свеж, неукротим.
Словно тысячи ступеней
Разом рухнули под ним.

«Граждане! Встречайте лето!»
Прогремел тяжелый гром.
И улыбкой — вспышкой света —
Озарилось все кругом.

И вослед ночному грому,
Услыхав его сигнал,
По воде, земле и дому
Первый ливень пробежал.

1 6 1 6 -- 1 9 4 9

Я перевел Шекспировы сонеты.
Пускай поэт, покинув старый дом,
Заговорит на языке другом,
В другие дни, в другом краю планеты.

Соратником его мы признаем,
Защитником свободы, правды, мира.
Недаром имя славное Шекспира
По-русски значит: потрясai копьем.

Три сотни раз и тридцать раз и три
Со дня его кончины очертила
Земля урочный путь вокруг светила,
Свергались троны, падали цари...

А гордый стих и в скромном переводе
Служил и служит правде и свободе.

В П О Е З Д Е

Очень весело в дороге
Пассажиру лет семи.
Я знакомлюсь без тревоги
С неизвестными людьми.

Все мне радостно и ново —
Горько пахнувшая гарь,
Долгий гул гудка ночного
И обходчика фонарь.

В край далекий, незнакомый
Едет вся моя семья.
Третьи сутки вместо дома
У нее одна скамья.

Тесновато нам немножко
Это новое жилье,
Но открытое окошко
Перед столиком — мое!

Предо мной в оконной раме
Ближний лес назад идет.
А далекий — вместе с нами
Пробирается вперед.

Словно детские игрушки,
Промелькнули на лету
Деревянные избушки,
Конь с телегой на мосту.

Вот и домик станционный.
Сеть густая проводов
И бессчетные вагоны
Мимолетных поездов.

В поздний час я засыпаю,
И, баюкая меня,
Мчится поезд, рассыпая
Искры красного огня.

Я прислушиваюсь к свисту,
К пенью гулкому колес.
Благодарный машинисту,
Что ведет наш паровоз.

Лет с тех пор прошло немножко..
Становлюсь я староват
И местечко у окошка
Оставляю для ребят.

* * *

На всех часах вы можете прочесть
Слова простые истины глубокой:
Теряя время, мы теряем честь.
А совесть остается после срока.

Она живет в душе не по часам.
Раскаянье всегда приходит поздно.
А честь на час указывает нам
Протянутой рукою — стрелкой грозной.

Чтоб наша совесть не казнила нас,
Не потеряйте краткий этот час.
Пускай, как стрелки в полдень, будут вместе
Веленья нашей совести и чести!

Мы знаем: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Бывают у него застои,
А иногда оно течет
Ненагруженное, пустое,
Часов и дней напрасный счет.

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

Нас петухи будили каждый день
Охрипшими спросонья голосами.
Была нам стрелкой солнечная тень,
И солнце было нашими часами.

Лениво время, как песок, текло,
Но вот его пленили наши предки,
Нашли в нем лад, и меру, и число.
С тех пор оно живет в часах, как в клетке.

Строжайший счет часов, минут, секунд
Поручен наблюдателям ученым.
И механизмы, вделанные в грунт,
Часам рабочим служат эталоном.

Часы нам измеряют труд и сон,
Определяют встречи и разлуки.
Для нас часов спокойный, мерный звон —
То мирные, то боевые звуки.

Над миром ночь безмолвная царит.
Пустеет понемногу мостовая.
И только время с нами говорит,
Свои часы на башне отбивая.

Л А И Д Ы Ш

Чернеет лес, теплом разбуженный,
Весенней сыростью объят.
А уж на ниточках жемчужины
От ветра каждого дрожат.

Бутонов круглые бубенчики
Еще закрыты и плотны,
Но солнце раскрывает венчики
У колокольчиков весны.

Природой бережно спеленатый,
Завернутый в широкий лист,
Растет цветок в глуши нетронутой,
Прохладен, хрупок и душист.

Томится лес весною раннею,
И всю счастливую тоску,
И все свое благоухание
Он отдал горькому цветку.

« С О Л Н Ы Ш К О »

Мы солнца в дороге не видели днем —
Погода была грозовая.
Когда же оно засверкало огнем,
Ты спутникам что-то сказала о нем,
По-детски его называя.

Пусть это бурное море огня
Зовут лучезарным светилом,
Как в детстве, оно для тебя и меня
Останется солнышком милым.

И меньше не станет оно оттого,
Что где-то на малой планете
Не солнцем порой называют его,
А солнышком взрослые дети.

ГРОЗА НОЧЬЮ

Мгновенный свет и гром впотьмах, —
Как будто дров свалилась груда...

В грозе, в катящихся громах
Мы любим собственную удадь.

Мы знаем, что таится в нас
Так много радости и гнева,
Как в этом громе, что потряс
Раскатами ночное небо!

ГРОМ В ГОРОДЕ

Целый день он с нами прожил,
Шалый гром, бродячий гром.
Он в садах детей тревожил
Громыхающим багром.

Задремавшего ребенка
Увозили под навес,
И гремел ему вдогонку
Гром, скатившийся с небес.

Пригрозил он стадиону
И базары припугнул.
Целый день по небосклону
Перекатывался гул.

А потом, поднявшись выше,
Он во всю ударил мощь,
И по улицам, по крышам
Поскакал весенний дождь.

Какие гости в комнате моей!
Узбекские, туркменские тюльпапы.
Они пришли в одежде пестротканой
К нам из садов, из парков, из степей.

Вот розовый с каемкою узорной.
Вот золотой — шесть языков огня.
А есть цветок почти как уголь черный,
Лоснистый, точно кожа у коня.

В диковинных цветах земли восточной
Я удалое племя узнаю.
Поддерживает чашу стебель прочный,
Пробившийся на свет в степном краю.

В кувшине на столе прожив неделю,
Земли, корней лишенные цветы
Не съежились ничуть, не побледнели
И сохранили свежесть красоты.

Вот первый лепесток пропал без вести,
За ним другому отлететь пришлось.
Но братья-лепестки не вянут вместе,
Живут в семье, а умирают врозь.

* * *

Я прохожу по улицам твоим,
Где каждый камень — памятник героям.
Вот на фасаде надпись:

«Отстоим!»

А сверху «р» добавлено:

«Отстроим!»

Когда мы попадаем в тесный круг,
Где промышляют тонким острословьем
И могут нам на выбор предложить
Десятки самых лучших, самых свежих,
Еще не поступивших в оборот
Крылатых слов, острот и каламбуров, —

Нам вспоминается широкий мир,
Где люди говорят толково, звучно
О стройке, о полях, об урожае,
Где шутку или меткое словцо
Бросают мимоходом, между делом,
Но эта шутка дельная острой
Всего, чем щеголяет острословье.

И нам на ум приходит, что народ,
Который создал тысячи пословиц,
Пословицами пользуется в меру
И называет золотом молчанье.

* * *

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах, —
Приятно вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера,
Простую речь: «А скоро будет дождь!»

Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой —
С дождем, который скоро прошумит.

* * *

Пустынный двор, разрезанный оврагом,
Зарос бурьяном из конца в конец.
Вот по двору неторопливым шагом
Идет домой с завода мой отец.

Лежу я в старой тачке, и спросонья
Я чувствую — отцовская рука
Широкою горячею ладонью
Моих волос касается слегка.

Заходит солнце. Небо розовато.
Фабричной гарью тянет. Но вовек
Не будет знать прекраснее заката
Лежащий в старой тачке человек.

Скрипели возы по дорогам.
Едва шелестела листва.
А в скошенном поле за стогом
Сверкала огнями Москва.

Мерцала огней вереница,
А в поле была тишина,
И тенью бесшумная птица
Над полем кружила одна.

Простора открылось так много
С тех пор, как скосили траву.
И странно в пути из-за стога
Увидеть ночную Москву.

Пронизан и высушен зноем,
Вдали от гудящих дорог
Дремотой, довольством, покоем
Дышал этот сумрачный стог.

И только огней вереница —
Граница небес и земли —
Давала мне знать, что столица
Не спит за полями вдали.

М Е Р Ы В Е С А

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений — на ЗИЛе длинном,
Просто талант — на «победе».

А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «москвич»
Или ходит пешком. Как Чехов.

ВЛАДИМИР СТАСОВ

I

Пыль над Питером стояла,
Будто город дворник мел.
От Финляндского вокзала
Дачный поезд отошел.

Закоулочки невзрачные,
Крик торговцев городских
И цветные платья дачные
Петербургских щеголих.

В переулках мало зелени.
Поглядишь, — недалеке
Меж домами, как в расселине,
Дремлет дачник в гамаке.

Но сильнее веет хвойною
Крепкой свежестью в окно.
С косогора сосны стройные
Смотрят вниз на полотно.

Вот и Парголово. Здание
Неприметное на взгляд.
Таратайки в ожидании
Чинно выстроились в ряд.

Не извозчик с тощей клячею
Ждет у станции господ.
Тот, кто сам владеет дачею,
Возит с поезда народ.

Гонит мерина саврасого
Мимо сосен и берез.
— Далеко ли дача Стасова? —
Задаю ему вопрос.

Кто не знает седовласого
Старика-богатыря!
Только дачи нет у Стасова,
Откровенно говоря.

— Вы племянник или внук его?
— Нет, знакомый. — Ну, так вот.
Он на даче у Безрукова
Лето каждое живет.

Человек, видать, заслуженный.
Каждый день к нему друзья
Ездят в дом к обеду, к ужину,
А Безруков — это я!

II

Сосновый двухэтажный дом.
Стеклянная терраса.
Здесь наверху, перед окном,
Сидит и пишет Стасов.

Громит он недругов в статье,
Ударов не жалея, —
Хотя на отдыхе, в семье
Нет старика добрее.

Дождь барабанит в тишине
По зелени садовой.
А он племянникам и мне
Читает вслух Толстого.

Или в гостиной, усадив
Кого-нибудь за ноты,
Знакомый слушает мотив
Из «Арагонской хоты».

Во дни рождений, именин
На стасовском рояле
Когда-то Римский, Бородин
И Мусоргский играли.

Тревожил грузный Глазунов
Всю ширь клавиатуры,
И петь весь вечер был готов
Под шум деревьев и кустов
Шаляпин белокурой.

Сосновый двухэтажный дом,
Что выстроил Безруков,
В иные дни вмещал с трудом
Такую бурю звуков.

Открыты были окна в сад
И в полевые дали.
И все соседи — стар и млад —
Под окнами стояли.

Вечерний свежий шум берез
Был слышен в перерывах,
Да раздавался скрип колес
Пролеток говорливых.

Шумел на улице раек —
Под окнами, у двери.
А тот, над кем был потолок,
Был в ложе иль в партере.

Сидела публика кружком,
А у рояля Стасов
Стоял, узорным кушаком
Рубаху подпоясав.

Смотрел он из-под крупных век,
Восторжен и неистов...
Он прожил долгий, бурный век.
Родился этот человек
В эпоху декабристов.

Он никогда не отступал
В неравном поединке.
Он за «Руслана» воевал
С гонителями Глинка.

Могучей кучки атаман,
Всегда готовый к спорам,
С врагом он бился, как Руслан
С коварным Черномором.

Он был рожден на белый свет,
Когда войны великой след
Был свеж в душе народа:
Прошло всего двенадцать лет
С двенадцатого года.

При этой жизни в даль и глушь
Был сослан цвет России.
При ней страницы «Мертвых душ»
Печатались впервые.

Ей рубежами служат две
Немеркнувшие даты —
Год двадцать пятый на Неве
И год девятьсот пятый.

III

Публичная библиотека.
Щитами огорожен стол
Перед окном. Почти полвека
Владимир Стасов здесь провел.

Осанистый, в сюртук одетый,
Сидит он за столом своим.
Стеной петровские портреты
Стоят на страже перед ним.

Вот бюст Петра. Вот вся фигура.
Внизу латинские слова
О том, что тиснута гравюра
В такой-то год от рождества.

Вот на коне перед сенатом
Застыл он, обращен к Неве,
В плаще широком и крылатом,
С венком на гордой голове.

Спокоен лик его недвижный,
Но столько в нем таится сил,
Что этот зал палаты книжной
Он в бранный лагерь превратил.

Недаром меж бесчисленных полок,
Похожих на рельефы гор,
Поэт, историк, археолог
Ведут ожесточенный спор.

И, убеленный сединами,
Хранитель этих тысяч книг
Воюет, боевое знамя
Не опуская ни на миг.

Сейчас он прочитал газету
И так на критика сердит,
Что всем пришедшим по секрету
Об этом громко говорит.

Вокруг стола стоит ограда —
Щиты с портретами Петра.
Но за ограду без доклада
Народ является с утра.

Тут и художник с целой шапкой
Задорно вьющихся волос,
И композитор с толстой папкой:
Сюда он оперу принес.

Но гаснет в небе цвет медовый
Холодной питерской зари.
Внизу — на Невском, на Садовой —
Заговорили фонари.

И Стасов, бодрый и веселый,
Как зимний день седоволос,
В старинной шубе длиннополой
Выходит в сумрак, на мороз.

Пешком доходит до Фонтанки
И, поглядев на лед реки,
Садится, не торгуясь, в санки
И долго едет на Пески.

Скользят по Невскому полозья.
В домах зажегся робкий свет.
И лихо пляшут на морозе
Мальчишки с кипами газет.

Бежит седая лошаденка,
Бросая снег из-под копыт.
А замороженная конка
На перекрестке ей грозит.

Но слышен бас: «Правей, разиня!»
И два могучих рысака
В блестящей сбруе, в сетке синей
Взметают снега облака.

Ворча: «Куда вас носит, леших!» —
Извозчик убавляет рысь.
И тут же сам орет на пешех:
«Чего заснул? Поберегись!»

Просторы Невского покинув,
Он едет улицей немой,
Где двери редких магазинов
Скрежещут яростно зимой.

Но вот подъезд большого дома.
Выходит из саней седок,
Идет по лестнице знакомой
И сильно дергает звонок.

Проехавшись по первопутку,
Он стал румяней и бодрей
И, как всегда, встречает шуткой
Своих домашних у дверей.

Ложится в тесном кабинете
На узкий дедовский диван.
Но сна не любит он, как дети, —
Неугомонный великан...

За много месяцев до смерти
Прослушав реквием в концерте,
Он мне сказал, что умирать
Он не согласен. Так ребенок
На близких сердится спросонок,
Когда ему отец и мать
Напомнят, что пора в кровать.

Хотел он жить и слушать Баха,
И Глинку, и Бородина
И ставить в тот же ряд без страха
Неведомые имена.

Полвека нет его на свете,
Но он такой прорезал путь,
Что, вспомнив прошлое столетье,
Нельзя его не помянуть.

НАЧАЛО ВЕКА

Шумит-бурлит людской поток
На площади вокзальной.
Солдат увозят на Восток
И говорят — на Дальний.

Дрались их деды в старину
Не раз в далеких странах,
Вели за Альпами войну,
Сражались на Балканах.

Но дальше этих дальних стран
Восточный край державы.
Через Сибирь на океан
Везут солдат составы.

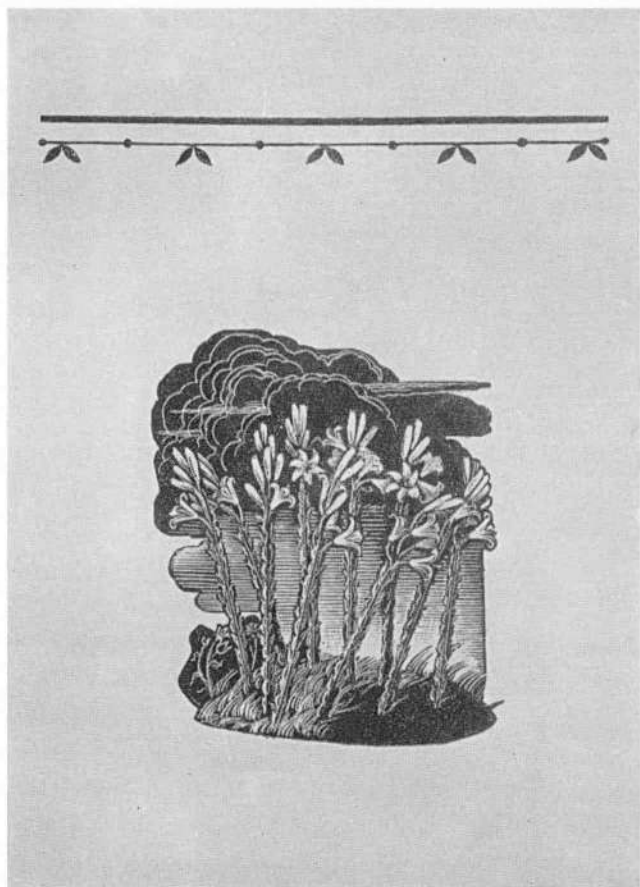
Далеким пламенем война
Идет в полях Маньчжурии.
И глухо ропщет вся страна,
Как роща перед бурейю.

А здесь — у входа на вокзал —
Свистят городовые...
В те дни японец воевал
Со связанной Россией.

Я помню день, когда войне
Исполнилось полгода.
Кого-то ждать случилось мне
Среди толпы парода.

С. Я. Маршак и София Михайловна Мильвидская незадолго
до свадьбы. 1911 г.

**«Избранная лирика». 1962 г. Шмуцтитул к разделу стихов,
посвященных жене поэта, С. М. Маршак.
Гравюра художника В. Фаворского**

Ломились бабы, старики
К вокзальному порогу.
Несли мешки и узелки
Солдатам на дорогу.

Вдруг барабан издалека
Сухую дробь рассыпал.
И узелок у старика
Из рук дрожащих выпал.

И, заглушая плач детей,
Раздался у вокзала
Припев солдатский «Соловей»
И посвист разудалый.

Под переливы «Соловья»
Идут — за ротой рота —
Отцы, мужья и сыновья
В открытые ворота.

И хлынул вслед поток живой
Наперекор преградам,
Как ни вертел городской
Конем широкозадым.

Коня он ставил поперек,
Загородив дорогу,
Но путь пробил людской поток
К воротам и к порогу.

Скользя глазами по толпе,
Бежавшей вдоль перрона,
Смотрел полковник из купе
Блестящего вагона.

Взглянув с тревогой на народ,
Стекло он поднял в раме...

Был пятый год, суровый год,
Уже не за горами.

МОЛОДОЙ ГОРЬКИЙ

Он сухощав, и строен, и высок,
Хоть плечи у него слегка сутулы.
Крыло волос ложится на висок,
А худобу и бледность бритых щек
Так явственно подчеркивают скулы.

Усы еще довольно коротки,
Но уж морщинка меж бровей змеится.
А синих глаз задорные зрачки
Глядят в упор сквозь длинные ресницы.

На нем воротничков крахмальных нет.
На мастера дорожного похожий,
Он в куртку однобортную одет
И в сапоги обут из мягкой кожи.

Таким в дверях веранды он стоял —
В июльский день, безоблачный, горячий, —
И на привет собравшихся на даче
Басил смущенно: — Я провинциал!

Провинциал... Уже толпой за ним
Ходил народ в театре, на вокзале.
По всей стране рабочие считали
Его своим. «Наш Горький! Наш Максим!»

Как бы случайно взятый псевдоним
Был вызовом, звучал программой четкой,
Казался биографией короткой
Тому, кто был бесправен и гоним.

Мы, юноши глухого городка,
Давно запоем Горького читали,
Искали в каждом вышедшем журнале,
И нас пьянила каждая строка.

Над речкой летний вечер коротая
Иль на скамье под ставнями с резьбой,
Мы повторяли вслух наперебой
«Старуху Изергиль» или «Пиляя».

Товарищ мой открытку мне привез,
Где парень молодой в рубашке белой,
Назад откинув прядь густых волос,
На мир глядел внимательно и смело.

И вот теперь, взаправдашний, живой,
В июльский день в саду под Петроградом,
Чуть затенен играющей листвою,
Прищурясь, он стоит со мною рядом.

Тот Горький, что мерещился вдали
Так много лет, — теперь у нас всецело.
Как будто монумент к нам привезли,
И где-то площадь разом опустела.

О нет, не монумент!.. Глухим баском,
С глубоким оканьем нижегородца
Он говорит и сдержанно смеется —
И точно много лет он мне знаком.

Не гостем он приехал в Петроград,
Хоть и зовет себя провинциалом.
Вербует он соратников отряд
И властно предъявляет счет журналам.

Так было много лет тому назад.

ШАЛЯПИН

В тот зимний день Шаляпин пел
На сцене у рояля.
И повелительно гремел
Победный голос в зале.

Дрожал многоэтажный зал,
И, полный молодежи,
Певцу раек рукоплескал,
Потом — партер и ложи.

То — Мефистофель, гений зла, —
Он пел о божестве злата,
То пел он, как блоха жила
При короле когда-то.

Казалось нам, что мы сейчас
Со всей галеркой рухнем,
Когда величественный бас
Затягивал: «Эй, ухнем!»

«Шаляпин»... Вижу пред собой,
Как буквами большими
Со стен на улице любой
Сверкает это имя...

Печален был его конец.
Скитаясь за границей,
Менял стареющий певец
Столицу за столицей.

И все ж ему в предсмертный час
Мерещилось, что снова
Последний раз в Москве у нас
Поет он Годунова,

Что умирает царь Борис
И перед ним холсты кулис,
А не чужие стены.

И по крутым ступенькам вниз
Уходит он со сцены...

ЯЛТА

Вот набережной полукруг
И городок многоэтажный,
Глядящий весело на юг,
И гул морской, и ветер влажный.

И винограда желтизна
На горном склоне каменистом —
Все, как в былые времена,
Когда я был здесь гимназистом,

Когда сюда я приезжал
В конце своих каникул летних
И в белой Ялте замечал
Одних четырнадцатилетних.

Здесь на верандах легких дач
Сидел народ больной и тихий.
А по дорогам мчались вскачь
Проводники и щеголихи.

Я видел Ялту в том году,
Когда ее покинул Чехов.
Осиротевший дом в саду
Я увидал, сюда прнехав.

Белеет стройный этот дом
Под южной улицею узкой,
Но кажется, что воздух в нем
Не здешний — северный и русский.

И кажется, что, не дыша,
Прошло здесь пять десятилетий,
Не сдвинув и карандаша
В его рабочем кабинете.

Он умер, и его уход
Был прошлого последней датой...
Пришел на смену новый год —
Столетия нынешнего пятый.

И тихий ялтинский курорт
Забушевал, как вся Россия.
И Ялтой оказался порт,
Суда морские, мастерские.

Идет народ по мостовой.
Осенний ветер треплет знамя.
И «Варшавянку» вместе с нами
Поет у пристани прибой.

* * *

Грянул гром внезапно, наобум —
Яростный удар и гул протяжный.
А потом пронесся легкий шум,
Торопливый, радостный и влажный.

Дождь шумел негромко, нараспев,
Поливая двор и крышу дома,
Шепотом смиряя буйный гнев
С высоты сорвавшегося грома.

* * *

О том, как хороша природа,
Не часто говорит народ
Под этой синью небосвода,
Над этой бледной синью вод.

Не о закате, не о зыби,
Что серебрится вдалеке, —
Народ беседует о рыбе,
О сплаве леса по реке.

Но, глядя с берега крутого
На розовеющую гладь,
Порой одно он скажет слово,
И это слово — «Благодать!».

Вечерний лес еще не спит.
Луна восходит яркая.
И где-то дерево скрипит,
Как старый ворон каркая.

Все этой ночью хочет петь.
А неспособным к пению
Осталось гнуться да скрипеть,
Встречая ночь весеннюю.

★ ★ ★

Как поработала зима!
Какая ровная кайма,
Не нарушая очертаний,
Легла на кровли стройных зданий.

Вокруг белеющих прудов —
Кусты в пушистых полушубках.
И проволока проводов
Таится в белоснежных трубках.

Снежинки падали с небес
В таком случайном беспорядке,
А улеглись постелью гладкой
И строго окаймили лес.

Текла, извивалась, блестела
Река меж зеленых лугов.
А стала недвижной и белой,
Чуть-чуть голубее снегов.

Она покорила оковам.
Не знаешь, бежит ли вода
Под белым волнистым покровом
И верстами крепкого льда.

Чернеют прибрежные ивы,
Из снега торчат тростники,
Едва намечая извивы
Пропавшей под снегом реки.

Лишь где-нибудь в проруби зыбко
Играет и дышит вода,
И в ней красноперая рыбка
Блеснет чешуей иногда.

* * *

С. М.

Сколько раз пытался я ускорить
Время, что несло меня вперед,
Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
Но зато я слышу каждый шаг,
Слышу, как дубы ведут беседу,
Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише,
Потому что лес вечерний тих,
И прощальный шум ветвей я слышу
Без тебя — один за нас двоих.

* * *

Дана лишь минута
Любому из нас.
Но если минутой
Кончается час,
Двенадцатый час, открывающий год,
Который в другое столетье ведет, —
Пусть эта минута, как все, коротка,
Она, пробегаля, смыкает века.

* * *

Даже по делу спеша, не забудь:
Этот короткий путь —
Тоже частица жизни твоей.
Жить и в пути умей.

БОР

Всех, кто утром выйдет на простор,
Сто ворот зовут в сосновый бор.

Меж высоких и прямых стволов
Сто ворот зовут под хвойный кров.

Полумрак и зной стоят в бору.
Смолы проступают сквозь кору.

А зайдешь в лесную даль и глушь,
Муравьиным спиртом пахнет сушь.

В чаще муравейники не спят —
Шевелятся, зыблются, кипят.

Да мелькают белки в вышине,
Словно стрелки, от сосны к сосне.

Этот лес полвека мне знаком.
Был ребенком, стал я стариком.

И теперь брожу, как по следам,
По своим мальчишеским годам.

Но, как прежде, для меня свои —
Иглы, шишки, белки, муравьи.

И меня, как в детстве, до сих пор
Сто ворот зовут в сосновый бор.

НА РОДИНЕ БЕРНСА

Все это было мне знакомо,
Но увидал я в первый раз
И стены глиняные дома
Почти без окон, как без глаз,
И серую солому крыши,
И в тесной комнате кровать
У стенки справа, в душной нише,
Где песню напевала мать
Тому, кто стал певцом и другом
Простых людей из деревень,
Кто горевал, разрушив плугом
Жилье зверька в ненастный день.

Здесь, в этой хижине крестьянской,
Куда входили через хлев,
Впервые слышал он шотландский,
В горах родившийся напев.

А так как тяжкие налоги
В те дни платили за окно,
Синело в спальенке убогой
Окошко мутное одно.
Квадрат, крестом пересеченный,
Чуть пропускал неяркий свет,
Но сквозь него весь мир зеленый
Впервые увидал поэт.

Так мало жил он в этом мире,
Где плугом землю бороздил,
Где с милой по лугам бродил
И на стекле окна в трактире
Алмазом строчки выводил...

А умер в городской квартире.

В два этажа был этот дом,
И больше окон было в нем,
Да и кровать была повыше,
Чем в прежнем доме — в узкой нише.

Но за решетчатым окном
Порту в день его последний
Был виден только двор соседний,
А не полей волнистых ширь,
Не речка под зеленым кровом
И не болотистый пустырь,
Поросший вереском лиловым...

ДОБРОЕ ИМЯ

Памяти писателя Шолом Алейхема

Потомков ты приветствуешь веселым
Простонародным именем, поэт.
«Шолом алейхем» и «алеихем шолом» —
Таков привет старинный и ответ.

«Шолом алейхем» — мира и здоровья!
Нет имени щедрее и добрей...
Еще вчера земля дымилась кровью
Растерзанных детей и матерей.

Прошла война по городам и селам,
Воронками изрыла пыльный шлях,
Где из местечка в город ездил Шолом,
Длинноволосый, в шляпе и очках.

Где в таратайке — юноша сутулый —
Под сонный скрип немазанных колес
Он балагурил с рыжим балагулой
И отвечал вопросом на вопрос.

В родной его Касриловке-Воронке,
Стирая память дедовских времен,
Война смела домишки, и лавчонки,
И синагогу, и резной амвон...

Но в день, когда друзья собрались вместе
Во имя жизни, смерти вопреки,
Победные и радостные вести
Мы принесли к могиле, как венки.

В боях за жизнь, в борьбе с фашистским рейхом
Сломила недругов твоя страна.
Ты слышишь ли, старик Шолом Алейхем?
Победой правды кончилась война!

Ты говоришь с потомками своими
Не на одном, на многих языках.
И пусть твое приветливое имя
Живет и светит в будущих веках!

НАЧАЛО ДНЯ

За окнами сумрак ранний
На свет и на тьму похож, —
Будто на синем плане
Нового дня чертеж.

Вижу, привстав с постели,
Как выступают из мглы
Строгие лесенки елей,
Сосен прямые стволы.

Слышу в тиши до рассвета
Первые грузовики.
Слышу, как в городе где-то
Пробуют голос гудки.

Тот, кто минуту свиданья
Ночи и дня подглядел,
Видел весь мир в ожиданье
Новых событий и дел.

В ДОРОГЕ

В сумерки весенние
За листвою берез
Гулко в отдалении
Свистнул паровоз.

Дымными полотнами
Застилая лес,
Окнами бесчисленными
Замелькал экспресс.

Слабо отраженные,
Чуть светясь во мгле,
Очерки оконные
Мчатся по земле.

Желтая вагонная
Жесткая скамья —
Жизнь моя бессонная,
Молодость моя.

По неизвестным станциям —
Из конца в конец
По Руси постраниствовал
Вдоволь мой отец.

Скучной ночью длиною
Он смотрел в окно.
Перед ним пустынное
Стлалось полотно.

С тайною тревогою
Под немолчный шум
Много он дорогою
Передумал дум.

Не ему ли следуя,
Я живу в пути.
Все куда-то еду я
Лет с пяти-шести.

Но теперь вагонная
Желтая скамья —
Словно обновленная
Молодость моя.

И легко мне с первыми
Встречными в пути
Будто давний прерванный
Разговор вести.

* * *

Не знаю, когда прилетел соловей,
Не знаю, где был он зимой,
Но полночь наполнил он песней своей,
Когда воротился домой.

Весь мир соловьиною песней прошит:
То слышится где-то свирель,
То что-то рокошет, журчит и стучит
И вновь рассыпается в трель.

Так четок и чист этот голос ночной,
И все же при нем тишина
Для нас остается немой тишиной,
Хоть множества звуков полна.

Еще не раскрылся березовый лист
И дует сырой ветерок,
Но в холоде ночи ликующий свист
Мы слышим в назначенный срок.

Ты издали дробь соловья улови —
И долго не сможешь уснуть.
Как будто счастливой тревогой любви
Опять переполнена грудь.

Тебе вспоминается северный сад,
Где ночью продрог ты не раз,
Тебе вспоминается пристальный взгляд
Любимых и любящих глаз.

Находят и в теплых краях соловьи
Над лавром и розой приют.
Но в тысячу раз мне милее свои,
Что в холоде вешнем поют.

Не знаю, когда прилетел соловей,
Не знаю, где был он зимой,
Но полночь наполнил он песней своей,
Когда воротился домой.

В полутьме я увидел: стояла
За окном, где кружила метель,
Словно только что с зимнего бала,
В горностаи одетая ель.

Чуть качала она головою,
И казалось, что знает сама,
Как ей платье идет меховое,
Как она высока и пряма.

✽ * *

Апрельский дождь прошел впервые,
Но ветер облака унес,
Оставив капли огневые
На голых веточках берез.

Еще весной не одета
В наряд из молодой листвы,
Березка капельками света
Сверкала с ног до головы.

* * *

Столько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом.

В этом доме все живы-здоровы —
Те, которых давно уже нет.
И висячая лампа в столовой
Льет по-прежнему теплый свет.

В поздний час все домашние в сборе —
Братья, сестры, отец и мать.
И так жаль, что приходится вскоре,
Распрощавшись, ложиться спать.

★ ★ ★

Неужели я тот же самый,
Что, в постель не ложась упрямо,
Слышал первый свой громкий смех
И не знал, что я меньше всех.

И всегда-то мне дня было мало,
Даже в самые долгие дни,
Для всего, что меня занимало, —
Дружбы, драки, игры, беготни.

Да и нынче борюсь я с дремотой,
И ложусь до сих пор с неохотой,
И покою ночному не рад,
Как две трети столетья назад.

И Г Р А

Прошло полвека с этих пор,
Но помню летний день,
От зноя побуревший двор,
Пригнувшийся плетень.

Здесь петухов охрипший хор
Поет нам по утрам,
Что за двором еще есть двор —
И нет конца дворам...

Когда же непроглядный мрак
Сомкнется за окном,
Свирепый, страшный лай собак
Разносится кругом.

А днем собакам лаять лень
И птицы не поют.
И только в травах целый день
Кузнечики куют.

Среди пустынного двора
У нас, ребят, идет игра.

Кладем мы кучку черепков,
Осколков кирпича —
И городок у нас готов:
Дома и каланча.

Из гладких, тесаных камней
Мы строим город покрупней,
А из дощечек и коры
Деревни — избы и дворы.

Дремучий лес у нас — бурьян,
Любой бугор — гора.
А есть и море-океан —
Овраг в конце двора...

За этой медленной игрой
Проводим мы весь день.
На свет родился наш герой
В одной из деревень.

Никто не ведает о нем.
Но вот приходит срок —
И мы учить его везем
В кирпичный городок.

Мы не в один заглянем дом,
Бродя по городку,
Пока квартиру со столом
Найдем ученику.

Куда потом его везти,
Еще не знали мы...
Бегут дороги и пути
Через поля, холмы.

Бегут и вдоль и поперек
Пустынного двора.
А этот двор, как мир, широк,
Пока идет игра!

* * *

С. М.

Колышутся тихо цветы на могиле
От легкой воздушной струи.
И в каждом качанье негнущихся лилий
Я вижу движенья твои.

Порою печальна, подчас безутешна,
Была ты чужда суеты
И двигалась стройно, неслышно, неспешно,
Как строгие эти цветы.

Как призрачно мое существованье!
А дальше что? А дальше — ничего...
Забудет тело имя и прозвание, —
Не существо, а только вещество.

Пусть будет так.
Не жаль мне плоти тленной,
Хотя она седьмой десяток лет
Бессменно служит зеркалом вселенной,
Свидетелем, что существует свет.

Мне жаль моей любви, моих любимых.
Ваш краткий век, ушедшие друзья,
Исчезнет без следа в неисчислимых,
Несознанных веках небытия.

Вам все равно, — взойдет ли вновь светило,
Рождая жизнь бурливую вдали,
Иль наше солнце навсегда остыло
И жизни нет и нет самой земли...

Здесь, на земле, вы прожили так мало,
Но в глубине открытых ваших глаз
Цвела земля, и небо расцветало,
И звездный мир сиял в зрачках у вас.

За краткий век страданий и усилий,
Тревог, печалей, радостей и дум
Вселенную вы сердцем отразили
И в музыку преобразили шум.

* * *

Когда забрезживший рассвет
Вернет цветам и листьям цвет,
Как бы проснувшись, рдеют маки,
Алеют розы в полумраке.
И птица ранняя поет...
Как праздник, утро настает.

Но, о заре еще не зная,
Стоит за домом тьма ночная.
Проснувшись в этот ранний час,
Ты видишь меж кустов знакомых
Тех странных птиц и насекомых,
Что на земле живут без нас.

Они уйдут с ночью тенью,
И вступит день в свои владенья.

В ЛОНДОНСКОМ ПАРКЕ

Гайд-парк листвою сочною одет.
Но травы в парке мягче, зеленее.
И каждый из людей привносит цвет
В зеленые поляны и аллеи.

Вот эти люди принесли с собой
Оранжевый и красный — очень яркий.
А те — лиловый, желтый, голубой, —
Как будто бы цветы гуляют в парке.

И если бы не ветер, что волной
Проходит, листья и стволы колебля,
Я думал бы: не парк передо мной,
А полотно веселое Констебля.

* * *

Морская ширь полна движенья.
Она лежит у наших ног
И, не прощая униженья,
С разбега бьется о порог.

Прибрежный щебень беспокойя,
Прибой влачит его по дну.
И падает волна прибоя
На отходящую волну.

Гремит, бурлит простор пустынный,
А с вышины, со стороны
Глядит на взморье серп невинный
Едва родившейся луны.

* * *

Я помню день, когда впервые —
На третьем от роду году —
Услышал трубы полковые
В осеннем городском саду.

И все вокруг, как по приказу,
Как будто в строй вступило сразу.
Блеснуло солнце сквозь туман
На трубы светло-золотые,
Широкогорлые, витые
И круглый, белый барабан.

И помню праздник на реке,
Почти до дна оледенелой,
Где музыканты вечер целый
Играли марши на катке.

У них от стужи стыли руки
И леденели капли слез.
А жарко дышащие звуки
Летели в сумрак и в мороз.

И, бодрой медью разогрето,
Огнями вырвано из тьмы,
На льду речном пылало лето
Среди безжизненной зимы.

✱ ✱ ✱

Как хорошо, что с давних пор
Узнал я звуковой узор,
Живущий в пении органа,
Где дышат трубы и меха,
И в скрипке старого цыгана,
И в нежной дудке пастуха.

Он и в печали дорог людям,
И жизнь, которая течет
Так суетливо в царстве буден,
В нем обретает лад и счет.

* * *

Ты много ли видел на свете берез?
Быть может, всего только две, —
Когда опушил их впервые мороз
Иль в первой весенней листве.

А может быть, летом домой ты пришел,
И солнцем наполнен твой дом,
И светится чистый березовый ствол
В саду за открытым окном.

А много ль рассветов ты встретил в лесу?
Не больше чем два или три,
Когда, на былинках тревожа росу
Без цели бродил до зари.

А часто ли видел ты близких своих?
Всего только несколько раз, —
Когда твой досуг был просторен и тих
И пристален взгляд твоих глаз.

Быстро дни недели пролетели,
Протекли меж пальцев, как вода,
Потому что есть среди недели
Хитрое колесико — Среда.

Понедельник, Вторник очень много
Нам сулят, — неделя молода.
А в Четверг она уж у порога.
Поворотный день ее — Среда.

Есть колеса дня, колеса ночи.
Потому и годы так летят.
Помни же, что путь у нас короче
Тех путей, что намечает взгляд.

Нет, нелегко в порядок привести
Ночное незаполненное время.
Не обкатать его, не утрясти
С пустотами и впадинами всеми.

Не перейти его, не обойти,
А без него грядущее закрыто...
Но вот доходим до конца пути,
До утренней зари — и ночь забыта.

О, как теперь ничтожен, как далек
Пустой ночного времени комок!

СЧАСТЬЕ

Как празднично сад расцветила сирень
Лилового, белого цвета.
Сегодня особый — сиреневый — день,
Начало цветущего лета.

За несколько дней разделись кусты,
Недавно раскрывшие листья,
В большие и пышные гроздья-цветы,
В густые и влажные кисти.

И мы вспоминаем, с какой простотой,
С какою надеждой и страстью
Искали меж звездочек в грозди густой
Пятилепестковое «счастье».

С тех пор столько раз перед нами цвели
Кусты этой щедрой сирени.
И если мы счастья еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

Сегодня старый ясень сам не свой, —
Как будто страшный сон его тревожит.
Ветвями машет, шевелит листвою,
А почему — никто сказать не может.

И листья легкие в раздоре меж собой,
И ветви гнутые скрипят, друг с другом споря.
Шумящий ясень чувствует прибой
Воздушного невидимого моря.

ПОЖЕЛАНИЯ ДРУЗЬЯМ

Желаю вам цвести, расти,
Копить, крепить здоровье.
Оно для дальнего пути —
Главнейшее условие.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет.
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево!

РОБЕРТУ БЕРНСУ

Тебе сегодня двести лет,
Но к этой годовщине
Ты не состарился, поэт,
А молод и доньше.

Зачем считать твои века,
Когда из двух столетий
Не прожил ты и сорока
Годов на этом свете?

С твоей страницы и сейчас
Глядят умно и резко
Зрачки больших и темных глаз,
Таящих столько блеска.

Все так же прям с горбинкой нос
И гладок лоб широкий,
И пряди темные волос
Чуть оттеняют щеки.

И твой сюртук не слишком стар,
А кружева, белея,
Заметней делают загар
Твоей крестьянской шеи.

Поэт и пахарь, с малых лет
Боролся ты с судьбою.
Твоя страна и целый свет
В долгу перед тобою.

Ты жил бы счастливо вполне
На малые проценты
Того, что стоили стране
Твои же монументы,

Ты стал чертовски знаменит,
И сам того не зная.
Твоими песнями звенит
Шотландия родная.

Когда, рассеяв полумрак,
Зажжется свет вечерний,
Тебя шахтер или рыбак
Читают вслух в таверне.

В народе знает стар и мал
Крутую арку моста,
Где твой О'Шентер проскакал
На лошади бесхвостой.

Поют под музыку твой стих,
Сопровождая танцы,
В коротких юбочках своих
Праправнуки-шотландцы.

Ты с каждым веком все родней
Чужим и дальним странам.
«Забыть ли дружбу прежних дней?»
Поют за океаном.

Мила и нам, твоим друзьям,
Твоя босая муза.
Она прошла по всем краям
Советского Союза.

Мы вспоминаем о тебе
Под шум веселый пира,
И рядом с нами ты в борьбе
За мир и счастье мира!

* * *

В столичном немолкнушем гуде,
Подобном падению вод,
Я слышу, как думают люди,
Идущие взад и вперед.

Проходит народ молчаливый,
Но даже сквозь уличный шум
Я слышу приливы, отливы
Весь мир обнимающих дум.

Порой часы обманывают нас,
Чтоб нам жилось на свете безмятежней,
Они опять покажут тот же час,
И верится, что час вернулся прежний.

Обманчив дней и лет круговорот:
Опять приходит тот же день недели,
И тот же месяц снова настает —
Как будто он вернулся в самом деле.

Известно нам, что час невозвратим,
Что нет ни дням, ни месяцам возврата.
Но круг календаря и циферблата
Мешает нам понять, что мы летим.

* * *

Возраст один у меня и у лета.
День ото дня понемногу мы стынем.
Небо могучего синего цвета
Стало за несколько дней бледно-синим

Всё же и я, и земля, мне родная,
Дорого дни уходящие ценим.
Вон и береза, тревоги не зная,
Нежится, греясь под солнцем осенним.

* * *

Т. Г.

Когда, как темная вода,
Лихая, лютая беда
 Была тебе по грудь,
Ты, не склоняя головы,
Смотрела в прорезь синевы
 И продолжала путь.

ЭПИТАФИЯ

Не надо мне ни слез, ни бледных роз, —
Я и при жизни видел их немало.
И ничего я в землю не унес,
Что на земле живым принадлежало.

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Т. Г.

У вдохновенья есть своя отвага,
Свое бесстрашье, даже удалство.
Без этого поэзия — бумага
И мастерство тончайшее мертво.

Но если ты у боевого стяга
Поэзии увидишь существо,
Которому к лицу не плащ и шпага,
А шарф и веер более всего.

То существо, чье мужество и сила
Так слиты с добротой, простой и милой, —
А доброта, как солнце, греет свет, —

Такою встречей можешь ты гордиться
И перед тем, как навсегда проститься,
Ей посвяти последний свой сонет.

* * *

Чудес, хоть я живу давно,
Не видел я покуда,
А впрочем, в мире есть одно
Действительное чудо:

Помножен мир (иль разделен?)
На те миры живые,
В которых сам он отражен,
И каждый раз впервые.

Все в мире было бы мертво, —
Как будто мира самого
Совсем и не бывало, —
Когда б живое существо
Его не открывало.

✱ ✱ ✱

Года четыре был я бессмертен,
Года четыре был я беспечен,
Ибо не знал я о будущей смерти,
Ибо не знал я, что век мой не вечен.

Вы, что умеете жить настоящим,
В смерть, как бессмертные дети, не верьте.
Миг этот будет всегда предстоящим —
Даже за час, за мгновенье до смерти.

Полные жаркого чувства,
Статуи холодны.
От пламени стены искусства
Коробиться не должны.

Как своды античного храма —
Души и материи сплав —
Пушкинской лирики мрамор
Строен и величав.

Бывало, полк стихов маршировал,
Шеренги шли размеренно и в ногу,
Рифмованные, звонкие слова
Литаврами звенели всю дорогу.

Теперь слова подчас идут вразброд.
Не слышен четкий шаг стихотворенья.
Так шествует — назад, а не вперед —
Разбитое в бою подразделение.

Свободный строй стиха я признаю,
Но будьте и при нем предельно кратки
И двигайтесь в рассыпанном строю,
Но в самом строгом боевом порядке.

Т. Г.

Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озерную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый легкий твой всплеск услышать.

А была ты и звонкой и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.

Ты жила и дышала любовью,
Ты, как щедрое солнце, зашла,
Оставляя свое послесловье —
Столько света и столько тепла!

НАДПИСЬ НА УРНЕ

Т. Г.

С тобою вместе враг твой был сожжен.
Удавом он сдавил при жизни тело.
Но до конца не мог коснуться он
Того, что и по смерти не истлело.

Ты горстью пепла стала, ты мертва,
Но помню, как у смертного порога
Произнесла ты медленно слова:
— Люблю я сильно, весело и строго.

Ты, умирая, силы мне дала,
Веселье, чтоб его раздал я многим.
И вот проходят все мои дела
Перед твоим судом, простым и строгим.

* * *

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи, — если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

* * *

С. М.

Трепал сегодня ветер календарь.
Перелистал последнюю неделю,
Пересмотрел июнь, потом январь,
А вслед за тем перелетел к апрелю.

Мелькнуло два иль три счастливых дня,
Но не открыл он ни единой даты,
Не вызывавшей в сердце у меня
Воспоминаний горестной утраты.

РАССВЕТ В ФИНЛЯНДИИ

Скамья над обрывом намокла,
Покрылась налетами льда.
Зарей освещенные стекла
Вдали отразила вода.

Взлетела случайная птица
И села на крышу опять.
Раскрыть свои крылья боится —
Ночное тепло растерять.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Как и сама ты предсказала,
Лучом, дошедшим до земли,
Когда звезды уже не стало,
Твои стихи до нас дошли.

Тебя мы слышим в каждой фразе,
Где спор ведут между собой
Цветной узор славянской вязи
С цыганской страстной ворожбой.

Но так отчетливо видна,
Едва одета легкой тканью,
Душа, открытая страданью,
Страстям открытая до дна.

Пусть безогляден был твой путь
Бездомной птицы-одиночки, —
Себя ты до последней строчки
Успела родине вернуть.

★ ★ ★

Дождись, порт, душевного затишья,
Чтобы дыхание бури передать,
Чтобы легло одно четверостишье
В твою давно раскрытую тетрадь.

* * *

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

* * *

За несколько шагов до водопада
Еще не знал катящийся поток,
С каких высот ему сорваться надо...
И ты готовься совершить прыжок.

* * *

Только ночью видишь ты вселенную.
Тишина и темнота нужна,
Чтоб на эту встречу сокровенную,
Не закрыв лица, пришла она.

* * *

Мы принимаем все, что получаем,
За медную монету, а потом —
Порою поздно — пробу различаем
На ободке чеканно-золотом.

* * *

Питает жизнь ключом своим искусство.
Другой твой ключ — поэзия сама.
Заглох один, — в стихах не стало чувства.
Забыт другой, — струна твоя нема.

* * *

Над прошлым, как над горною грядой,
Твое искусство высится вершиной,
А без гряды истории седой
Твое искусство — холмик муравьиный.

* * *

Красиво пишет первый ученик,
А ты предпочитаешь черновик.
Но лучше, если строгая строка
Хранит веселый жар черновика.

ИЗ ПУТЕВОЙ ТЕТРАДИ

I

Как быстро палящее солнце зашло,
Исчезло в морской глубине,
Оставив безоблачной ночи тепло
И свет приглушенный — луне.

II

Должно быть, ветер понемножку
На этот склон земли нанес,
Чтоб зелень ласковою кошкой
Легла на каменный откос.

★ ★ ★

Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром,
Не сразу он из ряда вышел вон.
Века прошли, пока он целым миром
Был в звание Шекспира возведен.

★ ★ ★

О том, что жизнь — борьба людей и рока,
От мудрецов древнейших слышал мир.
Но с часовой стрелкою Востока
Минутную соединил Шекспир.

✱ ✱ ✱

Четыре строчки источают яд,
Когда живет в них злая эпиграмма,
Но раны сердца лечат «Рубайат» —
Четверостишья старого Хайяма.

✱ ✱ ✱

Насвистывая песню, почтальон
За домом дом обходит всю округу.
И хорошо, что знать не знает он,
Что пишут в письмах граждане друг другу.

★ ★ ★

Читатель мой особенного рода:
Умеет он под стол ходить пешком.
Но радостно мне знать, что я знаком
С читателем двухтысячного года!

✱ ✱ ✱

Человек ходил на четырех,
Но его понятливые внуки
Отказались от передних ног,
Постепенно превратив их в руки.

Ни один из нас бы не взлетел,
Покидая землю, в поднебесье,
Если б отказаться не хотел
От запасов лишних равновесья.

* * *

Стояло море над балконом,
Над перекладиной перил,
Сливаясь с бледным небосклоном,
Что даль от нас загородил.

Зеленый край земли кудрявой
Копчался здесь — у синих вод,
У независимой державы,
Таящей все, что в ней живет.

И ласточек прибрежных стайки,
Кружась, не смели залетать
Туда, где стонущие чайки
Садилась на морскую гладь.

Небо. Море.
Море. Небо.
Позабудешь о земле, —
Словно ты на ней и не был,
Век провел на корабле.

Но когда впотьмах на койку
Заберешься, как в жильё,
Видишь землю, землю только,
Только землю. Да ее.

ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Когда был черный этот лес
Прозрачным, оголенным,
Казалось чудом из чудес,
Что будет он зеленым.

Но чудо каждою весной
Бывает в самом деле.
Смотри, деревья пух сквозной,
Расправившись, надели.

Стоят, стряхнув зимы покров,
Не горбясь, не сутулясь,
Как сестры, что под отчий кров
Невестами вернулись.

РАЗГОВОР С МАЛИНОВКОЙ

— Ты думал, мир не тот, не тот,
Какой ты видел в детстве? —
Щебечет птица, что живет
В саду — со мной в соседстве.

— Да, многого не узнаю
Я в наши дни, но все же
Вы на прабабушку свою,
Малиновки, похожи.

Я с ней отлично был знаком,
Когда в лесу весеннем
По скользким веткам босиком
Взлезал, как по ступеням.

НОЧНОЙ КОСТЕР

Горел костер под небом Крыма,
Стреляя звездами во тьму,
А мне смолистый запах дыма
Напомнил Горького в Крыму.

Он слушал буйный шум прибоя
И треск обугленной коры.
И, верно, видел пред собою
Свои походные костры.

★ ★ ★

Так много ласточек летало
Почти с тех пор, как мир стоит,
Но их не помнят, их не стало,
А эта ласточка летит.

ЖАВОРОНОК

Так беззаботно, на лету
Он щедро сыплет трели,
Взвиваясь круто в высоту
С земли — своей постели.

Среди колосьев он живет.
Его домишко тесен,
Но нужен весь небесный свод
Ему для звонких песен.

* * *

Свиньи, склонные к бесчинству,
На земле, конечно, есть.
Но уверен я, что свинству
Человечества не съесть.

* * *

Власть безграничная природы
Нам потому не тяжела,
Что чувство видимой свободы
Она живущему дала.

* * *

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

✱ ✱ ✱

Сменялись в детстве радугой дожди,
Сияньем солнца — сумрачные тени.
Но в зрелости не требуй и не жди
Таких простых и скорых утешений.

* * *

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

* * *

Искусство строго, как монетный двор.
Считай его своим, но не присваивай.
Да не прельстится шкуркой горностаевой
Роль короля играющий актер.

★ ★ ★

Пусть стихи, прочитанные просто,
Вам скажут всё, о чем сказать должны.
А каблуки высокие нужны
Поэтам очень маленького роста.

* * *

Как зритель, не видевший первого акта,
В догадках теряются дети.
И все же они ухитряются как-то
Понять, что творится на свете.

О РИФМЕ И ПРОЧЕМ

Нужна ли рифма, например?
Ведь нет же рифмы у Гомера.
А для чего стихам размер?
Пожалуй, можно без размера.

Стихам не нужно запятых.
Им ни к чему тире и точки.
Не упразднить ли самый стих?
Но как считать мы будем строчки?

О МОДЕ

**Ты старомоден. Вот расплата
За то, что в моде был когда-то.**

* * *

Как ни цветиста ваша речь,
Цветник словесный быстро вянет.
А правда голая, как меч,
Вовек сверкать не перестанет.

* * *

Стебли трав, пробившись из земли,
Под плитой тяжелой не завяли,
Сквозь кору асфальта проросли
И глядишь — тюрьму свою взорвали.

Он взрослых изводил вопросом «Почему?»
Его прозвали «маленький философ».
Но только он подрос, как начали ему
Преподносить ответы без вопросов.

И с этих пор он больше никому
Не досаждал вопросом «Почему?».

* * *

И час настал. И смерть пришла, как дело,
Пришла не в романтических мечтах,
А как-то просто сердцем завладела,
В нем заглушив страдание и страх.

* * *

Мы любим в детстве получать подарки,
А в зрелости мы учимся дарить,
Глазами детскими смотреть на праздник яркий
И больше слушать, меньше говорить.

* * *

У Пушкина влюбленный самозванец
Полячке открывает свой обман,
И признается пушкинский испанец,
Что он — не дон Диего, а Жуан.

Один к покойнику свою ревнует панну,
Другой к подложному Диего — донну Анну.
Так и поэту нужно, чтоб не грим,
Не маска лживая, а сам он был любим.

* * *

Дыхание свободно в каждой гласной,
В согласных — прерывается на миг.
И только тот гармонии достиг,
Кому чередование их подвластно.

Звучат в согласных серебро и медь.
А гласные даны тебе для пения.
И счастлив будь, коль можешь ты пропеть
Иль даже продышать стихотворенье.

* * *

Сон сочиняет лица, имена,
Мешает с былью пестрые виденья.
Как волны подо льдом, под сводом сна
Бессонное живет воображенье.

Пускай бегут и после нас,
Сменяясь, век за веком, —
Мир умирает каждый раз
С умершим человеком.

* * *

Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.

Ни сил, ни чувств для ближних не щади.
Кто отдает, тот больше получает.
Нет молока у матери в груди,
Когда она ребенка отлучает.

* * *

Без музыки не может жить Парнас.
Но музыка в твоём стихотворенье
Так вылезла наружу, напоказ,
Как сахар прошлогоднего варенья.

* * *

Ты меришь лестницу числом ее ступеней,
Без мебели трудней на глаз измерить зал.
Без лестницы чинов, без множества делений
Большим бы не был чином генерал.

★ ★ ★

Как вежлив ты в покое и в тепле.
Но будешь ли таким во время давки
На поврежденном бурей корабле
Или в толпе у керосинной лавки?

✱ ✱ ✱

Определять вещам и людям цену
Он каждый раз предоставлял другим.
В театре жизни видел он не сцену,
А лысины сидящих перед ним.

* * *

Как хорошо проснуться утром дома,
Где все, казалось бы, вам издавна знакомо,
Но где так празднично в явь переходит сон, —
Как будто к станции подходит ваш вагон.

Вы просыпаетесь от счастья, словно в детстве.
Вам солнце летнее шлет миллион приветствий,
И стены светлые, и ярко-желтый пол,
И сад, пронизанный насквозь жужжаньем пчел.

Березка тонкая, подросток меж берез,
В апрельский день любит себя,
Глядясь в размытый след больших колес,
Где отразилось небо голубое.

✱ ✱ ✱

— О чем твои стихи? — Не знаю, брат.
Ты их прочти, коли придет охота.
Стихи живые сами говорят,
И не о чем-то говорят, а что-то.

★ ★ ★

Не для того, чтоб жить, он ест и пьет, —
Во всем он алчно ищет наслажденья,
Ни святости любви не признает,
Ни платы за любовь — деторожденья.

На склоне лет бесплоден он, как мул,
Плоть износил, хоть он ее и нежил,
Дух оскорбил, природу обманул
И прожил жизнь, как будто бы и не жил.

Да будет мягким сердце, твердой — воля!
Пусть этот нестареющий наказ
Напутствием послужит каждой школе,
Любой семье и каждому из нас.

Как часто у тиранов на престоле
Жестоким было сердце, слабой — воля.

* * *

Как обнажаются судов тяжелых днища,
Так жизнь мы видели раздетой догола.
Обеды, ужины мы называли пищей,
А комната для нас жилплощадью была.

Но пусть мы провели свой век в борьбе суровой,
В такую пору жить нам довелось,
Когда развеялись условностей покровы
И все, что видели, мы видели насквозь.

✱ ✱ ✱

Зверь в укротителе не должен чують мясо.
Могучий лев испытывает страх
Перед неведомым, когда живую массой
У дрессировщика лежит он на плечах.

* * *

Расти, дружок, и крепи понемножку,
И помни, что живое существо
Перерасти должно хотя бы кошку,
Чтобы она не слопала его.

* * *

Нужна нам отвага
Для первого шага.
А кто упадет, но рискнет на второй,
Тот дважды герой.

* * *

Существовала некогда пословица,
Что дети не живут, а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни пригодится тот,
Кто, жить готовясь, в детстве не живет.

* * *

Человек — хоть будь он трижды гением —
Остается мыслящим растением.
С ним в родстве деревья и трава.
Не стыдитесь этого родства.
Вам даны до вашего рождения
Сила, стойкость, жизненность растения.

* * *

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден.
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

~ * ~

К искусству нет готового пути.
Будь небосвод и море только сини, —
Ты мог бы небо с морем в магазине,
Где краски продают, приобрести.

* * *

У ближних фонарей такой бездумный взгляд,
А дальние нам больше говорят
Своим сияньем, пристальным и грустным,
Чем люди словом, письменным и устным.

* * *

Ведерко, полное росы,
Я из лесу принес,
Где ветви в ранние часы
Роняли капли слез.

Ведерко слез лесных набрать
Не пожалел я сил.
Так и стихов моих тетрадь
По строчке я копил.

Тебе пишу я этот дифирамб,
Мой конь крылатый — пятистопный ямб.
Стих Дантовых терцин и драм Шекспира,
Не легковесен ты и не тяжел,
Недаром ты века победно шел
Из края в край, звуча в сонетах мира.

Передаешь ты радость, гнев и грусть,
Тебя легко запомнить наизусть,
Ты поэтичен в самой трезвой дозе,
И приближаешься порою к прозе.
Невыносим тебе казенный штамп,
Размер свободный — пятистопный ямб.

Чуждаешься ты речи сумасбродной,
Не терпишь ты и классики холодной.
Несут порога, о волшебный стих,
И в ад и в рай пять легких стоп твоих.

* * *

Чистой и ясной свечи не гаси,
Милого, юного сына спаси.

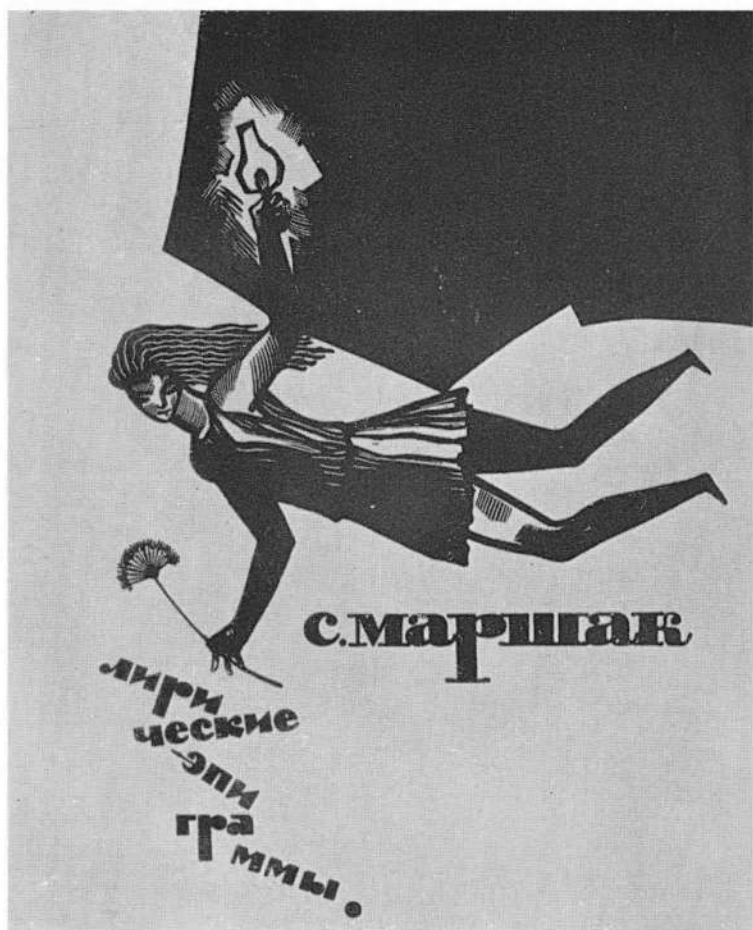
Ты поддержи над свечою ладонь,
Чтобы не гас его тихий огонь.

Вот он стоит одинек пред тобой
С двадцатилетней своею судьбой.

Ты оживи его бедную грудь.
Дай ему завтра свободно вздохнуть.

«Незнакомый полустанок. Поезд из виду исчез...»
Иллюстрация художника В. Лебедева.

Лирические эпиграммы.
Суперобложка художника Д. Висти.

☆ * ☆

Вся жизнь твоя пошла обратным ходом,
И я бегу по стершимся следам
Туннелями под бесконечным сводом
Ко всем тебя возившим поездам.

И, пробежав последнюю дорогу,
Где с двух сторон летят пески степей,
Я неизменно прихожу к порогу
Отныне вечной комнаты твоей.

Здесь ты лежишь в своей одежде новой,
Как в тот печальный вечер именин,
В свою дорогу дальнюю готовый,
Прекрасный юноша, мой младший сын.

Не маленький ребенок умер, плача,
Не зная, чем наполнен этот свет,
А тот, кто за столом решал задачи
И шелестел страницами газет.

Не слишком ли торжественна могила
С предельным холодом и тишиной,
Для этой жизни, молодой и милой,
Читавшей книгу за моей стеной?

* * *

Я знаю, что огромное число
Людей и мне и всем необходимо,
Чтобы вокруг рождалось и цвело
И хлопотливо проходило мимо.

Как омывает море в тот же час
И берег Севера, и берег Юга,
Так, если много, много, много нас,
Весь мир мы видим в сердце друг у друга.

ПАМЯТИ МИХОЭЛСА

Мы помним плач и шорох похоронный,
И в сумерках мерцанье фонарей,
И скорбную толпу на Малой Бронной —
Там, где висят афиши у дверей.

Вот он лежит, недвижный и суровый.
Но этой смерти верится с трудом!
Здесь много лет я знал его живого,
Но как переменился этот дом!

Не будь афиш, расклеенных у входа,
Никто бы стен знакомых не узнал.
Великая трагедия народа
Вошла без грима в театральный зал...

Ты, сочетавший мудрость с духом юным,
Читавший зорко книги и сердца, —
Борцом, актером, воином, трибуном
С народом вместе шел ты до конца.

Вот отчего весь день на Малой Бронной
У дома, где недвижно ты лежал,
С такой тоской народ разноплеменный
Народного артиста провожал.

Не на поминках скорбных, не на тризне
Мы воздаем любимому почет.
Как факел, ты пылал во славу жизни,
И этой жизни смерть не оборвет!

* * *

Под деревом — какая благодать!
Под деревом со всей его листвою,
Готовой каждый миг затрепетать,
Подобно рою птиц над головою.

Под деревом сижу на склоне дня
И вспоминаю дальние кочевья.
И в шуме этих листьев для меня
Шумят давно забытые деревья.

Под деревом хотел бы я найти
Заслуженный покой в конце пути.

**НАДПИСЬ
НА КНИГЕ СОНЕТОВ**

Ему и ей посвящены сонеты.
Но, не щадя восторженных похвал,
Ни друга, ни красавицы воспетой
Поэт в стихах ни разу не назвал.

Он им воздвиг высокий пьедестал,
Чтобы избавить от холодной Леты,
Но имени и явственной приметы
На мраморной плите не начертал.

А если бы сонетами своими
Он обессмертил дорогое имя, —
То, может быть, в грядущие века
Друзьям поэта отвела бы главку,
Стараясь посадить их на булавку,
Шекспироведа тощая рука.

* * *

Меня волнует оклик этот вещей.
Доверено часам — бездушной вещи
Участвовать во всех делах людей
И, возвещая время с площадей,
Служить работе, музыке, науке,
Считать минуты встречи и разлуки.
И все, что нам не удалось успеть,
На полуслове прерывает медь.

* * *

— Я гордая, я упрямая, —
Ты мне говорила в бреду.
И более верных, жена моя,
Я слов для тебя не найду.

Ты в истину верила твердо.
И я, не сдаваясь судьбе,
Хотел бы упрямо и гордо
Быть верным тебе и себе.

✱ ✱ ✱

Как лишний вес мешает кораблю,
Так лишние слова вредят герою.
Слова «Я вас люблю» звучат порою
Сильнее слов «Я очень вас люблю».

ЗИМОЙ В МОСКВЕ

Когда столицу выбелит зима,
Среди ее высоких, новых зданий
Под шапками снегов стоят дома —
Хранители прадедовских преданий.

Удивлены домишки-старики,
Что ночь полна гудков звонкоголосых,
Что не мерцают в окнах огоньки,
Что и зимою ездят на колесах.

Что до рассвета блещет ярче звезд,
Два берега соединив дугою,
Стальной узор — многопролетный мост
Над столь знакомой древнею рекою.

Ч А С Ы

Часы бывают разные у нас.
Одни правдиво отбивают час.
Они верны, точны, неумолимы.
А есть часы — лжецы и подхалимы.

Услужливо они владельцу лгут,
Что может он спокойно до занятий
Полчасика понежиться в кровати
И поболтать за чаем пять минут.

Часы такие уверяют вас,
Что не исчерпан времени запас.
Они всегда угодливо-любезны,
Но, в сущности, владельцу бесполезны.

А нужен ли рассказ или роман,
Который также вводит вас в обман
Приятной вам действительностью мнимой?
Нет, не нужны романы-подхалимы.

★ ★ ★

Мне был известен каждый пень
От речки до холма.
Но без меня который день
В лесу живет зима.

Что снегу намела метель!
Кусты погребены.
И строгим памятником ель
Стоит в лучах луны.

Ручей застыл, овраг исчез.
Сосна лежит в снегу,
И этот хрупкий, звонкий лес
Узнать я не могу.

* * *

Знает соловей, что северное лето
Южного милей, хоть коротко оно.
Знает он, кому не спится до рассвета, —
Вот и прилетает под мое окно.

Оба мы певцы, но, видно, он смелее —
Он поет о счастье громко, во всю мочь.
Знал я скорбь и радость, — только я не смею
Заливаться, щелкать и звенеть всю ночь.

Соловью за песню нет построчной платы.
Соловью не надо дружеских похвал.
И нигде на свете ни один пернатый,
Позабыв о песне, критиком не стал.

✱ ✱ ✱

Расквакалась лягушечья семья
Весенней ночью меж болотных кочек,
Как вдруг раздался звонкий молоточек,
Работающий в горле соловья.

И думал я: какой он молодец —
Ночной певец.
Как может петь он на лесной опушке
На свой особый соловьиный лад,
Когда кругом болтают и галдят
Бессчетные болотные лягушки.

Проходя морским каналом,
Океанский пароход
Тихо близился к причалам
Величавых невских вод.

Это было ночью белой,
Побледнели фонари,
А вода порозовела
От забрезжившей зари.

И когда, от солнца тая,
Разошлась ночная мгла,
Заблестела золотая
Знаменитая игла.

✱ ✱ ✱

Вошли с тобою мы на Садовой
В дождем омытый троллейбус новый.
Скрипел он кожей, еще упругой,
Шуршал резиной, надутой туго.

Как в двери новой своей квартиры,
Смеясь, в троллейбус шли пассажиры.
И был наполнен вагон весенний
Дыханьем свежей, тугой сирени.

Я не смыкал часами ночью глаз
И мог бы рассказать про каждый час.
Двенадцать. Это звонкий час похмелий.
Кто слишком юн и слишком стар — в постели.

Час. Это час подруг, а не супруг.
Другим мешает спать томительный недуг,
Поездка дальняя, или ночная смена,
Или домашняя супружеская сцена.

Два. Это час для поздних расставаний,
А для проснувшихся — такой пустой и ранний.
Три. Это час, когда обычно спят.
Не спит, кто занят, болен, виноват.

Четыре. В дни, когда за дверью лето, —
Счастливый час прекрасного рассвета.
А если за окном стоит зима, —
Такая скучная бледнеющая тьма.

* * *

Шурша узорчатою шиной
На каждом толстом колесе,
Неслась машина за машиной
Через поселок по шоссе.

А на веревке, с перепугу
Тараща белые глаза,
Как ножка циркуля, по кругу
Серdito бегала коза.

Она сердилась, что колонны
Машин, бегущих из Москвы,
Тревожат мир ее зеленый
Ольховых веток и травы.

Поэт, не будь козе подобен.
Ты не коза, а человек.
Так не сердись, что неудобен
Индустриальный этот век.

Летя дорогой задымленной,
Вдали мы видим пред собой
Большой и чистый мир зеленый,
А над зеленым — голубой.

✧ ✧ ✧

Ласкают дыханье и радуют глаз
Кустов невысоких верхушки
И держат букеты свои напоказ,
Как держат ребята игрушки.

Цените слух, цените зрение.
Любите зелень, синеву —
Все, что дано вам во владенье
Двумя словами: я живу.

Любите жизнь, покуда живы.
Меж ней и смертью только миг.
А там не будет ни крапивы,
Ни звезд, ни пепельниц, ни книг.

Любая вещь у нас в квартире
Нас уверяет, будто мы
Живем в закрытом, светлом мире
Среди пустой и нищей тьмы.

Но вещи мертвые не правы —
Из окон временных квартир
Уже мы видим величавый,
Бессмертию открытый мир.

* * *

Уже недолго ждать весны,
Но в этот полдень ясный,
Хоть дни зимы и сочтены,
Она еще прекрасна.

Еще пленяет нас зима
Своей широкой гладью,
Как бы раскрытой для письма
Нетронутой тетрадью.

И пусть кругом белым-бело,
Но сквозь мороз жестокий
Лучи, несущие тепло,
Ласкают наши щеки.

* * *

Когда-нибудь, с течением веков
Совсем не будет у людей фамилий,
А только имена, — как у богов,
Что так недавно на Олимпе жили.

Как Афродита, Гера, Аполлон,
Да будет каждый оценен, замечен
И, если даже смертен будет он,
Оставленный им образ будет вечен.

Недаром, полюбив, мы и сейчас
По имени любимых называем.
Так пусть их будут множества. У нас
Источник нежности неисчерпаем.

Если бы каждый, кто чем-то заведует,
Взял да подумал толково, как следует,
Задал себе совершенно всерьез
Краткий вопрос:
— В сущности, ведаю я иль не ведаю,
Чем я на этой планете заведую?

Скажем, заведую сотнею школ
Шумных, как ульи встревоженных пчел.
Школы как школы: девчонки, мальчишки,
Классы, уроки, тетрадки и книжки.
Ясно как будто. Да нет, не вполне.
Тысячи жизней доверены мне,
Землю и небо готовых исследовать,
Дело нелегкое ими заведовать!

Или велеьем судьбы непостижным
Призван я ведать издательством книжным
Нет, не бумагой, не шрифтом свинцовым,
Не переплетным картоном, а Словом.
Призван я править, как маг, чародей,
Мыслями, чувствами зрелых людей
И молодых, что должны нам наследовать.
Дело нелегкое — словом заведовать.

Или, положим, заведую банею.
Всем ли по силам такое задание?
Надо, чтоб радостью баня была,
Кровь оживляла, бодрила тела,

Надо, чтоб душем, и жаром, и паром
Дух обновляла усталым и старым,
Чтобы опрятность могла проповедовать.
Дело нелегкое — баней заведовать!

ПОСЛЕДНИЙ ФОНАРЬ ЗА ОГРАДОЙ

Я еду в машине. Бензинная гарь
Сменяется свежей прохладой.
Гляжу мимоездом на бледный фонарь —
Последний фонарь за оградой.

Стоит он в углу и не ведает сам,
Как мне огонек его дорог.
Высокий фонарь сторожит по ночам
Покрытый цветами пригорок.

В углу за оградой — убогий ночлег
Жены моей, сына и брата.
И падает свет фонаря, точно снег,
На плющ и на камень щербатый.

В столицу бессонную путь мой лежит.
Фонарь за домами затерян.
Но знаю: он вечный покой сторожит,
Всю ночь неотлучен и верен.

* * *

Т. Г.

Все лучшее ты отдавала даром,
Делилась счастьем и душевным жаром,
Нежданным кладом, что пашла сама,
Игрой живого, быстрого ума,
Делилась хлебом, воздухом и светом,
Дарила всех заботой и советом,
Дарила просто, весело, шутя,
Рассыпанных сокровищ не жалея, —
Так, как дарить умеет только фея
И радостное, доброе дитя.

* * *

Пароход компании «Россия»
К белоснежной Ялте подошел.
С палубы увидел я впервые
Слева город, справа длинный мол.

В гимназической фуражке летней,
Обвязав багаж свой ремешком,
Пассажир четырнадцатилетний,
Я иду по городу пешком.

Дохожу, как в повести старинной,
До узорных кованых ворот.
Спрашиваю: — Здесь Екатерина
Павловна у доктора живет?

* * *

Кто создает, тот мыслит щедро.
Он не боится, что Земля
Скудеет, истощая недра
И хлебородные поля.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

Не жди, что весть подаст тебе в ответ
Та, что была дороже всех на свете,
Ты погрустишь три дня, три года, десять лет,
А перед нею — путь тысячелетий.

* * *

Ты уже там, на другой стороне,
Но протяни свою руку,
Чтобы по-твоему вынести мне
Ту же предсмертную муку.

* * *

Ты бойся долгих дней, когда пустой и мелкой
Становится душа и плоским разум твой, —
Как будто на часах нет стрелки часовой
И время мерится одной минутной стрелкой.

С. Я. Маршак с художниками Кукрыниксами в годы Великой
Отечественной войны.

ЗА РОДИНУ

Бьемся мы здорово,
Рубим отчаянно —
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

Суворовцы-чапаевцы.

Плакат художников Кукрыникова. 1941 г.

Ю Н О С Т Ь

Есть ходячая важность,
Дубовость,
Чугунность.
Но не стоит робеть перед ней.
Ты, безвестная, скромная, бедная юность,
И богаче и много сильнее.

Ты прочнее железа,
Устойчивей дуба.
Оттого-то не раз я видал,
Как валились дубы
От руки лесоруба
И как плавило пламя
Металл.

* * *

Я сижу на скамье у обрыва,
А внизу в темноте подо мной
Плещет море широкой, ленивой
И по-рыбы холодной волной.

Но вдали показались, блистая, —
В этой тьме ничему не сродни, —
Как на бархате брошь золотая,
В два ряда бортовые огни.

* * *

«Инкогнито к нам едет ревизор...»
Среди ребят, сидящих в первом классе,
Не различит и самый острый взор,
Что может быть и Пушкин в этой массе.

★ ★ ★

Должны учиться у природы
И вы, правители земли,
Чтоб власть державную народы
Почти не чувствовать могли.

Прославленный Василий Теркин твой
Не может быть никем повышен в чине.
А почему? По той простой причине,
Что он по самой сути рядовой.

★ ★ ★

Над городом осенний мрак навис.
Ветвями шевелят дубы и буки,
И слабые, коротенькие руки
Показывает в бурю кипарис.

✱ ✱ ✱

Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья.
Какого бы ты счастья ни достиг,
Ты прошлому отдашь без промедленья
Еще живой и неостывший миг.

* * *

Говорило яблоко
Веточке своей:
— Дай мне волю, веточка,
Отпусти скорей.

Круглое, румяное,
С горки покачусь
И опять на яблоню
К ночи ворочусь.

Отвечала веточка:
— Погоди три дня.
Ты еще румянее
Станешь у меня.

Я тебя, желанное,
Медом папою,
Покачаю вечером
Колыбель твою.

А сорвешься с дерева, —
Доброго пути, —
Яблоку на яблоне
Больше не расти.

* * *

Все мне детство дарило,
Чем богат этот свет.
Ласку матери милой
И отцовский совет,

Ночь в серебряных звездах,
Летний день золотой
И живительный воздух
В сотни верст высотой.

Все вокруг было ново:
Дом и двор, где я рос,
И то первое слово,
Что я вслух произнес.

Пусть же трудно и ново
И свежо, как оно,
Будет каждое слово,
Что сказать мне дано.

Исчезнет мир в тот самый час,
Когда исчезну я,
Как он угас для ваших глаз,
Ушедшие друзья.

Не станет солнца и луны,
Поблекнут все цветы.
Не будет даже тишины,
Не станет темноты.

Нет, будет мир существовать,
И пусть меня в нем нет,
Но я успел весь мир обнять,
Все миллионы лет.

Я думал, чувствовал, я жил
И все, что мог, постиг,
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг.

К ПОРТРЕТУ

Этот взор глядит в пространство,
Улыбаясь блеску дня.
А с каким он постоянством
Столько лет встречал меня.

Но и в ту былую пору
Кротких встреч твоих со мной
Твоему живому взору
Открывался мир иной.

Был уютен дом твой скромный,
Скатерть с лампою на ней...
А уж ты была бездомной
В тихой комнатке своей.

Пред тобою путь был дальний,
И не наш, не этот свет.
И ему такой печальный
Посылала ты привет.

* * *

Владеет морем полная луна,
На лоно вод набросившая сети.
И сыплет блески каждая волна
На длинный берег, спящий в бледном свете.

А кипарисы темные стоят
Над морем, не пронизаны лучами, —
Как будто от луны они таят
Неведомую ношу под плащами.

В искусстве с незапамятных времен
Царил классический, официальный тон
И простота была лишь театральной.
Но так в пути сдружился весь вагон,
Что формы строгие выбрасывает вон,
Как в летний день воротничок крахмальный.

★ ★ ★

Свои стихи, как зелье,
В котле я не варил
И не впадал в похмелье
От собственных чернил.

Но четко и толково
Раскладывал слова,
Как для костра большого
Пригодные дрова,

И вскоре — мне в подарок,
Хоть я и ожидал, —
Стремителен и ярок
Костер мой запылал.

* * *

Все те, кто дышит на земле,
При всем их самомнении —
Лишь отражения в стекле,
Ни более, ни менее.

Каких людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркал
Как-будто тряпкой смыло.

Я знаю: мы обречены
На смерть со дня рождения.
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?

И неужели только сон —
Все эти краски, звуки,
И грохот миллионов тонн,
И стон предсмертной муки?..

1906—1914

КАЧЕЛИ

Я. Годину

На закате недвижимо
Закружился светлый сад...
Стой смелей! — вперед летим мы...
Крепче стой! — летим назад.

Как игра весны и бури —
Наша радость и испуг.
От лазури до лазури
Описали полукруг.

Очертили коромысло...
В бледном небе ты повисла
С легким криком и мольбой...

И нырнула станом стройным
Вниз — и ястребом спокойным
Я поднялся над тобой.

В П О Е З Д Е

Где-то мы настигнули
В поле огоньки.
Вмиг они отпрыгнули.
Миг — и далеки.

И скользят сцепления
Рельсовых полос —
Прямо под движение
Тысячи колес.

Минули уверенно
Станций мимолет...
На одной, затерянной,
Дождик ночью льет.

Ветер по прогалинам.
Паровозный свист.
За столом заваленным
Спит телеграфист.

* * *

Утро. Море греет склоны,
А на склонах реет лес.
И разбросаны балконы
В синем зареве небес.

На веранде над оливой,
За оградю сквозной,
Платье легкое стыдливой
Замелькало белизной.

Тонких чашек звон задорный
С вышины сорвался вниз.
Там на скатерти узорной
Блещет утренний сервиз.

1906

★ ★ ★

В долинах ночь еще темнеет,
Еще светлеет звездный дол,
И далеко крылами веет
Пустынный ветер, как орел.

Среди колонн на горном склоне
Стоишь, продрогший, в забытыи...
А при дороге ропщут кони
И возмущенные ручьи.

Опять дорога. Мрак и тряска.
Но с моря выглянет рассвет,
И кони, упряжь и коляска
На скалы бросят силуэт.

* * *

Мы сбились. Бродили по чашам густым,
По склонам.
Над спуском крутым,
Золотым —
Обрызгало солнце лицо нам.

К обрыву прижалась скамья.
Мы сели. Под нами
Сверкнула дорога — изгиб лезвий.
К морю скользит, как змея...
Море — как пламя.

Бледная искорка — парус челна —
В зеркальности синей...
Дальние звуки... Дрожит тишина.
Завыла зурна, —
Татарская свадьба идет по долине.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ВЕСНА

Весна приближается. Окна гимназии
Открылись в разбуженный сад.
Огромные карты Европы и Азии
От первого ветра дрожат.

С далеких холмов зеленеют окрестности.
И в пыльном потоке лучей
От нас уплывает учитель словесности
На кафедре утлой своей.

Плывет он и песню поет монотонную —
Какой-то восточный мотив.
И только порой в тишину полусонную
Врывается грозный призыв.

Тогда размыкаются сжатые челюсти,
Блуждает растерянный взгляд —
И, тихо свиваясь в задумчивом шелесте,
Огромные карты дрожат.

1908

КНИГА РУФЬ

1. Моавитянка — Руфь. Еврейка — Ноэминь.

2. — Мать! Скорбную сноху в унынье не покинь.
О как постылы мне родимые края!
Твой бог — отныне мой. Твоя страна — моя.
Муж не оставил мне ребенка — им бы жить! —
Мать мужа моего! Позволь тебе служить.

3. Вот неразлучны мы... Вот родина твоя...
На жатву позднюю — в поля собралась я.
Удела нет у нас. Ты мне позволь, о мать,
Пойти в поля к чужим — остатки подбирать.

4. О, радость! Знаешь, мать, — позволил мне Вооз
Сбирать остатки с нив и с виноградных лоз.
Об имени спросил. Узнал он — с кем живу,
И гнать он запретил убогую вдову.

5. Мать! Мудрый твой совет исполнить довелось.
Пришла я — и легла. Твой родственник Вооз
Проснулся полночью — не знаю, отчего? —
И видит: я лежу у самых ног его.
Был мой наряд красив — как ты велела мне...
И долго речь мою он слушал в тишине.

6. Он думает о нас! Я видела его.
Он с кем-то говорил из рода твоего.
Я слышала его. Ушла — едва умолк.
Другой твой родственник не мог исполнить долг —
И дом наш выкупить. Но чашу вдовьих слез
В совет к старейшинам решил нести Вооз.
-

7. Заветами отцов сильна твоя страна...
Вооз купил наш дом. И я — его жена.
-

8. Мать счастья моего! Взгляни: мой сын растет...
С ним — на тебя, на всех — пусть благодать сойдет!

Сентябрь

ЗИМНЯЯ ЛУНА

В начале ночи озарилась
Небес далеких сторона.
Луна над холодом явилась,
Над зимним сумраком — луна.

Неслышным ветром закачало
Рои бескрылых мотыльков...
Но вот опять луна упала,
Как чайка, в пену облаков.

Рассвет за окнами неожиданный.
Желтеют мутно купола,
Синеет зданий строй туманный,
Но высь небесная светла.

Там только нет дневного блеска.
Но тает, тает синева.
Вот просветлела занавеска
И проступили кружева.

И сновиденьем мимолетным
Вдали осталась ночь без сна.
Рассветом ранним, беззаботным
Дышу у бледного окна.

Легко внизу мелькнула птица,
Донесся грохот колеса...
И наяву мне что-то снится,
Так много снится в полчаса.

1911

* * *

Грущу о севере, о вьюге,
О снежной пыли в час ночной,
Когда, открыв окно в лачуге,
Я жадно слушал стон лесной...
Грущу о севере — на юге.

Я помню холод ледяной,
И свет луны печально-чистый,
И запоздалых тучек рой,
Сквозной, и легкий, и волнистый,
И темный холод под луной.

Юг благодатный, луг цветистый,
Густая зелень, синь небес, —
Как мне милей закат огнистый,
Когда он смотрит в редкий лес —
В мой лес туманный и пушистый.

Синеет юг, — страна чудес.
Звонят и блещут волн каскады...
Но разве в памяти исчез
Усталый звон из-за ограды —
При свете гаснущих небес!..

о. Родос

ПУТНИК

Темно. И снег неслышно реет.
Я здесь в лесу брожу давно
И вижу: сумрачно желтеет
Сквозь сосны стройное окно.
Как подойду — покой нарушу?
Как постучу — встревожу сон?
И глубоко пугает душу
Глухой покой со всех сторон.
Мне страшен лес, седой и пышный →
Волшебно-странный мой ночлег.
И этот легкий и неслышный,
Какой-то мягкий, теплый снег...
Окно погасло безотрадно
Невдалеке передо мной.
А я теперь пошел бы жадно
На свет, и негу, и покой!

ЗВОНАРИ

Первым звоном грянули;
Дрогнула околица.
Новым звоном дернули:
Церковь вся расколется!
Гулко ходит колокол,
Пляшут колокольцы,
Словно рассыпаются
Несвязанные кольца —
Медные. Медные,
Серебряные кольца!
Звонари присяжные,
Други-добровольцы!
Дуйте в гулкий колокол,
Бейте в колокольцы!
Отгудим обеденку —
Пусть народ помолится.
Отгудим обеденку —
Выйдем за околицу:
Водка ль там не царская,
Брага ль не боярская —
Брызжет ли и пенится,
Щиплется и колется.
Ой-ли!

Ч А Й К И

Туманный полдень. Тень печали —
На корабле. Замедлен бег.
А за кормой над зыбью дали
Как бы кружится легкий снег.

Нет, это чайки. Странно дики,
И нарушают смутный сон
Неумолкающие крики,
Короткий свист и скорбный стон.

Примчались. Реют, разрезая
Седыми крыльями простор,
То с первым ветром отлетая,
То вновь летя наперекор.

Поджаты трепетные лапки,
Наклонено одно крыло.
Нам скучен день сырой и зябкий,
А им привольно и светло...

Но погляди, как в смутном гуле,
Как бы в глубокой тишине,
Они устали и заснули
И закачались на волне.

Салоники — Афон
26 ноября

* * *

На кровлях тихих дач и в поле на земле
Чернеют птицы. В ясную погоду
Мелькают стаями в осенней светлой мгле,
Как легкий дым, плывут по небосводу.

В такие дни на даче, в глубине,
Поет рояль прощальное признание:
Увидимся к весне. Увидимся во сне.
Лишь не забудь исполнить обещанье!

И роща бедная, умильно дорожа
Цветными листьями на тонких черных прутьях,
Не ропщет, не шумит и слушает, дрожа,
Разгул ветров на перенутьях.

Ни в чем заметной перемены:
День изо дня, из года в год
Передо мной слепые стены
И надо мной безмолвный свод.

Но в неподвижной, тесной раме
Всегда закрытого окна
Сверкают звезды вечерами,
Как золотые письма.

Душе, потерянной во мраке
И онемевшей в тишине,
Отрадны символы и знаки,
К ней приходящие извне.

В оконном синем полукруге,
Припоминая, узнаешь
Многоугольники и дуги —
Вселенной огненный чертеж.

Душа знакомой внемлет речи
И видит трепет вечных сил
И расхождения и встречи
Недостигаемых светил.

Июнь 1907 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Это не дома, а корабли.
Мачты, флаги темных кораблей —
Тучи перетянуты вдали.
Полночь звезд светлей.

Улица открыта и пуста.
Стало белым золото креста.
Над Невой светлеет высота.

Дремлет пристань. В лодку мы сошли.
Тихо и волнисто на мели.
Но пугливо встречен был волной
Плеск весла над гулкой глубиной.

1907

* * *

За лесом целый небосклон
Сияньем моря отражен.

И в самой светлой полосе
На узкой каменной косе,

От солнца близкого черна,
Дымится рошица одна.

ГАЛЕРЕИ

Светлые рамы картин касались холодного пола.
Я издали золотой круг галерей оглядел —
Ближе дробились в луче блестящие темные фоны.

Надпись: художник и год. Город, столетье и школа.
Темные залы — века. Двери — столетий предел.
Живы великие дни, но пред ними воздвиглись колонны —
Памятник новым векам... А в далеком углу, за картиной,
Там, где окно и лучи, полдень струится, как дождь.
Это — живущее. Мы...

Двое неслышно проходят, —
Девушки в шарфах цветных.

Луна осенняя светла,
Аллея дремлет кружевная.
Природа глухо замерла,
Предчувствуя, припоминая.

Шуршанье листьев, вздох лесной —
Последний отзвук летней неги...
Но все бледнеет пред луной —
Как бы в мечтах о первом снеге.

1909

Мы жили лагерем в палатке,
Кольцом холмов окружены.
Кусты сухие в беспорядке
Курились, зноем сожжены.

Лишь ранним утром с небосвода
Там раздавался крик орла,
А днем безмолвная природа
Заката пышного ждала.

И не давая в тяжком зное
Всему живому изнемочь, —
Врата блаженства и покоя
Нежданно открывала ночь.

Все к звездам возводило очи.
Размеренно дышала грудь.
И путник ждал прихода ночи,
Чтоб продолжать урочный путь...

Но вот вослед поре безводной
Там наступал черед дождей.
И первый дождь весь край бесплодный
Преображал, как чародей.

Казалось, землю покрывая
Ковром, с небесной высоты
Лилась не влага дождевая,
А листья, травы и цветы...

1911

* * *

Давно скитаюсь, — в пылкой радости
И в тихой скорби одинок.
Теперь узнал я полный сладости
И верный древности Восток.

И навсегда — в одном из плаваний —
Я у себя запечатлел,
Как бездна звезд мерцала в гавани
И полумесяц пламенел.

Мне нравилось от борта темного
К огням прибрежным плыть в челне,
В пустыне города огромного
Бродить всю ночь, как бы во сне.

У трапа лодочники властные
Шумят, сдвигая челноки.
Мелькают греческие красные,
Как у пиратов, кушаки.

НА СЕВЕР

Здравствуй, зимнее ненастье,
По волнам лечу к тебе.
Ропщут трепетные снасти
С ветром северным в борьбе.

Ледяная, здравствуй, нега!
В снежном крае ждет мой друг,
И легко, как в день побега,
Покидаю светлый юг.

Гаснет солнце золотое
Меж темнеющих зыбей.
Завтра выплывет другое —
И туманней и бледней.

Только светлое участие
Мне рассеет эту тьму —
Здравствуй, Северное счастье.
Зимовать — не одному...

ПОПЛАВОК НА НЕВЕ

Качаясь, дремлет поплавок
На легкой зыби водной.
Снимаю потный котелок,
Сажусь за стол свободный.

Пускай я в городе забыт,
Когда весь мир на даче,
Пускай мне пятки сжег гранит
Неистово-горячий,

Но здесь приволье и покой
И веянье природы.
Вот пароходик удалой
Гудит, вздымая воды.

Трепещут ветхие мостки
От яростного гула.
Качаясь, пляшут челноки.
А вот и нас качнуло!

Я вышел в ночь. Ни звездочки единой.
Ни одного в окрестности огня.
Едва туман белеет над долиной.
Весь мир уснул. И далеко до дня.

Встает мой край пустыней неизвестной.
В полночной тьме пропал и небосклон.
Не слышу я: внизу, в долине тесной,
Несется пенье, скорбное, как стон.

Кто там поет? Не жители селений.
Кто стал бы сон тревожить в тишине?
Из-за горы сначала вышли тени,
Затем огни проплыли в глубине.

И стало пенье глуше и печальней.
Долина вновь исчезла в море тьмы.
И запоздалой песни отклик дальний
Передают окрестные холмы...

* * *

Луна ушла. Ее кочевья —
Меж серебристых, легких туч.
В туманный дол глядят деревья,
Как стадо ланей с горных круч.

А здесь над домом в беспорядке
Толпятся гнутые стволы.
Уснувший тис колеблет складки
Своей одежды — полной мглы...

* * *

Она сидит у колыбели.
Ребенок дышит в сладком сне.
А за окном чернеют ели.
Снега темнеют при луне.

На край покойной колыбели
Склонилась, дремлет, не поет.
Там, за окном, трепещут ели.
Лежат снега. Луна плывет.

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОГО

✱ ✱ ✱

Запахло чугунной печкой
И углем железнодорожным...
[Далекое] стало возможным:
Высокий мост над речкой
Проходит, гремя, перед нами.
Мелькает в оконной раме
Вокзал меж осенних кленов
И степь — за цепью вагонов.
Простор, покой и прохлада.
А сердце беспечно и радо.
В нем нет ни страстей, ни тревоги.
Оно на свободе, в дороге.

Ноябрь 1908 г.

* * *

Подними чуть заметный зеленый огонь.
Вот он здесь — под сосновой корой.
Осторожно возьми, положи на ладонь
И другою ладонью прикрой.

Ты нашла огонек и прикрыла слегка,
И горят твои ручки насквозь.
А теперь высоко подними светляка
И с ладони на волосы брось.

У тебя в волосах, как алмаз, он царит.
Ты боишься его потерять.
А каким он таинственным светом горит,
Ускользая за темную прядь.

1909

**ДОЖДЬ ДО ЗАКАТА,
КАПЛИ НА ЗАКАТЕ**

Дождь до заката, капли на закате
И ночью ветер. А в рассветный час
Аллея парка на высоком скате
Вся ожидала нас.

Под утро нет в аллеях никого.
Ты быстро шла до спуска, до беседки.
Волос, лица и платья твоего
Касались плачущие ветки.

Встающий день — осенний, голубой,
Тебя последним баловал приветом.
А я прощался с уходящим летом
И с лучшей летней радостью — с тобой.

Калитка в чаще — белые березы,
А частоколом выстроились ели.
Когда рассвет смахнул на ветви слезы?
Не спали ночь. Ходили в лес. Не подглядели.

К знакомой речке нас тропа вела,
Но мы как будто слышали впервые
И всплеск волны, и мерный скрип весла.
Пришли домой. Свежа постель. И спят родные.

МЕНДЕЛЕ

Обитель для изгнанников, —
Для юных и для старых.
По шестеро, по семеро
Лежат они на нарах.

Меж ними мать печальная —
Вдова с пятью детьми.
И старший в роде — Менделе,
Мальчишка лет семи.

У Менделе, у Менделе
Веселые глазенки,
И голосок у Менделе
Смеющийся и звонкий.

— Шалить не место, Менделе,
Не время хохотать. —
И часто, часто мальчика
Зовет с укором мать.

Проснется ночью Гершеле,
Кричит он благим матом.
За ним проснется Ривеле
И плачет вместе с братом.

Берет тут мама Гершеле.
Возьмет его к груди
И просит: — Полно, доченька,
Соседей не буди.

Не слышит криков Менделе,
Спокойно спит в сторонке,
Прикрытый шалью рваною,
Раскинувши ручонки.

У мамы и на родине
Ни дома, ни двора.
И все ее имущество —
Вот эта детвора.

* * *

После яркого вокзала
Ночь опять прильнет к окну,
И [вернешься ты] усталый
В темноту и тишину.

Полустанка свет и шорох
Не продлится трех минут,
Но в больших, немых просторах
Дни дорожные идут.

* * *

— Подоткни мне одеяло,
Подверни со всех сторон.
Ты слышишь, Ник в трубе смеется.
Над кем в трубе смеется он?

— Я заверну тебя, мой мальчик,
Со всех сторон я заверну,
Чтоб старый Ник в трубе камина
Не мог тревожить тишину.

— Ту дверь оставь открытой, мама,
Оставь ее на полчаса.
Иногда мне так страшно думать
И слышать ночью голоса.

— Открыта дверь, мой милый птенчик,
Открыта будет на вершок.
То ветер посту<чал...> рамой,
На крыше скрипнул петушок.

— Посиди со мной, мама,
И на один вопрос ответь:
Для чего родиться надо,
Если надо умереть?

<— Я лягу, мальчик мой, с тобою,>
Со мной не бойся темноты.
О чем ты спрашиваешь, мальчик,
Не больше знаю я, чем ты.

Она осталась у постели.
То дождь, то град стучал в стекло.
Трудились мыши...
С этой ночи
Четыре века протекло.

Менялся мир. Но в сером свете
Стоит все тот же серый дом.
Никто ни разу не ответил
Нам на вопросы перед сном.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

По-русски говорим мы с детства,
Но только Пушкина строка
Передает нам, как наследство,
Живую прелесть языка.

В начале жизни — на пороге
Мы любим сказок плеск морской.
И освежает нас в дороге
Прохладный ключ в степи мирской.

.

Загубленных десятилетий,
Что отнял вражеский заряд
У лучшего певца на свете, —
Тысячелетья не простят!

★ ★ ★

Когда холмы, поля, луга
Обнажены весной,
Зимы последние снега
Лежат в глуши лесной.

Так, не спеша, питает снег
Потоки полноводных рек,
И реки не уносят зря
Земли награбленной в моря,
И не беснуются весной,
И не мелеют в летний зной.
И медленно вокруг стволов
Темнеет снеговой покров.

* * *

Кто морю возвратил тепло и свет?
Зазеленело море, засинело.
А вот сверкнули крылья чайки белой:
— Не нужен ли в придачу белый цвет?

Уступы гор снежок разрисовал.
Стоит зима на голых склонах скал.
Оттуда молодежь скользит на лыжах.
Еще пылает осень в рощах рыжих.
Сквозь них ручей несется, как весной,
А там — внизу, у моря, — летний зной.

Уходит в небеса морской простор...
Всю силу зренья исчерпал мой взор,
Ничто ему в дороге не мешало,
И видит он, что видит очень мало.

* * *

Выехали за город ночью с большими чемоданами,
Проезжали мостами деревянными.
Ветер дул. По ту сторону моста
Мерцали домики огоньками заманчивыми.
Там, должно быть, работу заканчивали.
Домиков до ста.

Вот и станция — красное здание.
Мы идем на платформу дощатую,
Где стоят и спуют в ожидании
Пассажиры и провожатые.

Провожает старуха дьякона,
У старухи лицо заплакано.
Провожают друзья и родители
Офицера в новеньком кителе.
Утираясь концами платочка,
Обнимает рабочего дочка.

Каждый вечер под скрежет колес
Люди, плача навзрыд, провожали
На пустынном и мрачном вокзале
Клокотавший огнем паровоз.

Да и как не поддаться тревоге!
Были толки у всех на устах
О расшатанных шпалах дороги
И о рухнувших в воду мостах...

Есть такой небольшой городок,
Где полвека назад на слободке
В каждом доме стучал молоток
По колодке, но новой подметке.

Был за этой слободкой завод.
Много лет он стоял недостроен.
По соседству ютился народ,
Промышлявший отходами боев.

По большому пустому двору
Летом целые дни и недели,
Извиваясь, крутясь на ветру,
Пузыри и кишки шелестели.

Рыжий мальчик, сидевший на тыне,
Точно всадник лихой на седле,
Караулил арбузы и дыни,
Что лежали кругом на земле.

На слободке убогой и пьяной,
Где по праздникам били стекло,
Во дворе меж густого бурьяна
Наше раннее детство прошло.

Помню, брызнуло с треском окошко
В день, когда одноглазый сосед
Бил сапожной колодкой Митрошку,
Кавалера семнадцати лет.

А в хибарке, стоявшей напротив,
Была рыжую девушку мать.
Но за что она была Авдотьё —
В это время не мог я понять.

В девяностых годах это было.
Мой отец на заводе служил,
Где варили казанское мыло.
На заводском дворе он и жил.

Был заводик тесным и темным,
Но тогда этот мрачный подвал
Нам казался заводом огромным.
Полподвала помост занимал.

На помосте отец и рабочий —
Рябоватый Василий Козлов —
Проводили бессонные ночи
У наполненных мылом котлов.

Днем и ночью кипящее мыло,
Точно синее море, бурлило,
Расходилось, сходилось опять,
Угрожая волною обдать.

Очень жаркой, пахучей и едкой
Эта мыльная пена была.
И отец мой в ожогах нередко
Возвращался домой от котла.

Мыло скоро твердело и стыло.
Не могу я припомнить отца
Без налетов казанского мыла
От подметок сапог до лица.

Как, бывало, грущу я украдкой
И сержусь и ропщу на судьбу,
Увидав, что волос его прядка
Прилипает от мыла ко лбу.

Редко видел я лоб этот кроткий
Без морщины тревог и забот
В те часы, когда вечер короткий
Оставлял нам для встречи завод.

Больно дрались отцы на слободке.
Мы не знали ни палки, ни плетки.
Наш отец нас ни разу не бил.
Человек он был строгий, но кроткий.
И хорошую книжку любил.

Вспоминаю этот вечер давний.
Наглухо закрыты наши ставни.
Колотушка сторожа слышна.
И такая в мире тишина!

В темноте укачивая брата,
Что-то тихо напевает мать.
А отец отправился куда-то
Заработков по свету искать.

Мы его недавно провожали.
Клокотал огромный паровоз.
В эти годы на любом вокзале
Люди много проливали слез.

Лишь недавно вытянулись в струнку
Полосы стальные вдоль пути.
Да не все поверили в чугунок —
Долго ль с рельсов поезду сойти!

Поезда мы видели не часто, —
Далеко от города вокзал, —
И, как чудо, паровоз глазастый,
Каждый раз пред нами вырастал.

Каждому родного человека
Было страшно отпускать в вагон.
Может, он воротится калекой
Или вовсе не вернется он!

Подошел вагон темно-зеленый.
Запыленных окон длинный ряд.
Мужики, солдаты из вагона
Сонным взглядом на вокзал глядят.

Прижимаясь к стеклам, смотрят дети
На перрон, где надпись «кипяток».
Но дают неумолимый третий
К отправленью поезда звонок.

Вот отец мелькнул в окне вагонном...

.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

По скользкому асфальту проходя,
По площадям, блестящим от дождя,
Где, отражаясь, как в ночном стекле,
Бегут огни, — я думал о земле.

Земля под этой ровной мостовой
Не порастет весеннею травой.
Пусть эта площадь глаже хрусталя,
Там, под асфальтом, — черная земля.

И в этот свежий, нежный вечер мая
Большой Париж казался мне иным.
Пусть подо мной земля была чужая,
Но этот дождь весенний был родным.

**СТИХИ
О ВОЙНЕ И МИРЕ**

1941—1961

В ПОХОД!

Вместе весна и лето
Нынче гостят в Москве.
Сколько рассеяно света
В тучах и в синеве.

Мирно Москва проснулась
В этот июньский день.
Только что развернулась
В скверах ее сирень...

Разом, в одно мгновенье,
Все изменилось кругом.
Юноша в майке весенней
Смотрит суровым бойцом.

Девушка стала сестрою,
Крест — на ее рукаве.
Сколько безвестных героев
Ходит сейчас по Москве...

Все на борьбу с врагами,
В грозный и дальний поход!
По небу ходит кругами
Сторож страны — самолет.

22 июня 1941 года

СУВОРОВЦЫ - ЧАПАЕВЦЫ

⟨Планет⟩

Бьемся мы здорово,
Рубим отчаянно, —
Внуки Суворова,
Дети Чапаева.

ЧЕТВЕРКА ДРУЖНАЯ РЕБЯТ

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
О чем-то громко говорят
Они между собой.

— Мне шесть, седьмой!
— Мне семь, восьмой!
— Мне скоро будет пять.
— Пойдет девятый мне зимой,
Мне в школу поступать.

— Ушел сегодня мой отец.
— А мой ушел вчера.
— Мой брат и прежде был боец.
— Моя сестра — сестра!

— Сегодня дома из мужчин
Остался я один.
Работы столько у меня,
Что не хватает дня.

Я гвоздь прибил.
Песок носил.
Насыпал два мешка.
Расчистил двор
И всякий сор
Убрал я с чердака.

— На фабрику уходит мать,
А детям нужен глаз.
Я их учу маршировать,
Носить противогаз!

— Нельзя ребятам на войну,
Пока не подрастут.
Но защищать свою страну
Сумеет мы и тут!

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой.
И слышу: громко говорят
Они между собой.

ДЕТСКИЙ ДОМ В ЕЛЬНЕ

На площади опустошенной
Разрушен вражеским огнем
Приветливый, многооконный,
С цветами в окнах детский дом.

Что в мире может быть печальней
Полуразрушенных печей
На месте прежней детской спальни,
Среди обломков кирпичей.

В золе я видел мячик детский,
А рядом школьную тетрадь.
Ее примял сапог немецкий,
Оставив грязную печать.

Нет преступления бесцельней,
Бессмысленней злодейства нет.
За детский дом, сожженный в Ельне,
В Берлине, Мюнхене и Кельне
Дадут преступники ответ.

БОЕВОЕ ПРОЩАНИЕ

Свежий холмик перед низким домом.
Ветви на могиле.
Командира вместе с военкомом
Утром хоронили.

Хоронили их не на кладбище, —
Перед школой деревенской,
На краю деревни Озерище,
В стороне Смоленской.

Самолет, над ними рея,
Замер на минуту.
И вступила в дело батарея
Залпами салюта.

Свет блеснул в холодной мгле осенней,
Призывая к бою.
Двое павших повели в сражение
Цепи за собою.

И гремели залпы, как раскаты
Яростного грома:
— Вот расплата с вами за комбата!
— Вот за военкома!

Ельня, 1941

ЗИМНИЙ ПЛАКАТ

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

1941

**< ЛОЗУНГИ К СБОРУ ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ
ДЛЯ ФРОНТА >**

* * *

Готовь подарки каждый дом,
Бойцов своих одень,
Дохни на фронт своим теплом
В холодный зимний день.

* * *

Мы по снегам
Навстречу вьюгам
Тепло одетые
Идем.
Родной мороз
Нам будет другом.
А злomu недругу —
Врагом!

* * *

Овечья шерсть и шерсть верблюжья
Нужны для фронта как оружие.

В морозы теплое белье
Бойцу — и печка и жилье.

Не проберет бойца мороз
И ветер ледяной.
Его согрел родной колхоз,
Одел завод родной.

Пусть наша русская пурга
В сосульку превратит врага!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЛАКАТ

Лом железный соберем
Для мартена и вагранки,
Чтобы вражеские танки
Превратить в железный лом!

О Т О М С Т И !

⟨Планет⟩

Еще недавно дым змеился над трубой,
Пекла хозяйка хлеб и бегали ребята...

За этот детский труп в траве перед избой
Любая казнь — дешевая расплата!

МАТЬ

В такой обыкновенный день —
Июньский, голубой —
Босых людей из деревень
По тракту вел конвой.

Безмолвен был последний путь.
Но вот в одном ряду
Отстала женщина — и грудь
Достала на ходу.

Кормила мать в последний раз
Ребенка своего,
Не отрывая хмурых глаз
От личика его.

В толпе, — как ветер прошуршал, —
Пронесся тихий плач,
И что-то хрипло прокричал
По-своему палач.

И зашагал быстрее народ
По смертному пути.
Синел июньский небосвод,
Лен начинал цвести...

1942

КОЛОСОК

〈Планеты〉

Товарищ, в нынешнюю осень
Работай, не жалея сил!
Оставив на поле колосья,
Кого-то хлеба ты лишил!

Эти брошенные зерна —
Хлеба теплого кусок.
Подбирай, трудясь упорно,
Каждый спелый колосок!

ПОДАРКИ БОЙЦАМ

⟨Планет⟩

Из рук не выпуская спиц,
Спешит старуха-мать
Побольше мягких рукавиц
Для мальчиков связать.
Вдали от теплого жилья,
Там, где гудит метель,
Ночуют наши сыновья,
Закутавшись в шинель.

БАЛЛАДА О ПЯТНАДЦАТИ

...Надо было дать нашим частям возможность занять выгодный рубеж обороны 20-летний лейтенант Дубовик сумел на некоторое время задержать немцев у Пятигорска, куда прорвались вражеские танки с десантом автоматчиков. Лейтенант, случайно оказавшийся в городе, организовал летучий отряд из комсомольцев и занял рубеж на горе Машук. Под начальством у лейтенанта было всего 14 человек...

«Комсомольская правда»

Конечно,
Пятнадцать —
Число небольшое,
Но если пятнадцать ребят
Умеют сражаться,
Как эти герои,
Врагу они путь преградят.

Немецкие танки
Неслись к Пятигорску,
Был выброшен
Вражий десант,
Когда комсомольцев
Отважную горстку
Собрал
Молодой лейтенант.

Разбойники в касках
Взбирались на скаты,
На славную гору Машук.

Одна за другой
В них летели гранаты
Из детских уверенных рук.

Навстречу машинам
Со знаком паучьим
Часа полтора напролет
С вершины
Летели бутылки с горючим
И сыпал свинцом
Пулемет.

Четырнадцать парней
Сражались с десантом
Винтовкой, гранатой, штыком.
Пятнадцать их было,
С лихим лейтенантом,
Шестнадцать —
С горой Машуком.

Немецкие каски
Усеяли склоны,
Дорогу
У ног Машука,
Пока занимали
Рубеж обороны
Кавказские наши войска.

Теперь на врага
Мы обрушились лавой,
Страны выполняя приказ.
Пред нами опять —
Пятигорск пятиглавый
И склоны и балки,
Где с честью и славой
Бойцы защищали Кавказ.

НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Строг,
Прост
Будь сегодня,
Наш тост
Новогодний, —

За богатырей
Ленинграда,
Сталинграда,
Партизанского отряда
И родных морей!

Встретим года наступленье
Тостом за народ,
За успехи наступленья
В самых разных направлениях
В этот новый год.

Строг,
Прост
Будь сегодня,
Наш тост
Новогодний, —

Времени нам нет
Погружаться в многословье.
Нашим воинам — здоровья!
Родине — побед!

ЯНВАРСКИЙ ДЕНЬ

Встало солнце огневое,
И, снежком пыля,
Зимний холод тронул хвою
У стены Кремля.

Тронул инеем ступени
И гранитный свод,
Где одно лишь слово «Ленин»
Начертал народ.

Часовым пора смениться,
И звенит земля
Перед Ленинской гробницей
У стены Кремля.

МАЛЬЧИК ИЗ СЕЛА ПОПОВКИ

Отступая из деревни Поповки, немцы сожгли ее дотла. Работоспособное население они угнали с собой, а стариков и детей — расстреляли. Единственным жителем Поповки, уцелевшим после ухода немцев, был трехлетний Петя.

(Снимок доставлен в редакцию с Центрального фронта)

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребенок —
Последний гражданин села.

Испуганный котенок белый,
Обломки печки и трубы —
И это все, что уцелело
От прежней жизни и избы.

Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик, без слез,
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенес!

При нем избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспех вырытой могиле
Лежит убитая сестра.

Не выпускай, боец, виптовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в Поповке,
И за ребенка на свегу.

ДОН И ВОЛГА

⟨Плакаты⟩

На свободе Дон и Волга.
С братом встретилась сестра.
Видно, ждать теперь недолго
Первых весточек с Днепра!

СМОЛЕНСК

1812—1943

Смоленск — о нем я с детства знаю.
Через смоленские снега
Гнала страна моя родная
Полки разбитого врага.

Так было встарь, во время оно,
Теперь опять враги бегут.
То — не закат Наполеона,
А просто — Гитлеру капут.

ПУТЬ СЛАВЫ

По большим путям Истории
Нас ведет огонь войны.
Степи, горы и предгорья
Далеко озарены.

Блещет Дон военной славою,
Как в былые времена.
Снова — битва под Полтавою,
Бранный гул Бородина.

От побоища Мамаева
До сражений за Донбасс,
От Олега до Чапаева
Славный тянется рассказ.

Городов названья древние
Мы в приказах узнаем,
И деревня за деревнею
В сердце входит с каждым днем.

Здравствуй, Славгород, Ивановка,
Луги, Никонцы, Басань,
Остролучье, Первозвановка,
Переяслав, Березань!

Как дитя, в трудах рожденное, —
Будет дважды дорога
Нам земля, освобожденная
От заклятого врага.

ЛЕСОРУБАМ

⟨Плакат⟩

Надо родине помочь,
Братья-лесорубы.
Пусть дымят и день и ночь
Заводские трубы.

Пусть огнем — врагам назло —
Пышет кочегарка,
Чтобы стало нам тепло,
А фашистам — жарко!

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Башня есть под Ленинградом,
А на башне — циферблат.
Разорвался с башней рядом
Неприятельский снаряд.

Бил по башне в перестрелке
Частым градом пулемет.
Но ползут по кругу стрелки, —
Время движется вперед!

Под землей лежит в подвале
Сердце башенных часов,
Чтоб его не колебали
Даже звуки голосов.

Управляет ходом терций
И движением секунд
Металлическое сердце,
Крепко вдавленное в грунт.

К башне — к Пулковским высотам
Много месяцев подряд
Рвался враг, стремясь к воротам,
Замыкавшим Ленинград.

Но надежен, неизменен
Ход часов и бег минут.
Устоял твой город, Ленин,
А часы идут, идут.

Сбиты вражьи батареи,
Сметены с лица земли.
И на Запад мы быстрее
Стрелок времени пошли!

ЛЕНИНГРАДСКОЕ КОЛЬЦО

⟨Плакаты⟩

У кольца нет конца.

Пословица

**Враги кричали: «Нет конца
У ленинградского кольца!»**

**Мечом рассек его боец —
И вот кольцу пришел конец.**

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ В БЕРЛИН

То из Крыма, то из Рима
Отступает битый враг,
Треском лжи и тучей дыма
Прикрывая каждый шаг.

Есть на свете выражение:
«Все пути приводят в Рим».
Мы внесли бы предложение
Заменить его другим.

Зверь ползет к своей берлоге,
И теперь наш путь один:
Все тропинки, все дороги,
Все пути ведут в Берлин!

Москва, 5 июня 1944 г.

ТИГР И КОЗЛЕНОК

(Подпись к фотографии)

Травой поросшая полянка...
Здесь меж осколков и воронок,
Привязанный к орудью танка,
Пасется ласковый козленок.

Он кувыркается по-детски,
И понимает он едва ли,
Что этот пленный танк немецкий
Когда-то тигром называли.

А танк, проделавший походы,
Должно быть, рад, что на покое
Способен все ж лишить свободы
Хоть это существо живое.

* * *

Громом гремит над Москвою салют,
Падает дождь метеоров.
— Русские прусских в Пруссии быют, —
Так бы сказал Суворов.

Г О Д О В Ш И Н А О К Т Я Б Р Я

Вольный ветер веет с моря,
Слышен мерный плеск реки,
В Ленинграде на «Авроре»
По снастям бегут флажки.

Так же веял ветер вольный,
Волны пенила Нева
В день, когда кипящий Смольный
Слушал Ленина слова.

ОГНИ НАД МОСКВОЙ

Ракеты летят, как цветные мячи,
Взметенные смелым ударом,
И вновь исчезают в московской ночи
Уже догоревшим пожаром...

На миг уступает недавняя тьма
Победно летящей ракете.
Выходят деревья, столбы и дома,
От света проснувшись, как дети.

Навеки запомнится ночь торжества,
Когда, возвещая победу,
Огнями и залпами фронт и Москва
Вели меж собою беседу.

ДА БУДЕТ СВЕТ

Да будет свет — веселый, яркий —
В наш первый вечер торжества!
Открыла площади и парки
Незатемненная Москва.

Перекликаются в беседе
Московской улицы огни.
Один другому о победе
Сигнализируют они.

Но пусть опять над Спасской башней
Огнем наполнилась звезда, —
Вчерашней ночи, тьмы вчерашней
Мы не забудем никогда.

Да будет вечной та минута,
Когда во тьме сверкал нам свет
Двадцатикратного салюта —
Сиянье залпов и ракет.

Весной, и летом, и в морозы
Взлетал фонтаном фейерверк.
В нем были ялтинские розы,
И венский парк, и Кенигсберг.

Мы будем помнить эти годы,
Когда, охваченные тьмой,
Шли осторожно пешеходы
По нашей улице немой,

Когда столица провожала
Бойцов на фронт, а семьи в тыл,
И от незримого вокзала,
Неслышно поезд отходил.

Так мы работали и жили,
И этой зоркой темнотой
Мы наше право заслужили
На свет победно-золотой.

**МОСКВА — В ОГНЯХ,
БЕРЛИН — В ОГНЕ**

Недаром Первый Белорусский
Громил оплот германо-пруский —
Гнездо зачинщиков войны.

Недаром Первый Украинский
Ворвался в лабиринт берлинский,
С другой ударив стороны.

Соединясь, они Берлину
Несли возмездье в этот день
За Беларусь, за Украину,
За черный пепел деревень!

Во время залпов в честь победы
Обрывок дружеской беседы
Случилось ночью слышать мне:
«Москва — в огнях, Берлин — в огне!»

П О Б Е Д А

В часы большого торжества
Прохладным ранним летом
Сияет вечером Москва
Незатемненным светом.

Поет на улице народ,
Шумит, ведет беседы.
Так вот он — час, и день, и год
Свершившейся победы!

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

I

Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ,

И статую с простертою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

— Убрать! — сказал немецкий генерал
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла.
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Ее увез в машине грузовой.

II

В ту ночь на склонах бушевал бурап,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемет.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам — с машины грузовой —
Смотрел на этот партизанский бой.

III

Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: — Друзья, мы победим!

Он говорит — или шумит река,
Бегущая сюда издалека...

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

Фонтанка плещется, как встарь.
Над ней стоит дворец.
Но в дом, где жил когда-то царь,
Пришел другой жилец.

Всё для него припасено:
Палитра и мольберт,
И говорящее кино,
И камерный концерт.

Он ловит звезды в телескоп,
Строгает в мастерской,
Или сидит, нахмутив лоб,
За шахматной доской...

Дворец осаду перенес,
Налеты и обстрел,
Но устоял он, как утес,
Под бурей уцелел.

Свидетель многих славных дней,
Стоит он на посту
С четверкой бронзовых коней,
Застывших на мосту.

НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный, —
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копье.

Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы!

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережем просторный дом,
Где место есть под небосводом
Всеми, живущему трудом.

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

З Н А М Я

Под гранитным сводом Мавзолея
Он лежит, безмолвен, недвижим.
А над миром, как заря, алея,
Плещет знамя, поднятое им.

То оно огромное без меры,
То углом простого кумача
Обнимает шею пионера,
Маленького внука Ильича.

По сообщению газеты «Бомбей кроникл», военный трибунал княжества Хайдарабад приговорил 11-летнего мальчика Дина Лингайя к тюремному заключению на 46 лет...

«... От имени 60 миллионов своих членов Всемирная федерация демократической молодежи энергично протестует против преследования индийских патриотов».

Из газет

К одиннадцати сорок шесть
Прибавьте, — и тогда
Поймете, что такое месть
Фашистского суда.

Индийский пленник проведет
Полвека под замком.
В тюрьму ребенком он войдет,
А выйдет стариком.

Но нет, судья — плохой пророк,
И не подумал он,
Что сменятся за этот срок
И судьи и закон.

И надо верить, что скорей
В тюрьму проникнет свет
И выйдет узник из дверей
Ребенком школьных лет.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЛЕТА

Через поля идут они гурьбой,
Взбираются гуськом на перевалы,
На побережье, где шумит прибой,
Бегут по щебню, огибая скалы.

Идут по южным рощам и садам,
По северным лесам, где блёкнут листья,
Где, радуясь осенним холодам,
Уже горят рябиновые кисти.

По площади проходят городской
И по широкой улице колхоза
И где-то над суровою рекой
На бревнах поджидают перевоза.

А сколько их встречаешь на пути!
Вот удалось им задержать трехтонку,
И рад шофер до школы довезти
Компанию, бегущую вдогонку...

По улицам, обочинам дорог
Идут ребята в день последний лета.
И эту поступь миллионов ног
Должна сегодня чувствовать планета.

ВСТРЕЧА

Со всех концов столицы мы сошлись
У главного небесного вокзала.
Минута долгожданная настала —
И мы, глаза прищурив, смотрим ввысь.

Выходит из-за тучи самолет.
Спускается, как с горного откоса.
Вот на лету он выпустил колеса
И, чуть качаясь, по земле идет.

Ну, значит, прилетел Назым Хикмет,
Наш старый друг, освобожденный пленник.
Из этой двери выйдет он на свет
И на траву сбежит с крутых ступенек.

Давным-давно он не бывал в Москве.
Всю молодость провел он за решеткой.
Но прежней, легкой, молодой походкой
Навстречу нам идет он по траве.

Кудрявая открыта голова,
Лицо спокойно, мужественно, строго.
Он произносит русские слова,
Смущаясь и ломая их немного.

И словно капля ясная росы
Скатилась по лицу его украдкой,
Чуть увлажнила светлые усы
И спряталась у рта в глубокой складке.

Его принес, как в сказке, самолет
В страну друзей, в аэропорт московский.
На площади знакомой он прочтет
Ему родное имя: «Маяковский».

Так много лет в неволе он мечтал,
Вдоль стен шагая и на койке лежа,
Увидеть вновь многооконный зал,
В котором Сталин лекции читал
Разноплеменной дружной молодежи.

Услышать стук постройки над Москвой,
Увидеть стрелы кранов над столицей
В той вышине — почти над головой, —
Где самолеты реяли да птицы.

Поэт глядит на крыши в синеве,
На строчки окон строящихся зданий
И говорит: — За годы испытаний
Я награжден. Я счастлив. Я — в Москве.

ГОД РОЖДЕНИЯ — 1950

Взгляни на крепких, беззаботных,
Тепло укутанных ребят.
Ровесники домов высотных,
Они в колясочках сидят.

Недавно — в середине века —
Дома и дети рождены.
Но дом быстрее человека
Достиг предельной вышины.

Растущий дом свои лебедки
Взнес в синеющую высь,
Когда ребята-одногодки
Едва на ножки поднялись.

Но пусть пройдут десятилетия —
И неизведанных высот
Достигнут нынешние дети,
Что первый год живут на свете,
Растут и видят: все растет!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ныряет месяц в облаках.
Пора ложиться спать.
Дитя качая на руках,
Поет тихонько мать:

— Уснули ласточки давно,
И люди спят в домах.
Луна глядит в твоё окно,
Нашла тебя впотьмах.

В саду деревья шелестят,
И говорят они:
Скворчата спят, галчата спят,
И ты, малыш, усни!

Усни, не бойся, — наша дверь
Закрыта на засов.
К нам не придет косматый зверь
Из сумрака лесов.

Не залетит орел сюда
С крутой своей скалы, —
Не вылетают из гнезда
В полночный час орлы.

Не смеет вражий самолет
Нарушить твой покой.
Ночное небо стережет
Надежный часовой.

Оберегают жизнь твою
И твой укромный дом
Твои друзья в любом краю, —
Их больше с каждым днем.

Они дорогу преградят
На всей земле войне.
Друзья надежные ребят —
Живут в любой стране.

Усни, — соседи спят давно.
Глядит луна в твоё окно.
Спят под луной леса, поля.
Во сне рассвета ждёт земля.

**ИЗ КАНТАТЫ
«НА СТРАЖЕ МИРА»**

Бойцам Волгограда
Не надо
Меча на музейном столе.
Да будет героям наградой
Незыблемый мир на Земле.

Пусть больше не станет ареной
Воздушных боев небосвод
И воем зловещим сирены
Не гонят в подвалы народ.

И словом и делом сражаться
За мир и свободу свою
Живущих зовут Волгоградцы,
Стоявшие па́смерть в бою.

М О Р Е В С Т Е П И

Среди степей плывут суда,
Идут на север с грузом хлеба.
И степь, куда пришла вода,
Впервые отразила небо.

ТРАКТОРИСТ

В пшенице густой, колосистой
Все утро мотор стрекотал.
Потом стрекотать перестал, —
Обед привезли трактористу.

У края своей полосы
Сидел человек смуглолицый,
И были светлее пшеницы
Его голова и усы.

Небритый, большой, седоватый,
Землей он и нефтью пропах,
Но сразу узнал я солдата,
Прошедшего школу в боях.

Какого он рода и края,
По речи его не поймешь.
То скажет «ищу», то «шукаю»,
То скажет «люблю», то «кохаю»,
То «жито» промолвит, то «рожь».

Пожалуй, меж областью Курской
И Харьковской так говорят.
— Хочу я податься на курсы, —
Сказал, между прочим, солдат. —

Механику я розумию,
И средний и полный ремонт.
Гонял на Кавказ грузовые,
Гонял грузовые на фронт.

А нынче до времени в тайне
Я новую думку держу:
Работать хочу на комбайне.
С войны трактора я вожу.

Что трактор, что танк — все едино.
Ну, может, комбайн потрудней.
А все-таки тоже машина, —
Хиба ж не управлюсь я с ней?

Обед свой доел он в молчанье
И хмуро кивнул мне: — Пока! —
А я позабыл на прощанье
Узнать, как зовут старика.

Исчез он вдали, — безымянный
Работник Советской страны,
Участник великого плана,
Участник великой войны.

МАЛЕНЬКИЙ СТАЛИНГРАДЕЦ

Под мягким одеяльцем белым
Он ровно дышит в тишине.
Он занят очень важным делом —
Растет невидимо во сне.

Он спит в покое и в прохладе,
Еще не ведая о том,
Что он родился в Сталинграде,
Где видел пламя каждый дом.

Не дрогнут длинные ресницы
Легко закрытых спящих глаз.
И ничего ему не снится,
А то, что снится, — не для нас.

Но молча требует ребенок
Заботы доброй тишины.
Пусть не увидит он спросонок
Над миром зарева войны!

Недаром же на всей планете
Война объявлена войне,
Чтоб сном счастливым спали дети
И по часам росли во сне.

ДЕНЬ РЕБЕНКА

Сегодня — только день Ребенка,
А предстоят десятки лет
Ребятам, что смеются звонко,
Едва в окно забрезжит свет.

Они, проснувшись утром ранним,
Встают для радостной игры.
И мы, большие, не обманем
Доверья нашей детворы.

Мы защитить сумеем детство
Того, кому отец и мать
Должны бесценное наследство
Любви и мысли передать.

ПЕСНЯ О ДВУХ ЛАДОНЯХ

Одной ладонью в ладоши не ударишь.
Узбекская поговорка

В ладоши
Ладонью одной
Не ударишь.
Дорог в дороге
Друг и товарищ.

Две перазлучных струны
У дутара.
В дружбе живет
Их счастливая пара.

Строчка
В стихах
Не живет
Одиночкой.
Дружно рифмуются
Строчка со строчкой.

С другом вдвоем
Не устанешь от ноши,
В лад ударяют
Под песню
В ладоши.

В лад
Ударяет
Ладонь о ладонь.
Сталь и кремень
Высекают огонь,

СЛУЧАЙ В МОСКВЕ

Огни автомобилей
Мелькали с двух сторон.
А меж огней бродили
В ту ночь верблюды и слон.

Как по пескам пустыни,
Шагал, высок и худ,
Исполненный гордыни
Египетский верблюд.

А сзади шел индийский
В защитной маске слон
И с каждым шагом низкий
Отвешивал поклон.

Протер стекло рукою
Шофер грузовика,
Не зная, что такое
Валит издалека.

Глядел он вдаль, покуда
Застлал глаза туман,
И принял он верблюда
За аварийный кран.

Потом решил, что снится
Ему, должно быть, сон...
Неужто по столице
Бредут верблюды и слон?

Все правила движенья
Нарушили они
И шли без разрешенья
На красные огни.

Сотрудники ОРУДа
Пытались их ловить.
Но как слона, верблюда
Свистком остановить?

Списал бы, велед им глядя,
Их номер старшина,
Когда бы номер сзади
Имелся у слона.

Виденьем или чудом,
Бродящим по ночам,
В потемках слон с верблюдом
Казались москвичам...

Нет, попросту шагали
Обратно в свой загон,
Побыв на фестивале,
В ту ночь верблюд и слон.

Они меж иностранцев
На улицах нашли
Индийцев, африканцев —
Людей родной земли.

Припомнил берег Нила
На празднике верблюд,
Припомнил край свой милый,
Где финики растут.

Как дома, в Индостане,
Увидел старый слон
Белеющие ткани
Бенгальских смуглых жен.

И рады были люди
Других материков
В слоне или верблюде
Увидеть земляков.

В те дни все части света
Сошлись на торжестве, —
Как будто вся планета
Была у нас в Москве.

РАЗГОВОР С ВНУКОМ

Позвал я внука со двора
К открытому окну.
— Во что идет у вас игра?
— В подводную войну!

— В войну? К чему тебе война?
Послушай, командир:
Война народам не нужна.
Играйте лучше в мир.

Ушел он, выслушав совет.
Потом пришел опять
И тихо спрашивает: — Дед,
А как же в мир играть?..

Ловя известья, что с утра
Передавал эфир,
Я думал: перестать пора
Играть с войной, чтоб детвора
Играть училась в мир!

РОЖДЕНЬЯ ГОД СОРОКОВОЙ

Санкт-Петербург и Петроград,
Суровый, строгий и богатый.
С фронтоном греческим фасад.
Солдат у будки полосатой.

На Невском звон гвардейских шпор
По следу лаковых ботинок.
Разряженный Гостиный двор.
Сенноторговцев буйный рынок.

Немые сфинксы над Невой,
И невдали городовой
В перчатках, — видно, что столичный.

И тут же Питер — трудовой
В поту и в копоти фабричной,
В густой завесе дымовой.

Но дрогнул Петербург богатых,
Когда хозяева земли
В шинелях, куртках и бушлатах
На площадь Зимнего пошли.

В старинном Смольном, где с докладом
В тот вечер Ленин выступал, —
Его, ликуя, встретил зал.
И Питер был уж Ленинградом,
Хоть так никто его не звал.

И вот справляет величавый
Бессмертный город над Невой
Со всей Советскою державой
Рожденья год сороковой.

Он знал и голод и осаду,
Чертила смерть над ним круги,
Но не прошлись по Ленинграду
Ни разу дерзкие враги.

Он сохранил, веков наследник,
Черты первоначальных дней,
Но стал за сорок лет последних
Еще моложе и стройней.

Уж стариков сменили внуки,
Вступив в законные права
Здесь, в этом городе науки,
Труда, искусства, мастерства.

ОНИ ВЕРНУЛИСЬ

Еще никто с начала мира
Таких не видывал чудес.
Три необычных пассажира
Летели вверх, теряя вес.

А на Земле следил ученый
За поведением всех троих:
Нормально или учащенно
Сердца работают у них.

Но для чего с такой заботой
Отправил небывалый груз
В столь отдаленные высоты
Неугомонный наш Союз!

Пусть, отделившись от ракеты,
Вернется к нам один отсек,
Чтоб в ту же высь взлетел с планеты
Ее хозяин — Человек.

И вот вернулись пассажиры —
Два молодца, здоровых пса
И этот первый кролик мира,
Орлом взлетевший в небеса.

Навек запомнится ракета
И две собаки — умный груз! —
И кролик, доказавший свету,
Что он, хоть кролик, но не трус.

Взметнув снаряд в такие дали
И опустив его назад,
Мы снова миру доказали,
Что нашей мысли нет преград.

**«З Д Р А В С Т В У Й,
М Е С Я Ц М Е С Я Ц О В И Ч !»**

Помню, в книжечке дешевой
Сказки дедушки Ершова
Мчался на коне
Русский парень, сын крестьянский
Из земли своей землянской
К Месяцу — к Луне.

Конь горбатый, быстроногий
По лазоревой дороге
Всадника домчал.
— Здравствуй, Месяц Месяцovich!
Я Иванушка Петрович! —
Парень закричал.

А теперь не в сказке детской
И не в смутном сне
Гордый вымпел наш советский
Рдеет на Луне.

ВОЗДУШНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Есть детская кроватка
На самолете «ТУ».
Как дома, спят в ней сладко
Ребята на лету.

И мы пробили с вами
Немало туч насквозь,
Но спать над облаками
Нам в детстве не пришлось.

* * *

Преодолев столетий косность,
Мы покорили целину
И в целину другую — в космос —
Взметнули новую луну.

С тех пор, как спутник из металла
Кругом обходит шар земной,
Никто не скажет, как бывало:
«Ничто не ново под луной!»

12.IV — 1961 г.

Своей судьбе я благодарен
За то, что дожил я, старик,
До той поры, когда Гагарин
В пространство космоса проник.

Желаю я литературе
Дружить с пространством мировым,
Где наш земляк Гагарин Юрий
Был первым спутником живым.

ЛАТВИЙСКИМ ДРУЗЬЯМ

Давно я не был в стройной Риге
У Дáугавы на берегу,
Но в сердце у себя и в книге
О вас я память берегу.

Из песен вашего народа,
Где столько радости и слез,
Как золотые капли меда,
С собой я несколько увез.

Пересказал я песни эти,
И склад и лад их сохранив,
Чтоб и у нас читали дети
Про серебро рыбацъей сети
И золото латвийских нив.

ОБЛАВА

Бежали женщины и дети
И прятались в лесу глухом...
Но их настигли на рассвете
Солдаты Гитлера верхом.

Белоголовому ребенку
Кричала мать: — Сынок! Беги! —
А убегающим вдогонку
Стреляли под ноги враги.

Но вот отбой — конец облаве,
И в кучку собранный народ
Погнали немцы к переправе —
Шагать велели прямо вброд.

На лошадях, встревожив заводь,
Спокойно двинулся конвой.
А пеших, не умевших плавать,
Вода покрыла с головой.

И стон стоял над той рекою,
Что бесконечные века
В непотревоженном покое
Текла, темна и глубока.

МОСКОВСКИЕ ГОЛУБИ

Есть на крыше соседнего дома
У меня молчаливый знакомый.

Хоть по правде сказать, он со мной незнаком
И не знает, что я существую,
Но я вижу частенько его за окном
Ранним утром в погоду любую.

По железным ступенькам ползет паренек,
Поднимаясь все выше и выше.
Доползет до конца — и шальной ветерок
Хохолок его треплет на крыше.

Рыжеватый подросток с крутым хохолком —
Удалой командир эскадрильи.
Вот он целится в небо, — как будто снежком, —
Белой птицей, раскинувшей крылья.

А за голубем первым семья голубей
Вылетает из рук командира.
И проносятся — горного снега белей —
Длиннопёрые вестники мира.

Голубиная стая летит в высоту,
Серебристая в солнечном блеске,
И трепещет, меняя свой путь на лету,
Словно белой бумаги обрезки.

Над Москвою за крышами солнце встает,
И на крышу ползет мой знакомый.
Он воркующих птиц отправляет в полет
С голубиногo аэродрома.

Он тревожит их мирный и сонный покой,
Поднимает лентьев на крылья.
И над улицей слышится шелест такой,
Будто сто вееров вы раскрыли.

Нераздельными стаями птицы летят
И на крыше живут неразлучно.
Не забавою занят сосед мой — юннат,
Он ведет это дело научно.

По утрам я из комнаты вижу своей,
Как над краем приподнятым крыши
Чуть мелькают, волнуясь, чубы голубей
И один — человеческий — повыше...

* * *

От имени множества матерей,
Изведавших боль одиночества,
Мы просим Верховный Совет поскорей
Вернуть их ребятам отчество.

От имени граждан будущих лет,
Еще не имеющих почерка,
Мы, взрослые, просим Верховный Совет
Дать отчество им вместо прочерка.

Мы просим родившимся отчество дать
Взамен этих прочерков-клякс,—
Пускай не ходили отец их и мать
Любовь регистрировать в загс.

У Родины нет незаконных детей.
Не может она не признать
Детей всех народов, краев, областей.
На то она Родина-мать.

Мы знаем, что детям свободной страны
Свободно живется на свете.
Так пусть же и в метриках будут равны
Для счастья рожденные дети!

В АФИНСКОЙ ТЮРЬМЕ

*Жене и дочери Никоса Белоянниса,
казненного в афинской тюрьме*

Есть земля прекрасная — Эллада,
Древняя и славная страна.
Зеленью плюща и винограда
Белая увита колоннада,
Южною зарей озарена.

Сижу я, как от зари румянясь,
Пробудились первые дома.
Но слепа холодная тюрьма,
Где бряцал цепями Белояннис.

В камере тюремной — в одиночке —
Он томился и погиб в плену.
И в тюрьме оставил он жену
Незадолго до рожденья дочки.

Дочка родилась в тюрьме сырой.
Ей пошел недавно год второй,
Но она не знает сада, поля
И не знает, что растет в неволе.

В те часы, когда гремит затвор
И отряд солдат вооруженных
Выпускает на тюремный двор —
На прогулку — женщин заключенных,

С матерью выходит и она,
Смотрит в небо и смеется звонко.
Но в тюрьму вернуться мать должна
И соседке отдает ребенка.

Мать уходит снова под замок,
А соседка, отгулав свой срок,
Дочку отдает другой соседке,
На прогулку вышедшей из клетки.

На глазах конвоя у дверей
Переходит дочка к смене новой.
У ребенка столько матерей,
Что за ручку взять ее готовы.

Так гуляет несколько часов
Девочка с другой и третьей сменой
До тех пор, когда гремит засов
За последней женщиною пленной.

Но сырей, короче дни к зиме,
Холоднее каменные своды...

Слава стойким женщинам в тюрьме
И позор — душителям свободы!

**САТИРИЧЕСКИЕ
СТИХИ**

1937—1963

АКУЛА

На Дальнем Востоке акула
Охотой была заята:
Злодейка-акула
Дерзнула
Напасть на соседа-кита.

«Сожру половину кита я,
И буду, наверно, сыта я
Денек или два, а затем
И все остальное доем!»

Подумав об этом, акула
Зубастый разинула рот,
Шершавое брюхо раздула
И ринулась дерзко вперед.

Но слопать живьем, как селедку,
Акула кита не могла:
Не лезет он в жадную глотку —
Для этого глотка мала!..

Китом подавилась акула
И, лопнув по швам, потонула.

1937

НОВОГОДНЯЯ РЕЧЬ В ПАРЛАМЕНТЕ

31 ДЕКАБРЯ 1938 ГОДА

В палату общин, в сумрачный Вестминстер,
Под Новый год заходит человек
С высоким лбом, с волнистой шевелюрой,
С клочком волос на бритом подбородке,
В широком кружевном воротнике.
Свободное он занимает место.
Его соседи смотрят удивленно
На строгого таинственного гостя
И говорят вполголоса друг другу:
— Кто он такой? Его я видел где-то,
Но где, когда, — ей-богу, не припомню!
Мне кажется, немного он похож
На старого писателя Шекспира,
Которого в студенческие годы
Мы нехотя зубрили наизусть! —
Но вот встает знакомый незнакомец
И глухо говорит: — Почтенный спикер,
Из Стратфорда явился я сюда,
Из старого собора, где под камнем
Я пролежал три сотни с чем-то лет.
Сквозь землю доходили до меня
Недобрые загадочные вести...
Пришло в упадок наше королевство.
Я слышал, что почтенный Чемберлен
И Галифакс, не менее почтенный,
Покинув жен и замки родовые,
Скитаются по городам Европы,

То в Мюнхен держат путь, то в Годесберг,
Чтобы задобрить щедрыми дарами... —
Как бишь его? — мне трудно это имя
Припомнить сразу: Дудлер, Тутлер, Титлер...
Смиренно ниц склонившись перед ним —
Властителем страны, откуда к небу
Несутся вопли вдов и плач сирот, —
Британские вельможи вопрошают:
«На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?»¹
Я слышал, что британские суда
В чужих морях отныне беззащитны.
Любой пират на Средиземном море
Десятками пускает их ко дну.
И раки ползают и бродят крабы
По опустевшим кубрикам и трапам.
А между тем вельможи короля
Со свитой едут в Рим, как пилигримы, —
Не на поклон к святейшему отцу,
Не для того, чтоб отслужить обедню,
Молясь об отпущении грехов,
А в гости к покровителю пиратов,
К безбожному Бенито Муссолини...
О здравый смысл! Ты убежал к зверям,
А люди потеряли свой рассудок!..

Я — человек отсталый. Сотни лет
Я пролежал под насыпью могильной
И многого не понимаю ныне.
С кем Англия в союзе? Кто ей друг?
Она в союз вступить готова с чертом
И прежнего союзника предать,
Забыв слова, которые лорд Пэмброк
В моей старинной драме говорит
Другому лорду — графу Салисбюри:
«Скорее в бой! одушевляй французов,
Коль их побьют, и нам несдобровать!..»² —
Так говорил в Вестминстерском дворце,

¹ Заключенные в кавычки строчки — из трагедии Шекспира «Гамлет». (Прим. С. Маршака.)

² Две строчки из «Короля Джона» Шекспира. (Прим. С. Маршака.)

В палате общин, строгий незнакомец
В полуистлевшем бархатном кафтане,
В широком кружевном воротнике...
Он речь свою прервал на полуслове
И вдруг исчез — растаял без следа,
Едва на старом медном циферблате
Минутная и часовая стрелки
Соединились на числе двенадцать —
И наступил тридцать девятый год.

Декабрь, 1938 г.

ВСЯ ЕВРОПА

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
— Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе!

— Нас поддержит вся Европа! —
Отвечали два холопа.
И пустились вербовать
Многочисленную рагь.

Швед
Из города Берлина,
Три бельгийца
С половиной
Да подручный
Дорио
Встать готовы
Под ружье.

Опереточный
Испанец
С шайкой жуликов
И пьяниц —
Вот фашистский
Легион
Всех мастей
И всех племен.

Вызвал Гитлер
Риббентропа
И спросил,
Нахмутив лоб:
— Это что же —
Вся Европа?
— Вся! — ответил Риббентроп.

**«АРАПСКИЕ» СКАЗКИ
НЕМЕЦКОГО ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ,
или
ТЫСЯЧА И ОДНА ЛОЖЬ**

Фашистский сумрачный калиф,
Кальян душистый закурив,
Велел войти с докладом
Своим Шехерезадам.

И вот вошел Шехерезад
И прочитал ему доклад:

— Один немецкий пулемет
Разбил сто тысяч дотов
И триста тысяч девятьсот
Семнадцать самолетов!

Два «мессершмитта» на лету
Забрали в плен Алма-Ату
С воздушным заграждением,
С луной и затемнением...

Калиф прервал его доклад,
Прикрыв плотнее двери:
— А каковы, Шехерезад,
Немецкие потери?

— Калиф, ты задал мне вопрос
Весьма замысловатый,
Я на советский счет отвес
Немецкие утраты!

**«ЛЮДОЕД-ВЕГЕТАРИАНЕЦ»,
или
«ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ»**

Гитлер объявил себя убежденным вегетарианцем. Он выпустил медаль со своим портретом и надписью «Я — решительный противник убоя животных. Адольф Гитлер».

Этот добрый
Человечек
Заказал себе медаль:
«Мне зарезанных
Овечек
И барашков
Очень жаль».

Как известно,
У медали
Есть другая сторона,
И на ней мы прочитали
Роковые письма:
«Не нужна мне кровь овечья,
А пужна мне человечья!»

ФАШИСТСКАЯ ПСАРНЯ

Гитлер вымолвит в Берлине:
«Муссолини, куш!» —
Ляжет в Риме Муссолини,
Толст и неуклюж.

Если Гитлер скажет резко:
«Мой Трезор, ату!» —
Вихрем мчится Аптонеску
С плеткою во рту.

Если Гитлер палку бросит,
Говоря: «Апорт!» —
Маннергейм ее приносит,
Радостен и горд.

У стола сидят собачки,
Образуя круг,
Ждут какой-нибудь подачки
Из хозяйских рук.

Но обещанные кости
Ест хозяин сам,
Только плети, только трости
Оставляя псам.

САПОГИ

Инструкция генерального штаба германской армии от 13 июля 1941 г. за № 11 касается захвата трофейной обуви на востоке и дает указание, как забирать обувь не только у живых, но и у мертвых.

Из газет

Смотрят жадные враги,
Чем бы поживиться,
Износились сапоги
У солдата Фрица.

Новой пары не дадут
В роте, будь спокоен!
А поскольку ты разут,
Ты уже не воин.

Фриц ногами собирал
Васильки и травы.
Встретил Фрица генерал,
Важный, величавый.

— Сапоги себе добудь, —
Молвил он сурово, —
Можешь мертвого разуть
Или снять с живого!

Фриц дослушал до конца,
Повернулся круто
И подумал: «С мертвеца
Снять — одна минута!»

Отправляется он в путь
Поступью героя,
Чтобы мертвого разуть
В поле после боя.

Раздобыл он сапоги,
Прочные, воловьи.
Только пахнут сапоги
Человечьей кровью.

Только эти сапоги
Из воловьей кожи
Будут стбить вам, враги,
С каждым днем дороже!

**ЮНЫЙ ФРИЦ,
или
ЭКЗАМЕН
НА АТТЕСТАТ «ЗВЕРОСТИ»**

Юный Фриц, любимец мамин,
В класс явился на экзамен.
Задают ему вопрос:
— Для чего фашисту нос?

Заорал на всю он школу:
— Чтоб вынюхивать крамолу
И строчить на всех донос.
Вот зачем фашисту нос!

Говорят ему: — Послушай,
А на что фашистам уши?

— Ухо держим мы востро,
Носим за ухом перо.

Все, что ухом мы услышим,
Мы пером в тетрадку пишем —
В наш секретный «ташен-бух»¹.
Вот зачем фашисту слух!

Вопрошает жрец науки:
— Для чего фашисту руки?
— Чтоб держать топор и меч,
Чтобы красть, рубить и сечь.

¹ Записная книжка (нем.).

— Для чего фашисту ноги?
— Чтобы топтать по дороге —
Левой, правой, раз и два!
— Для чего же голова?

— Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
Чтоб не думать ничего.
(Фюрер мыслит за него!)

Похвалил учитель Фрица:
— Этот парень пригодится.
Из такого молодца
Можно сделать подлеца!

Рада мама, счастлив папа:
Фрица приняли в гестапо.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПЛАКАТ

Днем барон сказал крестьянам:
«Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

В НЕМЕЦКОЙ МЕРТВЕЦКОЙ

Между трупов,
Как в мертвецкой,
Гитлер с Геббельсом
Бродили.
Вдруг чуть слышно
По-немецки
Череп заговорили:

— Мы на Гитлера
Сердиты
И за то,
Что мы убиты,
И за то,
Что он в газете
Сократил нас на две трети!

БЕШЕНЫЕ

В одном из захваченных городов немецкие и итальянские бандиты похитили животных из лаборатории бактериологического института. Впоследствии выяснилось, что этим животным незадолго до этого было привито бешенство.

Из газет

Фашистским грабителям нынче везет —
Ну прямо везет, как повешенным!
Они у науки похитили скот,
А тот
Оказался бешеным!

Вчера укусил пехотинца тапкист.
Сегодня пехота кусается.
И два генерала, фон Буш и фон Лист,
На всех, как собаки, бросаются.

Взбесились фашисты один за другим —
Все те, что в хищенье замешаны.
Один только Гитлер пока невредим,
Но Гитлер давно уже бешеный!

ДЛЯ МИЛОГО ДРУЖКА И СЕРЕЖКА ИЗ УНКА

Правительство Виши согласилось
предоставить странам оси тунисские
порты, через которые будет идти снаб-
жение германских войск в Африке.

Из газет

Паркетный адмирал Дарлан
Живет себе в тиши.
Пред ним не море-океан,
А гладь воды Виши.
Он все порты отдать готов
И жить на свете без портов.

ПАРАЗИТ НА ПАРАЗИТЕ

⟨Планет⟩

Сверкая глазами, полковник-барон

Скомандовал: «Руки по швам!»

Но, видя, что чешется весь батальон,

Скомандовал: «Руки по вшам!»

ПЯТНА КРОВИ

«Мой Фриц, сокровище мое,
Пиши нам о своем здоровье,
Пришли нам теплое белье,
Хотя бы залитое кровью.

Его могу я постирать.
Оно малютке пригодится...»
Так пишет женщина и мать,
Достойная подруга Фрица.

Когда устраивал погром
Фашист, клейменный смертным знаком,
Незримо с ним врывалась в дом
Она — с кошелкой и рюкзаком.

СТЫД И ДЫМ

Берлинский лжец в своей газете
От англичан оставил треть.
Потом еще скостил две трети, —
Чего их, нехристей, жалеть!

Берлинский лжец, ты врешь бесцельно.
Пусть стыд — не дым, глаза не ест,
Но черный дым пожарищ Кельна
Заметен далеко окрест!

О ТОМ, КАК ГИТЛЕР ПРОШЛОГОДНИЙ УВИДЕЛ ГИТЛЕРА СЕГОДНЯ

Гордый Гитлер прошлогодний
Смотрит с пыльного холста,

Неожиданно сегодня
Он раскрыл свои уста.

Гитлер Гитлера спросил:
«Где ты обувь износил?

Где порвал ты свой мундир,
Истрепал его до дыр?

Ты сумел занять Париж —
Что ж Москву не покоришь?

Отчего не взял реванш —
Не шагнул через Ла-Манш?

Ты ж недавно говорил,
Что Европу покоришь.

Вспомни, Гитлер: на трибуне
Обещал ты блиц-войну,

Бросив армию в июне
На Советскую страну!»

Поглядев на свой портрет,
Гитлер Гитлеру в ответ:

«Либер готт ¹, всего лишь год,
Как пустился я в поход.

Да погода все не та —
То мороз, то духота.

Дождь стальной, свинцовый град —
Не война, а сущий ад.

А на псарне у меня
Целый день идет грызня:

На моих косится финн,
А на Венгрию — румын.

А Румыния венгерцу —
Тоже будто не по сердцу...»

Гитлер Гитлеру всерьез
Задаёт такой вопрос:

«Что же делать нам, герой,
Если будет фронт второй?..»

Глянул Гитлер исподлобья
На зловещий горизонт

И велел свое подобье
В тыл отправить — на ремонт.

¹ О, боже (нем.).

**< НАДПИСИ НА ПОСЫЛКАХ
В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ >**

ПАПИРОСЫ — ГВАРДЕЙЦАМ

В бой, дивизия гвардейская,
Под огнем твоих атак
Отступает рать злодейская.
Дело Гитлера — табак!

ГРЕЧНЕВАЯ КАША

— Посмотри, у русских каша,
Будем кашу
Есть.

— Извините, каша наша
Не про вашу
Честь!

ПШЕННАЯ КАША

Кто ты — пеший или конный,
Моторист, артиллерист?
Подкрепившись кашей пшенной,
Крепче с недругом дерись!

**НА ПАКЕТЕ С КОНЦЕНТРАТОМ
ГОРОХОВОГО СУНА**

Пообедал немец плохо —
На чужих живет хлебах.
Захотел поест гороха,
А остался на бобах.

КИСЛЫЕ ЩИ

Шлем тебе на фронт из тыла
Кислых щей пакет —
Чтоб фашистам кисло было
От твоих побед.

МАХОРКА

Бойцу махорка дорога.
Кури — и выкури врага!

«НЕ» И «НИ»

Мне рассказывал смоленский
Паренек:
— В нашей школе деревенской
Шел урок.

Проходили мы частицы
«Не» и «ни».
А в селе стояли фрицы
В эти дни.

Обобрали наши школы
И дома.
Наша школа стала голой,
Как тюрьма.

Из ворот избы соседской
Угловой
К нам в окно глядел немецкий
Часовой.

И сказал учитель: «Фразу
Дайте мне,
Чтобы в ней встречались сразу
«Ни» и «не».

Мы взглянули на солдата
У ворот
И сказали: «От расплаты
НИ один фашист проклятый
НЕ уйдет!»

О РУССКОМ ГОРОДЕ И НЕМЕЦКОМ ПОДПОЛКОВНИКЕ

Возвратились Великие Луки
Из немецких в советские руки,
И в плену оказался у нас
Господин подполковник фон Засс.

Неизвестная эта персона
Командиром была гарнизона,
И в делах господина фон Засс
Обнаружен секретный приказ.

Пишет Гитлер: «Держись, подполковник!
Если город отнимут у нас,
Поражения главный виновник
Будешь ты, подполковник фон Засс!

Не сдавайся! За все твои муки
Мы достойно тебя наградим.
Называться Великие Луки
Будут именем громким твоим.

Повторять будут дети и внуки
Это пмя во веки веков.
Назовем мы Великие Луки
Зассенштадт, Зассенбург, Зассенгоф!»

Коротки у разбойника руки
Несмотря на секретный приказ,
На свободе — Великие Луки,
А в плену — подполковник фон Засс!

ВОДЯНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

⟨Плакаты⟩

Скорее, доктор, пропиши
Больному Гитлеру «Виши»!

От русских Минеральных Вод
Болят у Гитлера живот.

СЧАСТЛИВОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

В боях за Харьков наши войска разгромили немецкие дивизии «Адольф Гитлер», «Райх» и «Великая Германия».

«Адольфа Гитлера» с «Великою Германией»
Разбили вдребезги советские войска,
И эта весть звучит как предсказание,
Что гибель Гитлера не так уж далека.

Неосторожно выбраны названия —
И «Гитлер» и «Великая Германия».

РОММЕЛЕВСКИЙ МАРШ

Шел фон Роммель на войну
В африканскую страну.
Шли за Роммелем дивизии
И везли запас провизии.

Барабаны — впереди,
Караваны — позади.
Тра-та-та-та!

Ехал к Нилу он верхом
На слоне своем лихом,
Предвкушал победу близкую
Над державою английскою,
Но у самых пирамид
Был британцами разбит.
Тра-та-та-та!

В знойной Ливии и Триполи
Генералу снова всыпали.
Отступает он пешком,
Подгоняемый штыком.

Караваны —
Впереди.
Барабаны —
Позади.
Тра-та-та-та.

Отступив пред англичанами,
Шел степями он песчаными
И, дойдя до мыса
Бон,
Из Туниса
Смылся воп!

ВОЙНА, КАК ТАКОВАЯ

Война является естественным состоянием человека.

А Гитлер

...Никому из нас не придет в голову расхваливать войну, как таковую.

*Из фашистской газеты
«Вестейтчер беобахтер»*

«Нет, война, как таковая,
Не легка и не сладка!» —
Говорит передовая
Из фашистского листка.

А когда-то, в дни былые,
Клялся фюрер, что война,
Как родимая стихия,
Немцам истинным нужна.

Почему же неизвестный
Журналист в передовой
Отзывается нелестно
О войне, как таковой?

Потому что на Востоке
В грозной схватке боевой
Немцам дал урок жестокий
Сталинград, как таковой.

Потому что с небосклона
Самолетов слышен вой
И летит за тонной тонна
На Берлин, как таковой.

Так, в минуту роковую
Фюрер смутно разобрал,
Что войну, как таковую,
Навсегда он проиграл!

ВЕСНА ... ВЫСТАВЛЯЕТСЯ ПЕРВАЯ РАМА

Швейцарские газеты сообщают, что капитуляция итальянских островов вызвала волнение во Франции. В Лионе и Гренобле толпа разбила окна магазинов, принадлежащих фашистским агентам.

Сдался остров Лампионе,
Сдался остров Лампедуза,
А на севере — в Лионе
Стали стекла бить французы.

В это утро закрывали
Погребки свои в испуге
Все сообщники Лавалья,
Палачей немецких слуги.

И не даром всем газетам
Сообщают телеграммы,
Что в стране французской летом
Были выставлены рамы!

Каждый бой на нашем фронте
Или в водах Средиземных —
Это свет на горизонте
Для народов подъяремных!

«ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ»

Молниеносную войну
Он обещал в июне,
И целый час метал слюну,
Беснуясь на трибуне.

Он говорил: «Исход войны
Решу я в две недели!»
И дураки его страны
В ответ ему галдели.

Когда же этот срок истек,
Бессовестный оракул
Двухмесячный назначил срок,
А Геббельс «хох!» проквашал.

То к ноябрю, то к рождеству,
То первого апреля
Грозился фюрер взять Москву,
А месяцы летели...

«Не думать о конце войны!» —
Таков приказ последний.
«Немедля сдать в казну штаны!» —
Гласит приказ соседний.

Уже листков календаря
Не остается, кроме
Сорок восьмого мартабря
На стенке в желтом доме...

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКСА И МОРИЦА

В автобусе встретился с Морицем Макс.
Спросил он: — Как ваши делишки?
Веселого мало, находите? Так-с!
Отмечу я в памятной книжке!..

Встревоженный Мориц прервал его: — Вас?
Вас заген зи ¹, старый знакомый?
Я тоже могу донести, что у вас
Приемник имеется дома!

У Макса в глазах замелькали огни,
Слетела от ужаса шляпа.
И оба стремглав побежали они
Кратчайшей дорогой в гестапо.

¹ Что? Что вы сказали (нем.).

СМОТРЕТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Полицией-президент Берлина издал приказ, предоставляющий полиции право отправлять на принудительные работы всех лиц, которые будут осматривать районы, подвергшиеся разрушениям в результате воздушных налетов.

Из газет

Меж развалин Бруннен-платца
Полицейский грозный страж
Запрещает озира́ться
На причудливый пейзаж.

— Предъявите разрешение
Посмотреть на разрушения!
А не то я вас возьму
На работы иль в тюрьму.

Не косить лукавым глазом!
Не глазеть по сторонам!
Верьте Геббельса рассказам,
А не собственным глазам.

Завтра в утренней газете
Вы прочтете обо всем:
Кто из вас на этом свете,
Кто из вас уже на том.

ИСПАНСКИЙ МАСКАРАД

Превратилась в испанца испанка.
Не поймете: она или он?
Голубую дивизию Франко
Перекрасить велел в легион.

Но и в новой защитной окраске
Потерпели франкисты урон.
Оставляя оружие и каски,
Откатился назад легион.

Пострадал он не только морально.
Потерял он не меньше чем треть.
Как обидно, считаясь нейтральным,
Пораженья на фронте терпеть!..

КОЛЛЕКЦИОНЕР ПАСПОРТОВ

Опасаясь народного гнева, гитлеровец Жан Люшер, владелец парижской газеты «Тан нуво», запасся уже двумя паспортами — для Испании и Швеции.

Из газет

Живет в Париже Жан Люшер —
Издатель «Тан нуво».
«Как поживаешь ты, мон шер?»¹ —
Спросили у него.

«Мерси, покамест ничего!» —
Сказал владелец «Тан нуво».

«Но почему же весь Париж
Упорно говорит,
Что улизнуть ты норовишь
В Стокгольм или Мадрид?»

«Все это сплетни парижан!» —
Сказал в ответ издатель Жан.

«Но твой шофер вчера сказал
Шоферам в гараже,
Что ты в посольствах заказал
Два паспорта уже!»

¹ Мой милый (*франц.*).

«Все это вздор и клевета, —
Сказал издатель Жан, —
Я собираю паспорта
И марки разных стран».

На этот раз ты не соврал,
Издатель Жан Люшер:
Немало марок ты собрал —
Германских, например!

1944

БИТЫЙ БИТОГО СТЕРЕЖЕТ

На прибывшего в Будапешт гитлеровского министра внутренних дел и командующего германской «внутренней армией» Гиммлера было совершено покушение. Неизвестным лицом в Гиммлера было сделано несколько выстрелов. Гиммлер ранен, начальник его личной охраны убит.

Из газет

Охранник начальника личной охраны
Убит неизвестным лицом.
Начальник охраны вздыхает: «Ох, раны!» —
И все это пахнет концом.

1944

СЛУХИ В ГЕРМАНИИ

По сведениям, поступающим из Германии, среди населения страны все шире распространяются пораженческие настроения. Все более учащаются случаи арестов за так называемые «слухи» о поражениях гитлеровской армии.

Из газет

Один старик сказал старухе:
«Ты знаешь, мюттерхен¹, в Крыму...»
И в ту же ночь за эти слухи
Попал в берлинскую тюрьму.

Глухонемые немцы, глухи,
Но — неизвестно почему —
Глухонемой кузнец за слухи
Попал в немецкую тюрьму.

У Шнабеля звенело в ухе.
«Что это значит и к чему?» —
Спросил несчастный, но за слухи
Его упрятали в тюрьму.

У Лемпеля урчало в брюхе.
И, вероятно, потому
За недозволенные слухи
Его отправили в тюрьму.

¹ Мамочка (нем.).

Сегодня Гитлер был не в духе:
Фон Геринг доложил ему,
Что пол-Германии за слухи
Вчера отправлено в тюрьму.

О ЛАВАЛЕ И ЕГО ПЕЧАЛИ

Пьер Лаваль высказал в печати свою скорбь по поводу начавшегося освобождения Франции.

Из газет

Они вдвоем смотрели вдаль
Из-за бетонных стен.
— Стреляют! — вымолвил Лаваль.
— Палят!.. — сказал Петэн.

«Беда!» — подумал Пьер Лаваль
И впал в глубокую печаль.

Он, как премьер и как француз,
Не может не грустить:
Его страну от рабских уз
Хотят освободить.

Врагам запродав он давно
И совесть и страну,
И вместе с ними суждено
Ему идти ко дну!

**ГЕББЕЛЬС — ГИТЛЕРУ
ПОСЛЕ ВТОРЖЕНИЯ СОЮЗНЫХ АРМИЙ**

Вы — предсказатель! Вы — пророк!
Предвидели вторжение.

Вот вам на голову венок —
И наше поздравление!..

НЕМЦЫ ПРИВЕТСТВУЮТ ...

Германское радио передавало 7 июня 1944 г., что «на Вильгельмштрассе (резиденция Гитлера) с большим удовольствием приветствуют то обстоятельство, что англичане и американцы осуществили вторжение в Северную Францию».

Пишут немцы: «Как мы рады
Наступлению
Врагов,
Появлению
Армады
У французских берегов!

Нашей радости конца нет,
Что войсками англичан
Пункт Байё сегодня занят,
Атакован город Кан.

Рады грому канонады
И тому, что занят Рим,
Всем десантам очень рады,
И воздушным и морским.

И погрузке и разгрузке...
Нас и хлебом не корми.
Лишь какой-нибудь французский
Иль немецкий пункт возьми!

Рады мы, что отступили
От Приволжья до Карпат
После яростных усилий
И немислимых затрат.

Очень рады пораженью
Под Одессой и в Крыму
И вчерашнему вторженью.
В общем, рады мы всему!..»

Так поет сейчас германец,
Удивительно поет,
Но его веселый танец
Панихидой отдает.

ПАРАД АЛЛЕ!

Приказом Геббельса в империи
Закрыты цирки и зверинцы.
Жокеи служат в кавалерии,
Канатоходцы — пехотинцы.

Жонглеры-клоуны отправлены
В ряды немецкой авиации,
Чревовещатели оставлены
При министерстве информации.

А укротители Германии
Из львиных клеток и слоновников
Назначены для обуздания
Германских генерал-полковников.

**ПОСЛЕДНИЕ ИТОГИ,
или
ДИТМАР В ТОГЕ**

Перед последней «тотальной» мобилизацией 1945 года фашистский генерал Дитмар озаглавил свой очередной обзор «Дело дошло до триариев».

Когда, бывало, в старину
Вели латиняне войну
С народом Галлии, Швейцарии,
В несчастье обращался Рим
К последним воинам своим
«До вас дошел черед, триарии!»

И нынче Дитмар-генерал
В минуту краха и аварии,
Накинув тогу, пропищал:
«До вас дошел черед, триарии!»

Откликнулись на этот зов —
И то под страхом наказания —
Ряды тотальных стариков,
Мобилизованных в Германии.

Они идут — за взводом взвод —
Из Вюртемберга, из Баварии.
Спросил фон Дитмар: «Что за сброд?» —
«А это, батюшка, триарии!»

НЕДОЛГОВРЕМЕННЫЙ «ДОТ»

(Подпись к рисунку)

Костюм ефрейтора домашний
Довольно легкий, строг и прост.
Он состоит из круглой башни
И пары пулеметных гнезд.
В таком наряде ходит дома
Немецкий фюрер в дни приема.
А шьет ему костюм стальной
Известный Крупп, мужской портной.

1944

ЗА ЧТО КАЗНИЛИ НЕМЕЦКУЮ МАШИНИСТКУ?

Жила она в Берлине. Служила машинисткой,
Строчила что есть мочи отчеты и счета
И этой бесконечной, трескучей перепиской
Была с утра до ночи усердно занята.

Накинув пелеринку на вздернутые плечи,
Весь день она писала, а вечером опять
Садилась за машинку, чтоб Гитлеровы речи
Под синюю копирку семь раз переписать.

Быть может, машинистка была антифашистка
Или писала просто для тренировки рук, —
Никто не знает точно, но только еженощно
Выстукивала срочно речей по двадцать штук.

Писала: «В две недели большевики разбиты,
И нам пути открыты в Москву и Ленинград.
Почти достиг я цели, и у кремлевских елей
Я в октябре устрою торжественный парад!»

Иль, скажем: «Англичанам нанес я поражение.
На всех морях мы топим бессчетные суда,
И я могу ручаться: британского вторженья
В фашистскую Европу не будет никогда!»

Должно быть, машинистку за эту переписку
Сам Гитлер похвалил бы немного лет назад.
Теперь ее цитаты не только староваты —
Теперь ее цитаты пощечиной звучат!

И вот за переписку казнили машинистку...
А впрочем, машинисток хоть сотню перебей,
Но сказанного слова ты не веротишь снова.
По русской поговорке — оно не воробей!

К О Н Е Ч Н Ы Й М А Р Ш Р У Т

Проходит поезд бронированный
Глубокой ночью без огней.
Сидит в вагоне, как прикованный,
Злодей, боящийся людей.

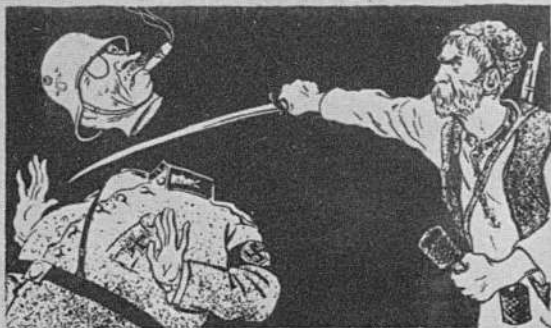
Кочует фюрер по Германии,
От всех скрывая свой маршрут,
Но все равно без опоздания
Прибудет к станции Капут.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Днем фашист сказал крестьянам:
— Шапку с головы долой!—

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Партизанский плакат.
Художники Кукрыникины. 1941 г.

Урок истории.
Обложка художников Кукрыниксов. 1942 г.

«УКОРОТИШЬ — НЕ ВОРОТИШЬ»

Геббельс заверяет немцев, что в Прибалтике гитлеровская армия всего-навсего занимает «более выгодные позиции», так как далеко выдвинувшийся дугообразный выступ фронта больше не оправдывает себя.

Из газет

На всех фронтах фашистов бьют,
Громят их дни и ночи.
А Дитмар с Геббельсом поют:
«Зато наш фронт короче!»

Что ж сокращать — так сокращать
До самого Берлина.
Мы можем фронт вам обещать
Длиною в три аршина!

1944

У ВОРОТ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

〈Плакат〉

— Мой генерал, в стекло бинокля
Вы посмотрите: фронт далек ли?

— Настолько близок он, увы,
Что я уже без головы!..

1944

ВИД НА МОСКВУ И ОБРАТНО

На башни и московские дома
В трубу смотрели Гитлер с Муссолини.
Теперь Москва идет в Берлин сама
И без трубы видна уже в Берлине.

1944

«ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА»

Французское радио сообщает, что увезенные в Германию Петэн и Лаваль лишены права встречаться. Они занялись составлением мемуаров...

Из газет

Второпях упаковали
В два дорожных сундука
Немцы грузного Лавалья
И Петэна-старика.

Увезли через границу
Поздней ночью на восток,
Не в германскую столицу,
А в заштатный городок.

И Петэна и Лавалья
Увезли без всяких виз.
Только мелом написали
На рогоже «верх» и «низ».

Двух предателей из Франции,
Двух нечаянных гостей
Мрачно встретили на станции
Представители властей.

Развезли их по квартирам,
Разлучив между собой.
А для связи с внешним миром
К ним приставили конвой.

Устрашась грядущей кары
Иль соскучившись в глуши,
Принялись за мемуары
Экс-правители Виши.

Не теряют ни минутки,
Мелким почерком строча
«Мемуары проститутки»
Иль «Записки палача».

Утаить свою измену
Удается им едва ль...
И неведомо Петэну,
Что строчит о нем Лаваль!

И неведомо Лавалю,
Что строчит о нем Петэн,
И куда они попали —
К немцам в гости или в плен!

ДУРНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Сейчас неуместен разгул животных
инстинктов, как за рубежом.

Из фашистских газет 1944 года

Из-за границ
Вернулся Фриц
К себе домой — в Германию.
И слышит он
Со всех сторон
Такие восклицания:

«Послушай, Фриц! —
Со всех страниц
Кричат ему газеты. —
Зачем ты грабишь частных лиц?
Зачем насилуешь девиц?
Очнись, подумай, где ты!

Ты не во Франции теперь,
Не в селах Украины.
Послушай, Фриц, скорей умерь
Ты свой инстинкт звериный.

Когда-то грабил ты и жег
Деревни Белоруссии,
А нынче грабишь ты, дружок,
Дома Восточной Пруссии...

За рубежом
Ты грабежом
Был занят непрерывно.
Но грабить свой, немецкий, дом —
По меньшей мере странно!»

В ответ раздался стёкол звон
И хриплый голос Фрица:
— Я не могу, — воскликнул он, —
Уже остановиться!

ЗАГАДКА И ОТГАДКА

〈Подпись к рисунку〉

— Куда ведешь ты этих баб,
Повязанных платками?

— Нет, я веду немецкий штаб
С отборными полками!

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

1945 год

Пришел к фашистам Дед-Мороз
В укромное местечко
И говорит: «Я вам принес
Чудесное колечко...

Мое колечко из пеньки,
Но всех других прочнее.
Оно просторно для руки,
Но вам как раз по шее!

Ушел сорок четвертый год,
Приходит сорок пятый.
Он вам кольцо на память шлет
В счет будущей расплаты...»

В подушку фюрер спрятал нос
И толстый Геринг — тоже.
Такой ужасный Дед-Мороз
Прошел у них по коже!

РАЗГОВОР ЕФРЕЙТОРА С ГЕНЕРАЛЬСКИМ МУНДИРОМ

Прощай, мой мундир, мой надежный слуга.
Приходит минута разлуки.
Навеки прощай!.. Уж не ступит нога
В мои генеральские брюки!

С тобой покорить я надеялся мир,
Мечтал о добыче и славе.
С тобою в Париж я вступил, мой мундир,
В тебе гарцевал по Варшаве.

В тебе я когда-то всходил на Парнас
С веселой подвыпившей свитой.
В тебе я летал по Европе не раз
От фьордов норвежских до Крита.

Осталась прореха в твоем рукаве,
Прореха огромная — сзади
На память о тщетном стремленье к Москве,
О том, что стряслось в Сталинграде...

Вот эти заплаты оставил Донбасс.
Карелия... Крым... Украина...
Вот Венгрия, Польша... А эти сейчас
Нашиты вблизи от Берлина.

Теперь ты скучаешь в грязи и в пыли,
Лишившись подкладки атласной,
И тихо дрожишь, услыхав невдали
Орудия Армии Красной.

С тобою дождались мы черного дня.
Свой век доживем мы в разлуке.
И скоро повесят тебя и меня
Суровые, твердые руки.

Меня до костей пробирает озноб, —
Так сильно грохочут орудья.
Тебя бы — в мой гроб, а меня — в гардероб!
Да только найдут меня судьи...

Давно уложил я тебя в чемодан,
Мечтая лететь в Аргентину.
Увы, далеко от меня океан,
А фронт подступает к Берлину!

Прощай, мой мундир, мой надежный слуга.
Приходит минута разлуки.
Навеки прощай... Уж не ступит нога
В мои генеральские брюки...

СКОЛЬКО ВЕСИТ КВИСЛИНГ?

Желая вызвать чувство сожаления,
Предатель Квислинг пишет заявления
О том, что он в тюрьме теряет вес,
Пока в суде готовится процесс.

Пусть подождет предатель два-три месяца:
В последний раз ему придется взвеситься!

1945

БЕЗРАБОТНЫЕ ПАЛАЧИ

...Не для торжественных речей,
Не для банкетов светских
Собралась шайка палачей,
Гаулейтеров немецких.

Один-единственный вопрос
Интересует их всерьез,
А суть вопроса вкратце:
Куда им всем деваться?

Кули таскать? Рубить дрова?
За это платят скудно.
Притом дрова — не голова.
Рубить их очень трудно!

Лудить, паять, кроить, дубить
Труднее, чем дубасить.
Носить трудней, чем доносить,
И легче красть, чем красить.

Так что же делать? Вот вопрос.
Ответа ждет гаулейтер.
Но, хвост поджав, как битый пес,
Дрожит и сам ефрейтор...

1945

**БЕЗБИЛЕТНЫЕ ПАССАЖИРЫ,
или
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗАЙЦЫ**

...за неделю до объявления аргентинским правительством войны странам оси в Аргентине состоялось тайное совещание немецких фашистов, которые признали, что объявление войны необходимо для сохранения нацистского центра в Латинской Америке.

Из газет

Что за чудная картина:
В бурную весну
Объявила Аргентина
Гитлеру войну.

Тихо-тихо объявила,
Опустив вуаль,
Улыбнувшись очень мило,
Затаив печаль.

Написала на прощанье
Другу своему
И назначила свиданье
Тайное ему...

Грохот поезда победы
С каждым днем слышней.
Разглядели даже шведы
Блеск его огней.

Переполнены вокзалы.
Паровоз гудит.
И попутчик запоздалый
На вещах сидит.

Не один турист нейтральный
Вышел на перрон.
— Проводник, нельзя ли в спальный
Мне попасть вагон?

Но в вагон международный
Зайцам ходу нет.
— Вам не будет ли угодно
Предъявить билет?

ГЕББЕЛЬС И ПРИРОДА

В течение всей войны я каждую неделю публично обращался к народу. Если иногда мне приходилось заблуждаться, то эти заблуждения являются следствием несовершенства человеческой природы.

Геббельс «Дас райх»

Статьи сдавал он в свой журнал,
Как немец, аккуратно.
И каждый раз при этом врал
В печати непечатно.

Но, притупив перо свое,
Он пишет на прощанье:
«Одно последнее вранье,
И кончено сказанье».

Он просит, опуская взгляд,
Пардона у народа:
«Не я в ошибках виноват,
А, так сказать, природа».

Конечно, в этом спору нет.
Виновна та природа,
Что породить могла на свет
Подобного урода!

БЕРЛИНСКАЯ ЭПИГРАММА

«Год восемнадцатый не повторится ныне!»—
Кричат со стен слова фашистских лидеров.

А сверху надпись мелом: «Я в Берлине».
И подпись выразительная: «Сидоров».

ЖИВОЙ ТРУП

Многие гитлеровцы, пытаясь избежать ответственности за свои преступления, объявляют себя умершими, изменяют свои фамилии и направляются в Испанию и другие «нейтральные» страны.

Из газет

Его везут на черной колеснице
К испанской, дорогой ему границе.

А он кричит: «Полегче, дуралеи,
Не то я в самом деле околею!»

1945

ИЗ КОТЛА В КОТЕЛ

Один котел... Другой котел...
Скажу без лишних слов,
Что он старательно прошел
На фронте курс котлов.

Котел на Волге, на Днепре
И у Балтийских вод...
Но он не думал, что на Шпрее
В котел он попадет.

И не мерещилось ему,
Когда в поход он шел,
Что есть возможность «на дому»
«Штудировать» котел.

Зачем блуждать, покинув дом,
Среди чужих равнин,
Когда прекраснейшим котлом
Является Берлин?

Кидайте в печь побольше дров,
Товарищи-друзья,
Пока в последнем из котлов
Не сварится свинья!

БЕСПОКОЙНЫЙ «ПОКОЙНИК»

Надгробная надпись

Покойник
Был такой разбойник,
Такой подлец, мошенник, плут,
Что смерти вы его не верьте,
Покуда трупа не найдут!

1945

РОКОВАЯ ОШИБКА ЕФРЕЙТОРА

На площади в Германии
Хвалился он заранее:
— Со мною во главе
Берлинские дивизии,
Штеттинские дивизии,
Бригады Бранденбургские,
Полки Мариенбургские
Пройдут по всей Москве!

Ответ на предсказание
Последовал один:
Нет Гитлера в Германии,
Освобожден Берлин!

И вот на всенародном
Советском торжестве
Дивизии Берлинские,
Тильзитские, Штеттинские,
Бригады Бранденбургские
Полки Мариенбургские
Проходят по Москве...

Но это — наши войны.
Их чествует страна.
За подвиг им присвоены
Такие имена!

НА ПРИВАЛЕ

〈Подпись и рисунку〉

Словом и делом вели мы борьбу,
Кистью, пером — до победы.
Ах, как приятно сидеть на гробу,
Если в гробу — людоеды!

Правду сказать, надоели нам всем
Геббельсы эти бессчетные...
Нынче, в предчувствии будущих тем,
Все мы — на миг безработные.

Ганф, Эренбург, Кукрыниксы, Маршак,
И Черемных и Бродаты
Передохнут после жарких атак,
Как отдыхают солдаты.

Вспомнят Ефимов Борис и Дени
Битвы, где вместе рубились они.

БЕРЛИН И ТОКИО

...Основные цели, которые заставили
Японию и Германию взяться за оружие,
были одни и те же...

*Японская газета «Ниппон таймс»,
декабрь 1944 г.*

Они сознались, что имели
Одни намеренья и цели:
Они свою ковали ось,
Чтоб шар земной проткнуть насквозь.
Но разлучилась эта пара...
Один исчез не так давно
И на коре земного шара
Оставил грязное пятно.

Теперь другой узнал на деле,
Что грозный суд неотвратим,
Что одинаковые цели
Ведут к последствиям одним.
За преступления жестокие
Враги дадут ответ один.
Приехал к финишу Берлин,
За ним последует и Токио.

1945

ПЕРЕД СУДОМ

Из Нюрнберга, где ждут процесса,
На днях известье пришло о том,
Что у фашиста Рудольфа Гесса
Отшибло память перед судом...

Как сообщает об этом пресса,
Забыл он десять последних лет.
В разбитом сердце Рудольфа Гесса
Воспоминаний о прошлом нет!

Забыл, что звали его Рудольфом,
Забыл свой город, свою страну.
Забыл, как с другом своим Адольфом
Он мировую зажег войну.

На все бывшее легла завеса...
Но не избегнет злодей суда.
Пусть злая память Рудольфа Гесса
Исчезнет скоро — и навсегда!

КАПИТУЛЯЦИЯ С КРУПНОЙ СПЕКУЛЯЦИЕЙ

Владелец заводов Круппа Альфред
Крупп фон Болен Гальбах заявил, что
он готов работать «на новые рынки».

Из газет

Известный Крупп, король стальной,
Торгаш с фамилией тройной
И четырьмя приставками,
Понес убытки на войне
И рад служить любой стране
Военными поставками.

«Кому паять,
Ковать,
Сверлить?
Кому орудие отлить?»

1945

ПОСЛЕДНЯЯ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ

Фашистских армий оборона
Была у Волги и у Дона.
Потом прошла по Белоруссии,
Затем была в Восточной Пруссии.
А передвинулась сюда —
В зал Нюрнбергского суда.

Сидят в траншее адвокаты,
Сжимая перья-автоматы.
Но им не вычеркнуть пером,
Что вырублено топором.
И нет на свете красноречья
Краснее крови человеческой.

Ноябрь, 1945 г.

Была тесна когда-то им Европа, —
Теперь их всех вместил тюремный дом.
Вот Геринга жилье, вот — Риббентропа.
Здесь Франк проводит ночь перед судом.

Фон Розенберг, как волк, по клетке бродит,
И ничего он в будущем не ждет.
Он знает: год сорок шестой приходит
И не вернется сорок первый год.

Злодеям поздравлять друг друга не с чем.
От мира отделяет их засов.
И кажется им тяжким и зловещим
Полночный голос башенных часов.

Вдруг на стене явилась единица.
За ней девятка место заняла.
Четверка не замедлила явиться.
Шестерка рядом на стену легла.

И чудится злодеям, что шестерка
Искусно сплетена из конопли
И, ежели в нее взглядеться зорко,
Имеет вид затянутой петли!

МЫСЛИ ВСЛУХ

Всемирной пользуется славой
Американец Вашингтон.
Его упорством в битве правой
Восставший край освобожден.

Мы чтим великого Линкольна,
Которому нанес удар
Работорговец недовольный,
Теряя прибыльный товар.

Нам ярко светит из тумана
Воспоминанье о втором,
О лучшем Рузвельте — Делано,
Не запятнавшем Белый Дом.

Он был силен, благоразумен,
Великодушию открыт,
Он был не то, что мистер...
Пусть мистер Смит меня простит.

Я не желаю инцидентов
И на уста кладу печать,
Но сто процентов президентов
Я не обязан обожать!

НЕ СТАЯ ВОРОНОВ...

В отеле избранных — «Астории»
Звенит стеклом банкетный стол.
Читает беглый курс истории
Своим собратьям Форрестол.

Он говорит: — Миллионеры
Не отвечают за войну.
Еще и житсли пещеры
Дрались камнями в старину.

И путь развития человека
Увидеть можно только в том,
Что ядра каменного века
Сменились атомным ядром.

Не мог когда-то стать богатым
Дикарь, точивший свой голыш.
А в наше время каждый атом
Дает значительный барыш.

Джемс Форрестол в заздравном тосте
Благодарит от всей души
Гостей за хлопоты, а гости
Благодарят за барыши.

Они — различного калибра,
Но интерес у них один
И простирается до Тибра,
До стен Китая и Афин.

Они обеденного часа,
На дверь поглядывая, ждут:
Когда им пушечное мясо
Официанты подадут.

Чтоб дать доход бездонным кассам,
Не пощадят они затрат...
Но быть для этих пушек мясом
Народы мира не хотят.

Пускай слетаются банкиры,
Как стая воронов на пир, —
Плечом к плечу народы мира
Оборонить сумеют мир!

ХОЛОДНЫЙ ДОМ

В газетах сказано о том,
Что продан Диккенсовский дом.

Публично, именем закона,
Дом «Кошперфильда» и «Сверчка»
Оценщики аукциона
На днях пустили с молотка.

Бедняга Диккенс много лет
Лежит в Вестминстерском аббатстве.
Он не узнает из газет
Об этом новом святотатстве...

Клубится лондонский туман
И с фонарями улиц спорит,
Как в дни, когда писал роман
Покойный автор «Крошки Доррит».

По-прежнему издалека
Мы слышим крик зеленщика,
И запах устрицы и травки
Довозится из ближней лавки.

Во мгле, продрогнув до костей,
По переулкам бродят дети...
Но нет уж Диккенса на свете.
Певца заброшенных детей.

Его уж нет. И продан дом,
Где жил поэт, чудака, мечтатель.
Пойдет ли здание впаем
Иль будет отдано на слом, —
Решит случайный покупатель...

Будь этот дом в стране труда,
А не в краю капиталистов,
Его бы, право, никогда
Не описал судебный пристав.

В музей он был бы превращен,
Очищен от столетней пыли.
Туда бы школьники ходили
По воскресеньям на поклон.

И вновь бы ожил дом холодный,
Видавший столько перемен...
Среди его старинных стен
Не умолкал бы шум народный.

Согрел бы их людской поток.
И жадно слушали бы дети,
Не затрещит ли в кабинете
Приятель Диккенса — сверчок...

Из стихов о войне и мире. 1952 г.
Иллюстрации художника В. Лебедева.

С. Я. Маршак в своем кабинете 16 июня 1964 г.
(последняя фотография).

ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ

Греческие монархо-фашисты обратились к США с просьбой поставить им по «плану Маршалла» 12 электрических стульев для массовой расправы над демократическими элементами.

Из иностранной печати

Не для своих парадных зал,
Приемных и столовых
Палач афинский заказал
Двенадцать стульев новых.

Не будет греческая знать
Сидеть на них в концерте,
А будет пленников сажать
На эти стулья смерти.

Усадят на короткий срок
Здорового, живого.
Включит палач смертельный ток.
Мгновенье — и готово!

При этой казни будет врач
С жандармским офицером.
И будет числиться палач
Электроинженером.

Без украшений, без резьбы
Заказаны заводам
Двенадцать стульев для борьбы
Тюремщиков с народом.

Двенадцать стульев — первый сорт —
С устройством электрическим
Плывут, качаясь, в дальний порт
По водам атлантическим.

Включая в маршалловский план
Такие гарнитуры,
Банкиры шлют за океан
Образчики культуры.

Пусть их журналы сеют ложь
И ловят на соблазне, —
Но «образ жизни» их похож
На способ смертной казни!

БОМБЫ И БОМБОНЬЕРКИ

В Нью-Гавре
(Америка,
Коннектикут)
Висит объявление... О чем бы?

О том, что на фабрике выпуска ждут
Игрушечной атомной бомбы!

Румяный ребенок с папашей своим
Придет в магазин, и приказчик,
Сияя улыбкой, откроет пред ним
Наполненный бомбами ящик.

— Вам бомбочку нужно? Пожалуйста, сэр.
Швырните одну для проверки.
Вот мелкий, вот средний, вот крупный размер.
А это для них — бомбоньерки!

Выходит малыш из стеклянных дверей
Еще веселей и румянее.
Спешит он домой, чтоб начать поскорей
Учебное бомбометание.

Для практики бомбу бросает дитя
В кота, петуха и наседку,
Потом в гувернантку швыряет шутя,
И в тетку, и в бабу, и в дедку!

Всерьез ли такую игрушкой бомбят
Иль только немного калечат, —
Пока неизвестно. Но души ребят,
Наверно, она изувечит!

Убийцы, детей превращая в калек,
Дают им игрушечный «атом».
Но мирный, здоровый, простой человек
Защитником будет ребятам!

Намного сильнее он всех королей —
Железных, стальных или пушечных.
Так пусть же он землю избавит скорей
От бомб настоящих, а малых детей —
От самых зловредных: игрушечных!

ЕЩЕ ОДНА ТРАГЕДИЯ ШЕКСПИРА

Одно из американских издательств выпускает пьесы Шекспира в виде цветных картинок с коротким текстом. Будет выпущен «Юлий Цезарь», затем «Гамлет» и другие трагедии. Текст печатается рядом с изображенными персонажами, как это принято в так называемой серии «комикс».

Из газет

«Шекспир — и несть ему конца!» —
Воскликнул Гете. Но на рынок
Загнать великого певца
Спешат издатели картинок.

Какой-то денежный мешок
Удешевить решил Шекспира —
Стереть в яичный порошок
«Ромео», «Цезаря» и «Лира».

Шекспира янки взяли в плен,
Как всю Британскую империю.
Включил «Отелло» бизнесмен
В свою коммерческую серию.

Оставив в пьесе имена,
Делец над ней напишет смело:
«О том, как белая жена
Убита ниггером Отелло».

Слепой торгаш, несущий тьму,
Послал бойцов за дело мира —
Живых писателей — в тюрьму
И осквернил труды Шекспира.

ГОЛЛИВУД И ГАЙАВАТА

Если спросите: откуда
Изгнан старый Гайавата,
Я скажу: из Голливуда,
Я отвечу вам: из Штатов.

Те, кто любит в день погожий
Слушать древние сказанья,
Спросят, может быть: за что же
Гайавате наказание?

Я отвечу им: Поквана —
Трубка Мира — виновата
В том, что вынужден с экрапа
Удалиться Гайавата.

Вы узнаете, в чем дело,
Прочитав две-три цитаты
Из описанных Лонгфелло
Похождений Гайаваты:

«...Из долины Тавазэнта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От скалистых гор далеких,
От озер страны полночной
Все народы увидали
Отдаленный дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира...»

Голливуд, читая строки
Из народного сказанья,
Обнаружил в них намеки
На Стокгольмское воззвание.

Сразу отдал он команду:
«Чтоб спасти от бунта Штаты,
Прекратите пропаганду
Коммуниста Гайаваты!...»

РАСПРОДАЖА

В Лондоне была продана с аукциона
переписка артистки Патрик Кэмпбелл
и Бернарда Шоу. Письма приобретены
по телеграфу дельцом из Нью-Йорка.

Сказать по правде, хорошо
Дельцы не знают, кем был
Покойный мистер Бёрнард Шоу
И кто такая Кэмпбелл.

И все ж владелец кошелька,
Отнюдь не склонный к риску,
По телеграфу с молотка
Купил их переписку.

Вот молоток стучит о стол.
Растут на письма цены.
На сотни фунтов счет пошел...
— Кто больше, джентльмены?!

Пока ведет над Темзой торг
Компания скупая,
Телеграфирует Нью-Йорк:
«Бернарда покупаю».

Побили янки англичан,
Почти удвоив цену.
И вот идет за океан
Посылка к бизнесмену.

И говорит своим друзьям
Владелец переписки:
— Вот эти письма сам Вильям
Шекспир писал артистке!

— Шекспир? — Нет, впрочем, Шеридан...
Не помню точно, с кем был
Когда-то в Лондоне роман
У этой самой Кэмпбелл...

Как жаль, что Шоу Джордж Бернард
Не написал комедии
О том, как лондонский ломбард
Сбывал его наследие!

КАК СПАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Доктор философии, священник Вильям Сноу, выступая с проповедью в Южной Англии, заявил, что миру угрожает не война, а перенаселение. Он предложил создать международный парламент, который устанавливал бы определенную квоту рождаемости для каждой страны на каждый год.

Вещает проповедник тленья:

— Опасна людям не война.

Опасно перенаселенье,

Деторождаемость страшна.

Он восклицает: — О народы!

Пусть вам парламент каждый год

Дает лицензии на роды

И регулирует приплод.

Зовет к войне, зовет к разбою

Оратор, не жалея сил.

Ах, очень жаль, что он собою

Планету перенаселил!

И если есть еще к тому

У проповедника наследник,

Спросить уместно: почему

Мировоззрению своему

Неверен мрачный проповедник,

Зовущий мор, войну, чуму?

И если надо в самом деле
Слегка уменьшить род людской,
Он должен был для этой цели
Свое потомство в колыбели
Прихлопнуть пастырской рукой!..

СТИХИ О СТИХАХ, КОТОРЫЕ ВЗБУДОРАЖИЛИ ПАРЛАМЕНТ

Американская газета «Дейли пиплз уорлд» сообщает недавно возмущенный представитель оппозиции в канадском парламенте Дональд Флеминг зачитал «крамольные» стихи, обнаруженные им в документах правительственной «Комиссии по страхованию безработных города Монреаля». В парламенте разгорелась жаркая дискуссия на тему стоит ли в дальнейшем расходовать средства на деятельность этой комиссии?

Взволнован парламент в Канаде, —
Одна из комиссий в докладе
Среди прозаических строк
Такой допустила стихок:

«У древних варварских племен
В глубокой тьме веков
Существовал простой закон
Страховки стариков:

Когда родитель был без сил
И становился стар,
Ему потомок наносил
По голове удар.

Но в просвещенный, тонкий век,
В котором мы живем,
Считает грубым человек
Такой простой прием.

Когда, трудами изнурен,
Старик здоровьем плох,
Его с работы гонят вон,
Чтоб с голоду подох!..»

Взволнован парламент в Канаде:
Такого обычая нет,
Чтоб в скучном служебном докладе
Звучал стихотворный куплет!

С трибуны несутся угрозы:
«Страна на опасном пути,
Коль наше правительство с прозы
Могло на стихи перейти!»

В трескучих речах депутаты
Нещадно громят кабинет:
Зачем разрешил он затраты
На этот колючий памфлет?..

А лучше сказали о том бы,
Зачем трудовые гроши
Правительство тратит на бомбы,
Дельдам принося барыши!

КАРЛ И КАРЛИК

Муниципалитет города Аахена присудил Аденауэру «Международную премию мира имени Карла Великого».

Из газет

Удивился Карл Великий:
— Из газет я узнаю,
Что кому-то в боннской клике
Дали премию мою.

Был главой я полумира,
Рим склонился предо мной.
Но отнюдь не делом мира
Был я занят, а войной.

Многих жен одел я в траур,
Много крови пролил встарь...
Кто же этот Аденауэр?
— Боннский канцлер, государь!

— Что ж, он впрямь стоит на вахте
Дела мира? — Нет, пичуть.
Он печется о вермахте
И к войне готовит путь.

— Почему ж он премирован?
— Потому, что слово «мир»
Быть должно ему покровом,
Маскирующим мундир.

— Нет, таким лукавым крысам
Я дипломов не даю.
Пусть пометит Карлом Лысым
Эту премию свою!

1954

СИМЕОНЫ БЕЗ КОРОНЫ

Гостит в Мадриде Симеон —
Без отчества, фамилии,
Но Симеона почтальон
Отыщет без усилия.

Не нужно для таких персон
Фамилии и отчества.
Ведь он — не просто Симеон,
А бывшее «высочество»!

В Мадрид приехав, Симеон
Сказал корреспондентам,
Что он себя на царский трон
Считает претендентом,

Что по рожденью своему
Он бывший принц болгарский
И очень хочется ему
Присвоить титул царский.

«По Сеньке шапка», говорят.
Но в лавках шапочных навряд
Отыщется корона
Для принца Симеона.

На свете принцев — что котят —
Несметное количество!
И все «высочества» хотят
Пробраться в «их величества».

Для этих принцев и принцесс,
Напрасно ждущих царства,
Холодный душ или компресс —
Отличное лекарство!

**БАЛЛАДА
О МЕДНОМ ГЕНЕРАЛЕ**

Посвящается Эмрису Хьюзу

Пришла в столицу англичан
Посылка из Хартума.
В порту грузоподъемный кран
Извлек ее из трюма.

И стали думать и гадать
Стоявшие у крана:
«Что за таинственную кладь
Прислали из Судана?»

Быть может, это саркофаг,
Где был во время оно
Пропитанный бальзамом прах
Супруги фараона?»

Нет, прорезиненный брезент
И толстая фанера
Скрывали медный монумент
Виконта Китченера.

Изображен он был верхом
В седле кавалерийском
На тонконогом и сухом
Конь своем английском.

Над кем победы одержал,
Чему обязан славой
Суровый этот генерал,
Подтянутый и бравый?

Железом он смирил Судан.
За это англичане
Ему из меди истукан
Поставили в Судане.

И долго-долго эту медь
На площади столицы
Покорно должен был терпеть
Суданец темнолицый.

Когда же рабская страна
Республикою стала,
По месту жительства она
Послала генерала.

И вот почтенный этот лорд,
Гроза племен Судана,
К себе домой, в английский порт,
Пожаловал неожиданно...

Но ежели такую кладь
Без всяких церемоний
В Европу станут посылать
Народы всех колоний, —

Над Темзой выстроившись в ряд,
Литые генералы
Дорогу людям преградят
В прибрежные кварталы!

ФЮРЕР НА СТЕНКЕ

Мы должны взять на прицел тру-
сов, у которых в сердце изгладился об-
раз фюрера, а на стене нет его портрета.

*Из выступления германского радио-
комментатора Деккера-Шмидта*

Некий немец Деккер-Шмидт,
Говоря по радио,
Соплеменников громит
В их последней стадии.

Заявляет он: «В стране
(Мыслимо ли это?)
Нет у многих на стене
Фюрера портрета!»

Говорят ему в ответ
Немцы — Ганс и Гретта:
«В нашем доме больше нет
Стенки для портрета!»

Дом огнем обьят у нас —
На него упал фугас!»

Положение едва ль
Может быть ужасней...
Но какую же мораль
Выведем из басни?

«Если дом у вас в огне,
То в открытом месте
На столбе иль на сосне
Фюрера повесьте!»

АФРИКАНСКИЙ ВИЗИТ МИСТЕРА ТВИСТЕРА

Привиделся мистеру Твистеру сон.
Приснилось, что требует дело,
Чтоб в знойную Африку вылетел он,
На родину негра Отелло.

Готовясь, велит он слуге своему
Отправить скорей телеграмму
О том, чтобы визу прислали ему
Из Африки в штат Алабаму.

И думает Твистер, смятеньем объят:
«Как ночь провести мне в отеле,
Где рядом со мной чернокожие спят
Иль книгу читают в постели?..

Как лезть в белоснежную ванну с утра
И мыться в ней сидя и лежа,
Когда эта самая ванна вчера
Касалась спины чернокожей?

И ежели дома студент Мередит
Весь год отбивал у меня аппетит,
То здесь мне придется с визитом
К таким же ходить Мередитам!..»

Но что это?.. Твистер не верит глазам.
Какие бывают сюрпризы!
Из Африки пишут: «Простите, но вам
Отказано в выдаче визы».

И Твистер задумался... Вот тебе раз!
Как много обидной иронии
Таит этот вежливо-твердый отказ
Правительства бывшей колонии!

«С годами все туже приходится нам,
Сынам Алабамы, расистам,
Гордящимся родом, подобно коням,
Что славятся бегом рысистым!..»

1908—1923

ЖАЛОБА

О, как терплю я от жестокой моды
На переводы!..

Жена
Переводит «Нава́»,

Вера —
Бодлера,

Лена —
Верлена,

Маленькая Зинка —
Метерлинка,

А старая мамаша —
Шолома Аша.

1908

РАЗГОВОР ДВУХ ДАМ

В годы реакции

Ах, конституция, *mon ange*¹, теперь не в моде!
Зато реакция — вот пышный туалет!
А провокация!.. Представьте в этом роде:
Вот здесь азефчики, а складок больше нет.

¹ мой ангел (*франц.*).

ДАЧА

Окна дачные раскрыты,
И грохочет день-деньской
Грамофонный бас сердитый:
«На земле весь род людской!..»

Чуть испортилась машинка,
Я воскрес! (А погибал!..)
Но опять пошла пластинка:
«Сатана там правит бал!»

Поневоле затоскуешь:
Горемычная судьба!..
«Что ты, Ленский, не танцуешь?» —
Спросит подлая труба.

Тяжким полднем знойно пышет
Раскаленный небосклон..
«Ветерочек чуть-чуть дышит», —
Напевает грамофон.

У соседок — кто их знает! —
С каждым часом взгляд нежней.
Грамофон у них рыдает
И гудит: «Бог Гименей!..»

Бросишь дачу. Выйдешь в поле.
Там — семейство... Тут — пикник...
Но и здесь — на вольной воле
Грамофон у них возник.

Между волн златого хлеба,
Под покровом синевы,
Просишь дождика у неба
На почтенные главы!..

В ГОРОДСКОМ СКВЕРЕ

Из весенних мотивов

Трамваи непрерывные...
Пыль... Грохот экипажей...
А утро нынче дивное!
Уйти бы. Но куда же?

Как челн, грозой встревоженный,
Летит, завидев берег, —
Спешу я в огороженный
Знакомый детский скверик.

Здесь травка грязноватая,
А листьев нет в помине,
Тоскующая статуя
Торчит посередине.

Игрушка без хозяина!
Глупейшая из кукол!
Не раз уж мяч нечаянно
Ее в затылок стучал...

Кругом — скамейки длинные,
На них — живые мощи:
И гувернантки чинные,
И нянюшки попроще.

Сидят они, сердечные,
Глядят как бы спросонок
На волны бесконечные
Мальчишек и девчонок.

Девчонки (вот несчастные!)
Бездарный обруч катят...
Мальчишки утро ясное
На глупости не тратят!

У них — игра в разбойники:
Толпой злодея гонят.
Затем игра в покойники:
Покойника хоронят.

Есть игры непонятные:
Крик, шум: а, что такое?..
О, детство невозвратное!
О, детство золотое!..

ОДИН, РАЗРЕШИ ...

Кто знает, о чем думает знаменитый
писатель, уплывавый иногда, совершенно
один, в открытое море.

Из одной книги о Л. Андрееве

Кто знает, сколько вдохновений
Кипит в великой голове,
Когда идет купаться гений
В легчайших туфлях по траве?
Что так горит в тревожном взоре
И в лихорадочном мозгу,
Когда вдали он видит море
И будок ряд на берегу?
Какие творческие мысли
Его объяли в тишине —
В тот самый миг, когда повисли
Его одежды на стене?
Какой вопрос его волнует,
Когда он, скинув сапоги,
Морскую влагу испытует
Пытливым кончиком ноги?
В каких мечтах закрыл он уши
И собирается нырнуть?..
Иль от поклонника-кликуши,
Быть может, вздумал улизнуть?..

ОСВОБОДИТЕЛИ ИСКУССТВА

Формы, линии... освобождаются от
науки, анатомии, перспективы и при-
роды.

Новейший художественный «манифест»

Их девиз: натура — дура!
И культура — тоже дура.
Им природа не нужна.
Лишь свобода быть должна!

Анатомия — в отставку!
Перспектива — на покой.
Освещение — марш под лавку.
Формы, линии — долой!
Кисти, краски... Ну их к шуту...
Позабудем карандаш.
И в счастливую минуту
Уничтожим Эрмитаж!

Древний грек не ведал чувства
И не мыслил глубоко.
Оттого его искусство
Так прекрасно и легко!..
Как ликующее стадо,
Заживем мы без забот —
И тогда у нас Элада
В полном блеске расцветет!

ВОЙНА И ТЕАТР

Когда над водами Невы
Был город Петербург,
NN, по мнению молвы,
Был видный драматург.
Он трактовал и долг, и честь,
И ряд других проблем.
Любовь и смерть... Не перечсть
Его тогдашних тем.
Пришла война. И у Невы
Воздвигся Петроград.
И мирных пьес — увы, увы! —
Театры не хотят...
Лишь Дальский Мамонт в сей момент
Нашел себе простор
И первым взял себе патент —
На славу и «позор»!
NN был нем. Война, мечи —
Опасная стезя.
И старый Кукольник в ночи
Пугал его, грозя.
Но вот оправился NN,
Подумал — и строчит.
Он не боится первых сцен
(Знакомый мирный быт!).
Актер с одною из актрис
Завел уже роман.
И вдруг летит из-за кулис
Немецкий «чемодан».

Рычит германский офицер...
«Она» — в его плену...
Но спас, конечно, жён-премьер
Актрису — и страну!
Или погиб (другой исход!).
И счастлив драматург,
Как в дни, когда у невских вод
Был город Петербург...

АНАНАСЫ ВСМЯТКУ

Перевод из Игоря Северянина

Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском —
Удивительно вкусно, искристо, остро!

Новая книга «поэз»

Я люблю ананасы, анчоусы, антракты,
Антураж, антресоли, анонс, антрекот...
О, скажи, Геродот, собирающий факты,
Чем известен и славен пятнадцатый год?
Треско-грохотом пушек? Свисто-визгом шрапнелей?
Чемодано-паденьем? Напором штыков?
Иль постройкой траншейно-блиндажных туннелей?
Иль наступ-отступленьем германских полков?
Или тем, что с французом идет англичанин
На германо-австрийца и борется серб?
Или тем, что поэзо-поэт Северянин
Озарил и прославил отечества герб?
Громче всех барабанов в авангарде германском —
Слышен в Риме... в Стокгольме... до полярных широт.
Славит он ананасы, ананасы в шампанском,
Ананасы, бананы, бананасы поет!
Ананасы вкрутую, в мешочке и всмятку.
Ананасы в мундире, ананасы — в пюре.
Ананасы под хреном, ананасы внакладку,
Ананасы в бутылке, ананасы в ведре...
Он не ел ананасов, но видал на картинах...
Неизвестен в России этот редкостный плод.
Футурист в ананасах, как иной в апельсинах,
Разбирается туго, — уверяет народ...

ИСТОРИЯ РУССКОГО ФУТУРИЗМА

От Игоря до наших дней

Послушайте, я вам скажу про старину,
Про Игоря и про его жену.

Пушкин

Она сошла с крутого тарантаса
И, наглая, взошла на пароход.
Вас как зовут? Меня зовут Инстасса.

Игорь Северянин

Жил на свете Игорь Футуриянин...
Гимназистом был шестого класса,
Он стрелой был в сердце как-то ранен.
Кто стрелок? Нахальная Инстасса.
Очарован, просто обинстассен...
Гимназист был страстью отуманен,
Наглый лик Инстассы был прекрасен.
И женился Игорь Футуриянин!
Ну, пришлось уйти ему из класса...
(Гимназист не должен быть женатым),
Родила наследников Инстасса,
И они завыли благим матом.
Виноградов, Толмачев Андрюшка —
Первые Инстассы были дети.
Бонной к ним приставлена старушка,
Что служила встарь у Маринетти.
Их стоять на голове учила,
Подавать при встрече людям ногу,
Целоваться носом, пить чернила
И писать поэзы понемногу...

АРМИЯ СПАСЕНИЯ

Из путевой тетради «По Англии»

В субботний день среди движенья
И предвоскресной суеты
На взводы Армии спасенья
Досужий люд разинул рты.

В фуражке красной, в макинтоше,
Довольно странном — до колен,
Обходит круг и бьет в ладоши
Уже спасенный джентльмен.

А вот спасительницы-феи.
Их шляпки сплюснуты у щек
И крепко связаны на шее,
Как повелел им их пророк.

Зато их ленты цвета клюквы
Так хороши, так манят взгляд;
Зато на лентах этих буквы
Так много сердцу говорят.

Завыли трубы в отдаленье.
Ударил грозный барабан.
Запела Армия спасенья
Псалом священный... иль канкан.

Когда ж умолкли эти звуки,
Раздался зов: «Иди — спасай».
Оратор вышел, поднял руки
И начал: «Был я негодай».

Я был подлец, я был мерзавец,
Картежный шулер, донжуан...
Кутил, обманывал красавиц,
В воскресный день бывал я пьян,

Я крал платки. Тянул и ложки,
Когда случалось — кошельки,
Браслеты, дамские сережки,
Ларцы, шкатулки, сундуки...

Отца зарезал, мать повесил.
Я говорю: я был подлец,
И был беспечен, волен, весел,
Но наконец... Но наконец...

Когда, казалось, мне спасенья
Уже не будет в жизни сей, —
Я вдруг услышал звуки пенья
И порешил, что я злодей.

Да, я — подлец и грешник тяжкий...
Я наземь пал и весь дрожал,
Но некто в форменной фуражке
Меня, мерзавца, поддержал,

Сказав: «Я также был мерзавцем,
Но я покинул царство тьмы.
Восстань — и будешь ты красавцем
В такой фуражке, как и мы!»

ПЕТЛЮРА И ВЕРСАЛЬСКИЙ КОНГРЕСС

Петлюра обратился к французскому премьеру Клемансо с требованием предоставить место его делегату в конгрессе, который собрался в Версале после первой мировой войны,

Пап Петлюра сдвинул брови,
Оселедец почесал
И, подумав, Клемансови
Ультиматум написал.

Написал, чтобы в Версале,
Не решая ничего,
Делегата ожидали
От Петлюры самого.

День за днем Петлюра хмурый
Из Версаля ждет письма...
Но беда, что у Петлюры
Нынче адреса нема!

1919

ПИСАТЕЛИ-КОНКВИСТАДОРЫ

Габриэль д'Аннунцио, сообщая корреспондентам подробности взятия Фиуме, сказал, что это были наиболее величественные минуты в его жизни. Не было ни одной женщины, ни одного ребенка, которые бы не жали ему руки... Воздух был напоен ароматом лавров.

Из газет

Я не тщеславен, но тщеславна
Моя законная жена.
Я у стола сидел недавно,
А в кресле нежилась она.

Я равнодушно и устало
Писал газетную статью.
Она же в праздности читала
Газету старую мою.

Нарушив нить моих раздумий,
Жена мне вслух прочла о том,
Как взял д'Аннунцио Фиуме
И въехал в город с торжеством.

Как без труда, под гул литавров
Фиумский замок занял он,
И ароматом свежих лавров
Был воздух сладко напоен.

В Фиуме не было синьоры
Иль синьорины юных лет,
Сердечко пылкое которой
Не покорила бы наш порт...

На конференции в Версале,
Об этих подвигах узнав,
Плечами только пожимали
Послы влиятельных держав.

Распределив моря и страны,
Они почили наконец,
И вдруг рассчитанные планы
Смешал воинственный певец...

Окончив чтение телеграммы,
Жена сказала: «Брось перо!
Писать статьи, романы, драмы —
Как это скучно и старо!

Прервав бесплодные занятия,
Почти без риска и труда
Твои великие собраты
Берут отважно города.

Смотри: писатель Винниченко
Так популярен в наши дни.
Меж тем писатель Короленко
Сейчас находится в тени.

Мир удивить литературой
Пан Винниченко не сумел.
Зато теперь вдвоем с Петлюрой
На целый свет он прогремел...

Оставь чернила, брось бумагу.
О милый, с завтрашнего дня
Перемени перо на шпагу
И стул с подушкой — на коня!..»

Глаза жены огнем горели,
И грудь вздымала кружева...
И я подумал: в самом деле,
Она, мне кажется, права.

В газетах нынче платят туго,
А жизнь труднее с каждым днем...
Я в бой готов, моя подруга!
С какого города начнем?

СИМВОЛИЧЕСКОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

По распоряжению краевого правительства закрыты газеты «Кубанская земля» и «Кубанская воля».

Вновь не стало двух газет...
Это символ, что ли?
На Кубани нынче нет
Ни «Земли», ни «Воли»!

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОН-ЖУАН

Да помилует кротость господня
Академика Струве Петра.
Он обычно не помнит сегодня,
Что писал и твердил он вчера,

С каждой партией, с каждой программой
Он имел мимолетный роман...
Так любую мадридскою дамой
Увлекался на миг Дон-Жуан.

Дон-Жуан беззаветно и щедро
Расточал свои ласки, любя.
Точно так же и Струве дон Педро,
Увлекаясь, не помнил себя.

Он марксистским служил идеалам,
Но потом им служить перестал.
Он неистовым был радикалом,
Издавая подпольный журнал.

Он недавно бурлил, как Везувий.
Охладел он с течением лет.
И тогда уважаемый Струве
Стал известен, как правый кадет.

Беспокойной и вольной стихии
Кто укажет предел и закон?
Он дошел до «Великой России»
И сейчас в диктатуру влюблен.

Я уверен в одном: диктатура —
Не последний у Струве роман...
Инезиля, Инесса, Лаура,
Всех вас пылко любил Дон-Жуан.

СТРАСТЬ К ПУТЕШЕСТВИЮ

(К бегству белых с Кубани)

«Отдам дом в обмен на пароход».

Из газеты, объявлений

Дом огромный, приносящий
Соблазнительный доход,
Уступлю за отходящий
За границу пароход.

Век я прожил на Кубани,
Но с сегодняшнего дня
Жажда страстная скитаний
Появилась у меня.

Я легко расстанусь с домом,
Все имущество продам,
Чтоб умчаться к незнакомым
Чужестранным берегам.

Не хочу сидеть в конторе,
Вычисляя барыши,
«За границу, в море, в море!» —
Страстный крик моей души.

Я отдам сию минуту
Все, чем жил я столько лет,
За английскую валюту,
Паспорт, визу и билет.

Дом огромный, приносящий
Соблазнительный доход,
Отдаю за отходящий
За границу пароход!

РЕФОРМА ТЕАТРА

Диспут

«Нам не надо режиссера!» —
С жаром вымолвил актер.
«Обойдемся без актера!» —
Крикнул пылкий режиссер.

«Для меня марионетка
Интересней, чем актер!» —
Пояснил умно и едко
Гениальный режиссер.

«Лучше воля коллектива,
Чем единый режиссер!» —
Заявил красноречиво
Образованный актер.

«Нам не нужен литератор!» —
Произнес свой приговор
Режиссер-импровизатор,
Радикальный режиссер.

«Не нужны нам декоратор,
Костюмер и бутафор.
Будет голым наш театр,
Голым будет и актер!..»

Зритель молвил: «Слышу слышу
Все вы — лишний элемент!»
И отправился «на крышу»
Посмотреть дивертисмент.

СОР ИЗ ИЗБЫ

РАЗГОВОРЧИВАЯ СЕМЬЯ, или БАСНЯ ПРО ИВАНОВЫХ

Жили Ивановы на свете:
Иванов,
Иванова
И дети.

Родители ходили на службу, а дети — в школу.

Гражданин Иванов
Вставал в семь часов.
А потом до восьми
Разговаривал с женой и детьми,
А потом заходил
К соседу,
Заводил
На пороге
Беседу,
Пил чай
И бежал догонять трамвай —
И всегда опаздывал на службу.

Гражданка Иванова
Вставала в половине седьмого,
А потом до восьми
Разговаривала с мужем и детьми,
А потом забежала к соседке,
Обсуждала узор на салфетке,
Допивала остывший чай
И бегом догоняла трамвай —
И, конечно, опаздывала на работу.

Дети Ивановы
Ровно в восемь готовы,
А потом затевали спор
И спорили до тех пор,
Пока не опаздывали в школу.

Составили они расписание:
Десять минут на умывание,
Десять — на расставание,
Десять — на завтрак и чай,
Десять минут на трамвай —
Но все-таки продолжали опаздывать.

Составили другое расписание:
Девять минут на умывание,
Девять — на расставание,
Девять — на завтрак и чай,
Девять минут на трамвай —
Но все-таки опаздывали по-прежнему.

Решили они полечиться
(По соседству была больница).
Говорят они докторам:
«Опаздываем мы по утрам.
Не можете ли вы нас, товарищи, вылечить?»

Доктора надели очки:
«Покажите, — говорят, — языки!»
Высунули языки Ивановы.
Доктора говорят: «Вы здоровы,
Но у вас языки длинноваты.
Языки
Во всем виноваты.
Старайтесь поменьше разговаривать».

Помогли Ивановым доктора.
Встают они в семь часов утра,
Не спеша отправляются в ванную,
А потом едят кашу манную,
Кофе пьют или чай с молоком,

На работу ходят пешком —
и, однако, никогда не опаздывают,
потому что все это они делают
без лишних разговоров.

Вот одна из моих
Басен.
А мораль ее такова:
Бросьте попусту тратить слова.
А для тех, кто со мной не согласен,
Прилагается адрес: Москва,
Угол Сретенки и Садовой,
Иванову или Ивановой.

КОГДА ОТХОДЯТ ПОЕЗДА НА ПЕТУШКИ?

Работники вокзальных справочных бюро Курска, Тулы и других станций Московско-Курской дороги небрежно относятся к своим обязанностям, часто путают, дают неточные справки о времени прибытия и отправления поездов.

Пассажир с вещами бродит,
Изнывая от тоски...
Как узнать, когда отходят
Поезда на Петушки?

Но в угрюмом, мрачном зданье
Получить ответ хитро:
Устарело расписание,
Пусто в справочном бюро.

Не спросить ли у кассира?
Но захлопнул он давно
Перед носом пассажира
Полукруглое окно.

Безответственный дежурный
Что-то глухо проворчал,
А носильщик нецензурной
Крупной бранью отвечал.

Все орут. Орет кондуктор,
И уборщица ворчит.
Не ворчит лишь репродуктор,
Потому что он молчит...

БАСЕНКА О ВАСЕНЬКЕ

В одной из школ
Есть у меня знакомый мальчик Вася.
Два года он учился в первом классе
И во второй с натяжкой перешел.

Вот осенью явился в первый раз
К дверям второго класса наш Василий.

А двое новичков его спросили:

— Не можешь ли сказать, где первый класс?

— Не помню! — отвечал с презреньем Вася. —
Давно я не бываю в первом классе!

Читатель, если новый чип у вас,
Не надо забывать свой прежний класс!

НАЧИНАЮЩЕМУ ПОЭТУ

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал, тот не начинающий!

ПОПРАВКА

В одной из местных газет и по радио промелькнуло сообщение о выходе «Сонат Шопена» в моем переводе.

Помни, пишущий в газеты
Или вольный сын эфира:
Не сонаты, а сонеты,
Не Шопена, а Шекспира!

КУКУШКА

«В Дом ребенка № 15
от гр-ки А. И. В.

З а я в л е н и е

Разрешаю отдать моего сына Юрия на усыновление в хорошую советскую семью. Юрий — результат случайной встречи, и я не хочу из-за него портить себе жизнь. Я еще молодая женщина, я хочу жить, а, имея детей, это невозможно.

Я видел объявление на полянке:
«В хорошую, приличную семью
Стрижа, конька, крапивника, зорянки
Я своего ребенка отдаю.
Ответы адресуйте: Лес, опушка,
Пятнадцатое дерево.
Кукушка».

Пошел я в лес,
На дерево залез,
На толстый сук, на самую верхушку
И увидал нарядную кукушку.

Я ей сказал: — Вы — молодая мать.
Что заставляет вас дитя свое отдать?
Иль гусениц в лесу осталось мало?
— Я жить хочу! — кукушка отвечала. —
Я весела, смазлива, молода,
Люблю свободу и не вью гнезда,

А результат случайной встречи — дети
Нам, молодым, мешают жить на свете.
Без них живу я на любом суку!..

— Ку-ку! —

 послышался из роуи голос томный,
Кукушку звал ее дружок бездомный.

Она слегка

Кивнула мне: «Пока!»

И полетела на призыв дружка.

Кукушек слушать я люблю весной

В глуши лесной, —

Их голоса звучат так нежно, звонко...

А все-таки мне жалко кукушонка!

ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ

Давненько критика молчит
О нашей детской книжке.
— О детях, — критик говорит, —
Я знаю понаслышке.
Я, — говорит, — не педагог,
Детей я изучить не мог,
А мне нужна конкретность...
С такого критика налог
Берите за бездетность!

О ГВОЗДЯХ

Стремясь порядку научить людей,
Директор парка не щадил гвоздей,
Он прибивал к деревьям объявления:
«Оберегайте лесонасаждения!»,
«Не рвать цветов!», «Запрещено курить!»,
«Не мять газонов!», «В парке не сорить!»

На всех стволах, куда ни кинешь взгляд,
Таблички аккуратные висят.
Взгляните на каштан или на бук вы, —
С каким искусством выведены буквы:
«Налево — душ!», «Направо — тир и клуб»...
Когда бы говорить умел ветвистый дуб,
Столетний дуб с табличкой «Детский сектор»,
Он заявил бы: «Милый мой директор,
Порой друзья опасней, чем враги.
Ты от себя меня обереги!»

Мы с вами книги детские видали,
Пробитые насквозь гвоздем морали.
От этих дидактических гвоздей
Нередко сохнут книжки для детей...

Мораль нужна, но прибивать не надо
Ее гвоздем к живым деревьям сада,
К живым страницам детских повестей.
Мораль нужна. Но — никаких гвоздей!

БАНИ

Крымская областная проектная контора «Крымоблпроект» размещена в первом этаже городской бани под моечным помещением.

Во поле
Березонька стояла.
В Симферополе
Кудрявая стояла.

По спине себя березкой хлопали,
По бокам себя кудрявой шлепали
Люди в жаркой бане в Симферополе,
Ай-люли, в Симферополе!

Но была контора в том же здании,
В нижнем этаже — под самой банею.
Ежедневно сотня душ — не менее —
Приходила в это учреждение
И, усевшись за столы чертежные,
Проектировала здания всевозможные,
С окнами огромными, с балконами,
С мраморными белыми колоннами...

Во поле
Березонька стояла,
В Симферополе
Кудрявая стояла.

Любо людям летом и в морозы
По бокам хлестать себя березой.
Но работать в бане жарким летом
Нелегко обутым и одетым!

Вот пред вами комната, в которой
Парятся сотрудники конторы.
На ногах сотрудников калоши,
На плечах плащи и макинтоши.
По спине у них струятся капли.
Ходят по воде они, как цапли,
Круглый год вдыхают воздух банный,
Слышат грохот шайки деревянной.

А когда выходит архитектор
Из дверей конторы «Облпроекта»,
Все его сограждане в Крыму
«С легким паром!» говорят ему.
И, дыша, как пойманная рыба,
Архитектор говорит: «Спасибо!..»

Ой, не во поле
Березонька стояла,
В Симферополе
Кудрявая стояла!

Но оставим белую березу,
Со стихов мы перейдем на прозу
И давайте спросим: почему
Для конторы областной в Крыму
Не нашлось других достойных зданий,
Кроме бывшей прачечной под баней?

Кое-кто пытается вину
Возложить на прошлую войну:
На войпе, как объясняет некто,
Погорело здание «Облпроекта».

Хоть война
Виновна безусловно,

Не одна
Она
Во всем виновна.
И задать, конечно, баню следует
Тем, кто плохо площадью заведует!

СТОЛОЧЕЛОВЕК

Как будто слился воедино
Он со столом своим навек.
Теперь он стол наполовину,
Наполовину человек.

Сидит он, вытесанный грубо,
Как идол о шести ногах.
Две пары ног его — из дуба,
А третья пара в сапогах.

Ленивой косности образчик,
Едва глядит он из-под век.
И ваше дело в долгий ящик
Бросает столочеловек.

Устроен этот «долгий ящик»
В столе, как некий саркофаг,
Для всех входящих, исходящих
И неподписанных бумаг.

Истлеет в ящике бумага,
Покуда столочеловек,
Достав дела из саркофага,
Поставит подпись: «Имярек».

Но говорят: настанет дата,
Когда искусная пила
Отпилит стол от бюрократа
И бюрократа от стола!

КАНДИДАТЫ В КАНДИДАТЫ

Гораций с Овидием —
Двое приятелей —
Явились в президиум
Союза писателей...

Попали к швейцарше,
Потом к секретарше.
В тот день заседали
Все те, кто постарше.

И молвил в смущенье
Почтенный Гораций,
Его заявление
Приводим мы вкратце:

— Страницы латыни
Давно уж не в моде,
Но можно их ныне
Читать в переводе.

Сказали в Гослите:
— Стара наша муза.
Однако примите
Нас в члены союза.

А если нас в члены
Принять рановато,
Мы просим смиренно
Принять в кандидаты.

Хоть мы староваты,
Но думаем все же,
Что есть кандидаты
Немногом моложе!

НОВАЯ СКАЗОЧКА ПРО ДЕДКУ И РЕПКУ

Посадил дедка репку,
Стал дожидаться урожая,
Выросла репка большая-пребольшая!
Дедка — за репку,
Тянет-потянет,
Вытянуть не может.

Поклонился дед райисполкому.
Поклонился агроному
Областному.
Помощи ждет от них старей,
А они ему — циркуляры:

Вся ль у вас отчетность в порядке?
Учтены ли за последний год осадки?
Из какого расчета с гектара
Есть на месте у вас «репкотара»?..

Начинает дед писать ответы
На запросы, циркуляры и анкеты.
Пишет-пишет, дописать не может,
Вычитает, складывает, множит.

Помогают дедке бабка, внучка,
Помогают кошка, мышка, Жучка:
Бабка с дедкой роются в отчетах,
Жучка с внучкой щелкают на счетах,

Кошка с мышкой извлекают корни,
Ну а репка с каждым днем упорней,
Не сдается, держится крепко...
Уж такая уродилась репка!

Цифры-то у деда в порядке,
Только репка до сих пор на грядке!

БЫВАЕТ И ТАК

Недавно мне один журнал
Сатиру злую заказал:
В стихах рифмованных иль белых —
О сочиненьях скороспелых.
Но так как скоро будет съезд,
То «в виде исключения»
Журнал просил в один присест
Испечь стихотворенье.

Л И Р И К

Стихи он пишет во хмелю,
Но, обуздав страстей стихию,
Он начинает: «Я люблю...»
И добавляет: «Индустрию».

СТРАШНЫЙ СОН

Сочинил писатель детскую книжку.
Учинил ей редактор стрижку.
Засучив рукава,
Вычеркнув грубые слова:
Заменил Федьку Феденькой,
Дедку — деденькой,
Бабку — бабенькой.
Стала книжка сладенькой и слабенькой.
Нарисовал в ней художник картинки и виньетки:
Бабку вместо дедки,
Жучку вместо внучки,
Тучку вместо Жучки.

Взяли в печать эту сказку.
Наложили краску на краску,
Получились на обложке
Четыре глаза у кошки,
У старика три уха,
Без головы старуха.

Пришел черед,
Взяли книжку в переплет.
Переплели сказку со стихами Есенина,
С главой из романа «Анна Каренина»,
С листами из алгебры Киселева.
Вот книжка и готова!

Остается списать ее в брак.

С. Маршак

ЗУБНАЯ БЫЛЬ

В дверь поликлиники зубной
Вбежал взъерошенный больной,
Большим обвязанный платком
С торчащим кверху узелком.

Был у него жестокий флюс,
Перекосивший правый ус.

А слева был такой же флюс,
Перекосивший левый ус.

Больной был сумрачен и зол:
Два зуба вырвать он пришел,
Два крайних зуба с двух сторон, —
Как говорится, — с корнем вон!

— В какой пройти мне кабинет? —
Спросил он даму средних лет.
Но услышал в ответ слова:
— Зарегистрируйтесь сперва.

— Вы что, смеетесь надо мной? —
Взревел в отчаянье больной. —
Простите, я, быть может, груб,
Но сто чертей сверлят мой зуб!

В ответ — бесстрастные слова:
— Зарегистрируйтесь сперва.

Идет он, проклиная свет,
К другой особе средних лет
И ждет, пока, припудрив нос,
Она начнет чинить допрос.

— Где родился? Вам сколько лет?
Лечились раньше или нет?
Национальность. Должность. Стаж.
Образование. Адрес ваш...

Вопросов двадцать задала
Особа, сидя у стола.
Когда ж спросила наконец:
— Болел ли корью ваш отец? —

Больной сорвал с распухших щек
Узлом завязанный платок
И, привязав шпагат к зубам,
Себе два зуба вырвал сам...

Два крайних зуба с двух сторон, —
Как говорится, — с корнем вон!

ЧЕМОДАН

Прекрасный новый чемодан
С двумя блестящими замками
Перевидал немало стран
И весь обклеен ярлыками.

А надписи на ярлыках —
На всевозможных языках.

Ну что ж, поверим чемодану,
Что он объехал целый мир,
Видал Бомбей, Багдад, Лозанну,
Париж, Венецию, Каир,
Видал Помпею, Геркуланум...

И все ж остался чемоданом!

КАК МАЛЕНЬКАЯ СВИНКА СТАЛА БОЛЬШОЙ СВИНЬЕЙ

Обыкновенная история

Была она пегой,
Была она пестрой,
Была она толстой,
Как все ее сестры.

Была она
Низкого роста.
Была совершенно
Бесхвоста.

Росла эта свинка
В семье городской,
Но звали ее
Почему-то морской.

Она соглашалась,
Не споря,
Хоть в жизни не видела
Моря.

Хозяева знали:
От такой свинки
Не будет щетинки,
Не будет ветчинки.

И вот ее отдали
В руки
Служителя
Строгой науки.

В научный
Попала она институт,
Который
Немыслимым словом зовут.

Капусту и кашу
Давал ей ученый,
Давал простоквашу
И сахар толченый.

Она измеряла
Температуру
И даже попала
В литературу.

Писали о роли
Ее в медицине,
Причем называли
Ее по-латыни!

Найдя ее снимок
В научном журнале,
Ее среди свинок
Мы сразу узнали.

Узнали морскую
Бесхвостую свинку,
Крутой ее профиль
И жирную спинку.

Но после статьи
И портрета в журнале
Мы свинки знакомой
Уже не узнали.

Такой она стала
Надменной и гордой.
Не свинка, а дочка
Английского лорда!

Она пожелала,
Чтоб все секретарши
Ее называли
Сотрудницей старшей,

Чтоб дали ей флотскую
Форму
И корму
Недельную норму,

Чтоб ей присудили
Научную премию
И даже избрали
Ее в академию.

Неспособную свинку
Полгода назад
Директор отправить
Решил в зоосад.

И там затерялась,
Как в море песчинка,
Морская,
Но моря не знавшая
Свинка.

СКАЗОЧКА ПРО МАМУ, ДОЧКУ И ПРОХОЖИХ

Свою девчонку за ручонку
Из парка женщина вела,
А все твердили им вдогонку:
— Как эта девочка мила!

Тряхнула девочка кудрями,
Хоть и была еще мала,
И нараспев сказала маме:
— Ты слышишь, мама? Я мила.

— Ну что ты! — мать сказала крошке,
На взрослых бросив гневный взгляд. —
Не про тебя, а про сапожки
Твои, должно быть, говорят.

Идут вперед. А слева, справа
Толкуют люди меж собой:
— Как эта девочка кудрява!
Как цвет идет ей голубой!

Смущенно мама шепчет дочке,
Пройти стараясь поскорей:
— Им очень нравятся цветочки
На новой кофточке твоей.

А на автобусной стоянке,
Куда спешили дочь и мать,
Две толстошекие гражданки
К ребенку стали приставать.

— Ах, что за пупс! — пропела дама. —
Ну прямо куколка — точь-в-точь!

— Довольно! — вымолвила мама. —
Калечьте собственную дочь!

ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ

Жили-были на свете
Папа, мама и дети.

Детей звали:
Галя и Валя,
Гришка и Степка,
И был у них попугай Попка.

Про семью говорили друзья:
— Ну и дружная это семья!
Родители добродушные,
Дети послушные.
Папа непьющий и некурящий,
А попугай говорящий.

Вот пришел к ним однажды знакомый
И не застал никого дома:
Папа на работе.
Мама у тети.
Дети в десятилетке.
Один только попугай в клетке.

Сидит он на жердочке часами,
Разговаривает всеми голосами.

Говорит он басом, как папа:
— Кто сгасил мои книжки из шкапа?
Запрещаю я трогать тома
Сочинений Гюго и Дюма!

Просит Попочка голосом мамы:
— Валерьян, не устраивай драмы!
Каждый раз, чуть откроешь ты дверь,
На детей ты рычишь, точно зверь!

**Вдруг доносится голос Гришки:
— Валька с Галькой таскают книжки!**

Отзываются Галя и Валя:
— Степка с Гришкой ружье твое брали
И убили вчера из ружья
На соседнем дворе воробья!

— Мы не брали, а Валя и Галя
Из буфета пирожные крали!..

Тут поднялся в квартире галдеж —
Ни словечка не разберешь.
Голосят все квартирные жители:
Домработница, дети, родители.

Так шумят, что хоть прочь убегай!
А в квартире — один попугай...

И не думали папа и мама,
Галя, Валя, и Гришка, и Степка,
Что ведется у них стенограмма,
А ведет ее маленький Попка...

**Если вам репутации жаль,
На носу зарубите мораль:**

На все корки друг друга ругая,
Не держите в семье попугая!

**А чтоб вам
 стенограмм
 не пугаться,
Лучше, братцы,
 совсем не ругаться!**

ПЕРЕВОДЧИКУ

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

ДАЧНИК-ОБЛИЧИТЕЛЬ

Он жил на даче,
Но, иначе,
Разил он дачников стихом.

Он дулся в карты вечерами,
Хотя в сатире или в драме
Такую страсть считал грехом!

Жестокий враг низкопоклонства,
Кадил он власть имущим всем.
И, обличая многоженство,
Завел свой маленький гарем.

Ну что ж, вести таким манером
Борьбу с пороками легко:
По крайней мере, за примером
Ему ходить недалеко!

О КОСТРАХ, РЕБЯТАХ И КОЗЛАХ РОГАТЫХ

Мы оберегаем
Лесонасажденья,
А в кострах сжигаем
Лес без сожаленья.

Брошенное в пламя
Дерево живое
Шевелит ветвями,
Шелестит листвою.

Летом мы из кадки
Поливаем грядки,
А кусты в аллее
Топчем, не жалея.

Нет, друзья-ребята,
Не бывало сроду,
Чтоб козел рогатый
Охранял природу!

Любит он рассаду,
Козлик бородатый,
Но его не надо
Принимать в юннаты!

В ЗАЩИТУ ДЕТЕЙ

Если только ты умен,
Ты не дашь ребятам
Столь затейливых имен,
Как Протон и Атом.

Удружить хотела мать
Дочке белокурой,
Вот и вздумала назвать
Дочку Диктатурой.

Хоть семья ее звала
Сокращенно Дита,
На родителей была
Девушка сердита.

Для другой искал отец
Имя похитрее,
И назвал он наконец
Дочь свою Идею.

Звали мама и сестра
Девочку Идею,
А ребята со двора
Стали звать Ипдейкой.

А один оригинал,
Начинен газетой,
Сына Спутником назвал,
Дочь назвал Ракетой.

Пусть поймут отец и мать,
Что с прозванием этим
Век придется вековать
Злополучным детям...

О ПОДХАЛИМАХ-ХАМЕЛЕОНАХ

I

Хамелеон неуловим:
Порхая по верхам,
Перед одним
Он — подхалим,
Перед другими —
Хам.

II

В подхалимаже подхалим
Себе не признается,
И если крикнешь: «Подхалим!» —
Никто не отзовется.

III

У любого подхалима
Ты найдешь под-подхалима,

У того под-подхалима
Встретишь под-под-подхалима,

Так они неисчислимы —
Разных рангов подхалимы!

IV

Если слышишь славословье,
Наперед уверен будь,
Что оно лишь предисловье,
Предваряющее суть.

Бойся лести, словно яда,
И льстецу задай вопрос:
Вам чего, мерзавец, надо:
Денег? Водки?
Папирос?..

О ЛИТПАРАДАХ

К чему парады пышные?
В них нет у нас нужды.
Нужнее нам неслышные,
Но громкие труды.

НЕУТОЛИМАЯ ЖАЖДА

Сказать по совести, на свете
Ему не нужно ничего,
А только нужно, чтоб в газете
Упоминали и его.

КАК ЖИВУТ НЕОКЛАССИКИ

Порядок у «классиков» чинный.
Примерно живут они так:
Супруги их водят машины,
А классики водят собак.

О ЮБИЛЕЕ

Достоин чести юбиляр,
Но, к сожалению, слишком стар.
Едва сидит он в кресле жестком.

Он мог гораздо веселей
Авансом справить юбилей,
Покуда был еще подростком.

ЧЕГО БЫ ВАМ ХОТЕЛОСЬ ЕЩЕ?

В одном из детских лагерей ребят
спросили «Чего бы вам хотелось еще?»
Одна из девочек ответила «Поскучать».

Есть волшебный край на свете,
Где бывают только дети.

Там по десять дней подряд
День рожденья у ребят.
И едят они в столовой
В эти дни не суп перловый,
Не лапшу, не вермишель,
Не овсянку, не кисель,
А клубничное
Мороженое,
По тарелочкам
Разложенное.

Спят ребята не в постели,
А в колясках карусели
Под раскинутым шатром,
Сплошь расшитым серебром.

Входят в дом они не в двери,
А в открытое окно,
И семь раз, по крайней мере,
Смотрят вечером кино.

Так живут они на воле,
Бросив книжку и тетрадь.
А учительница в школе
Учит по полу скакать.

Для чего над скучной книгой
Проводить за часом час?
Выходи на двор и прыгай
По земле из класса в класс!

Там не ставятся отметки.
Вместо них ученику
Выдается по конфетке,
А подчас по пирожку.

Не житье, а просто чудо!
Одного я не пойму:
Кое-кто бежит оттуда —
Неизвестно почему.

— Объясните, в чем тут дело? —
Я спросил у двух ребят.
— Веселиться надоело! —
Мне ребята говорят. —

Надоело нам варенье,
Надоели дни рожденья.
То и дело распевай:
«Испекли мы каравай!...»

Надоели
Нам качели,
Надоели
Карусели.

Хорошо бы поскучать,
Поскучать
И помолчать!

Говорила мышка мышке:
— До чего люблю я книжки!
Не могу я их прочесть,
Но зато могу их съесть.

ДЕДУ-МОРОЗУ

Ответ на традиционную новогоднюю
анкету «Над чем вы работаете?».

Вчера звонил мне Дед-Мороз:
— Что пишешь, дед Маршак? —
Я, Дед-Мороз, на твой вопрос
Могу ответить так:
Хоть бороною ты оброс
Почти до самых пят,
А любопытен ты, Мороз,
Не менее ребят.
Ты и писать умеешь сам,
И рисовать цветы,
Но не рассказываешь нам,
Что нарисуешь ты.
И мне позволь не отвечать
Пока на твой вопрос.
Вот я отдам стихи в печать —
Прочтешь их, Дед-Мороз!

* * *

На свете жил вагон моторный,
Могучий, подвижной, проворный,
Но был тянуть он принужден
Вслед за собою непокорный
И грузный прицепной вагон.

Легко вагону прицепному.
Катился он, не тратя сил,
В горах противился подъему,
На спусках тяжестью давил.

А так как был вагон моторный
Вынослив, прочен и силен,
Решили люди, что, бесспорно,
Три прицепных потянет он.

Три прицепных бежали слепо
Вперед по ровному пути,
Но неуклюжие прицепы
Боялись под гору идти.

И вот, съезжая с кручи горной,
Вагоны в озеро — бултых...
Так и погиб вагон моторный
Из-за вагонов прицепных.

Подчас подобное явление
Мы наблюдаем в учрежденье:
Моторный гибнет оттого,
Что семь прицепов у него.

* * *

Он говорит красно, как пишет,
Про жизнь, искусство, мастерство.
Но что он видит? Что он слышит?
И что он любит? Ни-че-го.

За книгой он не видит жизни,
За словом — настоящих дел.
И ничего в своей отчизне
Благословить он не хотел.

Любя возвышенные бредни,
Он не своим живет умом,
И комфортабельной передней
Он предпочесть готов свой дом.

Б А С Н Я

Случается нередко, что слепой
Заметит больше, чем увидит зрячий.

Слепой и зрячий горною тропой
Спускались вниз и спор вели горячий.

Нашупав палкой камень на пути,
Слепой успел преграду обойти.
А зрячий не заметил дынной корки
И покатился кубарем с горы...

У горцев на Кавказе с той поры
Есть поговорка: «Зрячий, но не зоркий!»

СКАЗОЧКА НАШИХ ДНЕЙ

Всех отвергла девушка: этого за рост,
А другой — не маленький, но рассудком прост.
Третий и не маленький, и умом не прост,
Да беда, что с неба он не хватает звезд.

Ни одпой он звездочки с неба не хватил,
Но свою он звездочку в небо запустил.
Сделал он с компанией новую луну
И отправил странствовать к звездам в вышину.

Не могла же девушка видеть наперед,
Как у парня каждого дальше путь пойдет.
В наши дни заранее знать не так легко,
Низко метит кто-нибудь или высоко.

Куда девать нам переводчиков?
Пермяк и Лаптев норовят
Включить их в кадры переплетчиков
Иль в брошюровщиков разряд.

Михайлов, Курочкин, Жуковский,
Толстой (конечно, Алексей),
Мы вас включим по-пермяковски
В число присяжных толмачей.

Долой Бузони, Франца Листа!
А всех Лозинских, Маршаков
Пошлем к швейцарам «Интуриста»,
Что знают много языков!

СТАРУХА И ВНУК

Старуха ворчала на внука:

— Уймись, иль возьмет тебя бука! —

А чуть он попрос,

Он задал вопрос:

— А что эта бука за штука?

* * *

— Зачем не на страницах «Крокодила»
Ты норовишь печатать юмор свой?

— Мой друг, на кладбище не так видна могила,
Как где-нибудь на людной мостовой.

**ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЙ,
ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ,
ЭПИГРАММ И ЭКСПРОМТОВ**

КАЧАЛОВУ

Ты был счастливецом из народной сказки —
Красив, умен, любим и знаменит.
Прищурившись, влюбленный Станиславский
Из кресел МХАТа за тобой следит.

Отмечены не раз великой датой
Страницы твоего календаря:
Ты молодым вступил в девятьсот пятый
И встретил зрелость в годы Октября.

Мы помним шум весенний наступленье,
Предвестье бури в горьковском «На дне».
И сколько раз сменились поколения
Пред этой сценой с чайкой на сукне.

Ты много жизней прожил в этом мире
И отдал их счастливому труду.
Вершининым шагал ты по Сибири,
Был Цезарем и Гамлетом в Шекспире,
Студентом русским — в чеховском саду.

Светловолосый, как поля родные,
Большой и статный, точно русский бор,
Ты был хорош, как хороша Россия.
В твоих глазах синел ее простор.

Пройдут года, мелькая в быстрой смене,
Но тем же молодым богатырем
Ты будешь жить на этой строгой сцене,
Возникшей в годы бурного движенья,
Взлеянной Великим Октябрем!

**ТЕАТРУ КУКОЛ
С. В. ОБРАЗЦОВА**

Театров много есть в Москве
Для взрослых и юнцов,
Но лучший — тот, где во главе
Товарищ Образцов.

Неприхотлив актерский штат.
Сундук — его приют.
Актеры эти не едят,
А главное — не пьют!

К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Я не молод, — по портрету ж
Я сошел бы за юнца.
Вот пример, как может ретушь
Изменять черты лица.

«ДОРОГОМУ» ПОРТНОМУ

Ах вы, разбойник, ах злодей,
Ну как вы поживаете?
Вы раздеваете людей,
Когда их одеваете.

РИНЕ ЗЕЛЕНОЙ

По случаю юбилея

Пожелаем ей и впредь
Так же пышно зеленеть!

**АЛЕКСАНДРЕ ЯКОВЛЕВНЕ
БРУШТЕЙН**

Пусть юбилярша
А. Я. Бруштейн
Намного старше,
Чем Шток и Штейн.

Пускай Погодин
В сынки ей годен,
А Корнейчук —
Почти ей внук.

Однако все же
Как у Жорж Занд,
Что год — моложе
Ее талант.

Ее искусства
Не вянет цвет,
А свежесть чувства
Не знает лет.

**ПОСЛАНИЕ
СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТНЕМУ
К. И. ЧУКОВСКОМУ
ОТ СЕМИДЕСЯТИЛЕТНЕГО С. МАРШАКА**

Чуковскому Корнею —
Послание к юбилею.
Я очень сожалею,
Что все еще болею
И пынче не сумею
Прибыть на ассамблею,
На улицу Воровского,
Где чествуют Чуковского.

Корней Иванович Чуковский,
Прими привет мой Маршаковский.

Пять лет, шесть месяцев, три дня
Ты прожил в мире без меня,
А целых семь десятилетий
Мы вместе прожили на свете.

Я в первый раз тебя узнал,
Какой-то прочитав журнал,
На берегу столицы невской
Писал в то время Скабичевский,
Почтенный, скучный, с бородой.
И вдруг явился молодой,
Веселый, буйный, дерзкий критик,
Не прогрессивный паралитик,

Что душит грудю цитат,
Загромождающих трактат,
Не плоских истин проповедник,
А умный, острый собеседник,
Который, книгу разобрав,
Подчас бывает и неправ,
Зато высказывает мысли,
Что не засохли, не прокисли.

Лукавый, ласковый и злой,
Одних колот ты похвалой,
Другим готовил хлесткой бранью
Дорогу к новому изданию.

Ты строго Чарскую судил.
Но вот родился «Крокодил»,
Задорный, шумный, энергичный, —
Не фрукт изнеженный, тепличный.
И этот лютый крокодил
Всех ангелочков проглотил
В библиотеке детской нашей,
Где часто пахло манной кашей.

Привет мой дружеский прими!
Со всеми нашими детьми
Я кланяюсь тому, чья лира
Воспела звучно Мойдодыра.
С тобой справляют юбилей
И Айболит, и Бармалей,
И очень бойкая старуха
Под кличкой «Муха-Цокотуха».

Пусть пригласительный билет
Тебе начислил много лет.
Но, поздравляя с годовщиной,
Не семь десятков с половиной
Тебе я дал бы, друг старинный,
Могу я дать тебе — прости! —
От двух, примерно, до пяти...

Итак, будь счастлив и расти!

**ХУДОЖНИКУ
ЮРИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ
ВАСНЕЦОВУ**

К 60-летию

От всех юнцов со всех концов
Родной земли Советской
Тебе привет наш, Васнецов,
Художник сказки детской.

Ты отыскал заветный путь
К волшебной русской сказке,
Чтоб снова душу ей вернуть,
Ее живые краски.

Ты побывал, оставшись цел,
На всех лесных дорожках
И повернуть к себе сумел
Избу на курьих ножках.

РАСУЛУ ГАМЗАТОВУ

**В краю войны священной — газавата,
Где сталь о сталь звенела в старину,
Чеканною строкой Расул Гамзатов
Ведет с войной священную войну.**

**СЕРГЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ
МИХАЛКОВУ**

⟨К пятидесятилетию⟩

Сам не знаю я, чего же
Пожелать тебе, Сережа?

Пожелать тебе расти?
Ты ответишь: не шути!

Пожелать успехов, славы?
Говорят, что слава — дым.

Нет, Сережа, лучше, право, —
Оставайся молодым!

СЕРГЕЮ ГОРОДЕЦКОМУ

Высоки крутые склоны,
Крутосклоны зеленъ.

С. Городецкйй

В этот праздник юбилея
Городецкого Сергея
Я хочу ему сказать,
Что до нынешнего часа
Не могли его Пегаса
Крутосклоны укатать.

Хоть немного я моложе,
Мы — ровесники, Сережа.
Поседали я и ты.
Вверх взбираться нам труднее,
Но зато весь мир виднее
С нашей снежной высоты.

**РЕЦЕНЗЕНТУ,
ПИСАВШЕМУ ПОД ПСЕВДОНИМОМ
«КТО-ТО БЛИЗКИЙ»**

Вы не заметили опiski,
Читая приторные строки?
Их написал не «Кто-то близкий»,
А кто-то очень недалекий...

〈МАКСУ ПОЛЯНОВСКОМУ〉

Я и не думал, что заранее
В своих стихах предугадал
Вот эту сцену, что в Иране
Макс Поляновский наблюдал.

Одно я думаю в тревоге:
Иранский всадник так тяжел,
Что навсегда протянет ноги
К земле придавленный осел.

Внучок скорей с ослом поладит, —
Пускай он будет седоком...
Но лучше, если ослик сядет
На шею дедушке верхом!

〈Э К С П Р О М Т〉

Проезжая
На трамвае,
Прочитал я как-то:
«Бытовая
Часовая
Мастерская
Жакта».

ПИСАТЕЛЮ БЫВАЛОВУ

Надпись на книге

От великого до малого
Только шаг.
Я приветствую Бывалова.
С. Маршак.

**НИКОЛАЮ МАКАРОВИЧУ
ОЛЕЙНИКОВУ**

Берегись
Николая
Олейникова,
Чей девиз
Никогда
Не жале́й никого.

**ТЕАТРУ
ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА**

Так молода страна была,
Грозой война по ней прошла,
Дымились на фронтах орудия,
В те дни Вахтанговская студия
Весенним садом расцвела.

(Отцом и другом молодежи
Был старый и могучий МХАТ,
А двадцать лет тому назад
На двадцать лет он был моложе.)

Как на заре клубится рой
Над старым ульем в день роения,
Народ собрался молодой
Вокруг Вахтангова Евгения.

И новый улей зашумел
В Москве весеннею порою.
И вылет молодого роя
Так неожидан был и смел.

Мы помним молодость театра,
Когда он изумлял народ
«Антонием» (без Клеопатры)
И чудесами «Турандот».

Потом, как человек с ружьем,
Он на посту стоял своим.

Он и тогда остался новым,
Когда на свет из-за кулис
Купцом Егором Булычовым
К нам Щукин выходил Борис.

Он знал и радости и беды,
И вот в пороховом дыму
Идет дорогою победы
К двадцатилетию своему.

Причуды буйные весны
Давно сменились зрелым летом,
Но в молодом театре этом
Мы любим молодость страны!

**НАРОДНОМУ ПЕВЦУ
НУРПЕИСУ БАЙГАНИНУ
В ОТВЕТ НА ЕГО ПЕСНЮ**

Спасибо седому певцу-соловью,
За слово привета — спасибо,
Догнать говорливую песню твою
Не могут колеса Турксиба.

Белее снегов — голова старика,
А голос — веселый и юный,
И весело бьет молодая рука
Давно побежденные струны.

Певцов Казахстана достойный отец
И старший наследник Джамбула,
Скитался ты смолоду, пеший певец,
Любимец любого аула.

Ты в степь выходил, приминая ковыль,
Едва только солнце вставало,
И за день сухая дорожная пыль
Тебя сединой покрывала.

Ты жадному баю бросал в огород
Свой камешек правды суровой,
И верил правдивый казахский народ
В твое неподкупное слово.

Когда же свободы настала пора
В степях и горах Казахстана,
Звала твоя песня, а с пею домбра
На подвиг труда неустанно.

И нынче, когда с беспощадным врагом
Мы встретились в схватке кровавой,
Скликает твой голос, всегда молодой,
Поборников чести и славы.

**〈СОФНИ МИХАЙЛОВНЕ
МАРШАК**

*Надпись на книге переводов
из Роберта Бернса
в шелковом переплете*

Был Роберт очень небогат,
И часто жил он в долг.
Зато теперь Гослитиздат
Одел поэта в шелк!

2.1.1948

**〈АЛЕКСЕЮ ДМИТРИЕВИЧУ
СПЕРАНСКОМУ**

Надпись на книге «Избранное»

Мы связаны любовью и судьбою,
И празднуем мы дважды юбилей.
Сто двадцать лет мы прожили с тобою,
Мой старый друг, Сперанский Алексей.

Сто двадцать лет. Но если годы взвесить, —
Таких годов еще не видел свет.
Сто двадцать лет помножим мы на десять
И выйдет нам двенадцать сотен лет.

Сроднили нас и дружеские чувства,
И маленький Алеша, общий внук.
И знаем мы, что истина искусства
Недалека от истины наук.

**12.1.1948 г.
Москва**

АЛЕШЕ СПЕРАНСКОМУ

Мой милый внук Алеша,
Твой старый дед-поэт
Полезный и хороший
Дает тебе совет.

Проснувшись утром рано,
В постели не лежи.
Водою из-под крана
Лицо ты освежи.

Чтоб заниматься делом,
Даны нам две руки:
Почистим зубы мелом,
А ваксой башмаки.

Страшись ошибки грубой.
Бывают чудачки,
Что чистят ваксой зубы,
А мелом — башмаки.

Дай корму попугаям,
Потом садись за чай.
Но за едой и чаем
Ты книжек не читай.

Мой друг, от сралаша
Себя обереги:
Пусть попадает каша
В живот, а не в мозги!

Потом гулять, мой милый,
Отправься на часок,
Чтобы, набравшись силы,
Припяться за урок.

Не думай у порога:
Пойти иль не пойти?
Хорошего ты много
Увидишь по пути!

Румяный, краснощекий,
С прогулки возвратись
И сразу за уроки,
Не мешкая, садись.

Задачи по порядку
Обдумай и реши
И в чистую тетрадку
Потом перепиши.

Довольный и веселый,
Закрыв свою тетрадь,
Отправишься ты в школу
Пятерки получать!

А в школе в час урока
За партой не болтай,
Как праздная сорока
Иль друг твой — попугай!

Сиди и жадно слушай
Учителей своих,
На то даны нам уши,
Чтоб жадно слушать их!

Пусть твой учитель школьный
Запишет в твой дневник:
«Алешей мы довольны.
Примерный ученик!»

АКАДЕМИКУ Е. В. ТАРЛЕ

К 75-летию

В один присест историк Тарле
Мог написать (как я в альбом)
Огромный том о каждом Карле
И о Людовике любом.

**⟨ТАМАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ
ГАББЕ**

Надпись на книге «Кошкин дом»

Пишу не в альбоме —
На «Кошкином доме», —
И этим я очень стеснен.
Попробуй-ка, лирик,
Писать панегирик
Под гулкий пожарный трезвон!

Трудней нет задачи
(Экспромтом тем паче!)
В стихах написать комплимент
Под этот кошачий,
Козлиный, свинячий,
Куриный аккомпанемент.

Не мог бы ни Шелли,
Ни Китс, ни Шенгели,
Ни Гете, ни Гейне, ни Фет,
Ни даже Фирдуси
Придумать для Туси
На «Кошкином доме» сонет.

16.X.1954 г.

С. Н. СЕРГЕЕВУ - ЦЕНСКОМУ

Е юбилею

* * *

Сергей Николаевич Ценский,
Живешь ты в глуши деревенской,
Но сделал столицей глушь ты.
Ты видишь весь мир из Алушты.

Теперь ты уж больше не Ценский,
А просто — Сергеев-Вселенский.

* * *

Спешу я в праздник юбилея
От всех читателей страны
Поздравить Ценского Сергея —
Или Бесценского, вернее,
Поскольку нет ему цены!

1955 г. Крым

ТОВАРИЩАМ ПО ОРУЖИЮ

Когда тревожный, уши режущий
Москву пронизывал сигнал,
Который всех в бомбоубежище
Протяжным воем загонял,
И где-то выстрелы раскатами
Гремели в час ночных атак, —
Трудились дружно над плакатами
Три Кукрыникса и Маршак.

«Бьемся мы здорово,
Рубим отчаянно,
Внуки Суворова,
Дети Чапаева».

Так мы писали ночью темною
При свете тающей свечи,
Когда в убежища укромные
С детьми спускались москвичи,

И освещался, как зарницами,
Прожекторами горизонт,
А по Садовой вереницами
Бронемашины шли на фронт.

Мы подружились с зимней стужей,
С невзгодами военных лет.
И нынче братьям по оружию —
Я Кукрыниксам шлю привет!

**〈К СПЕКТАКЛЮ
«ВИНДЗОРСКИЕ НАСМЕШНИЦЫ»
В ТЕАТРЕ МОССОВЕТА〉**

Четвертый век идет на сценах мира
Веселая комедия Шекспира.
Четвертый век живет старик Фальстаф,
Сластолюбив, прожорлив и лукав.

Не книгой он лежит на полке шкафа.
Нет, вы живого знаете Фальстафа.
И множество фальстафов с ним в родстве.
Сейчас его увидите в Москве.

Не в Англии, где встарь Елизавета
С надменной улыбкой на лице
Комедию смотрела во дворце,
А в наши дни — в театре Моссовета.

**КОРНЕЮ ИВАНОВИЧУ
ЧУКОВСКОМУ**

Мой старый, добрый друг, Корней
Иванович Чуковский!
Хоть стал ты чуточку белей,
Тебя не старит юбилей:
Я ни одной черты твоей
Не знаю стариковской...

Тебя терзали много лет
Сухой педолог-буквоед
И буквоед-некрасовед,
Считавший, что науки
Не может быть без скуки.

Кошечки эти и меня
Терзали и тревожили,
И все ж до нынешнего дня
С тобой мы оба дожили.

Могли погибнуть ты и я,
Но, к счастью, есть на свете
У нас могучие друзья,
Которым имя — дети!

Улица Грановского

**ГЕОРГИЮ НЕСТЕРОВИЧУ
СПЕРАНСКОМУ**

Желаю счастья и здоровья
Тому, кто столько лет подряд
Лечил с заботой и любовью
Три поколения ребят.

Когда-то молод, полон сил,
Еще он дедушек лечил,
Лечил в младенчестве отцов
И лечит нынешних юнцов.

Перестают при нем ребята
Бояться белого халата.
И сотни выросших ребят
Со мною вместе говорят:

Бокал вина шампанского
Подыдем за Сперанского,
Ученого советского,
Большого друга детского,
Героя мысли и труда,
На чьей груди горит звезда!

**< БОРИСУ ЕФИМОВИЧУ
ГАЛАНОВУ >**

*** * ***

*<Надпись на книге «Сказки, песни, загадки»
в «Золотой библиотеке»>*

Милый критик, дружбы ради,
Вы примите новый том
В пышном, праздничном наряде,
В переплете золотом.

Этим прочным, толстым томом
Вы могли бы в поздний час
Размозжить башку знакомым,
Засидевшимся у Вас.

Верьте, том тяжеловесный
Их убьет наверняка,
Но убитым будет лестно
Пасть от лиры Маршака!

*** * ***

*<Надпись на книге «Веселое путешествие
от А до Я»>*

Вы мой Плутарх, Борис Галанов,
Но не пишите обо мне,
Что я блистал среди уланов
И пал от пули на войне.

**ЕЛИЗАВЕТЕ ЯКОВЛЕВНЕ
ТАРАХОВСКОЙ**

К юбилею всем на свете
В пригласительном билете
Открываем мы секрет,
Сколько прожили мы лет.

Но не верю я билету —
Сам я счет веду годам.
Вам, веселому порту,
Лет четырнадцать я дам.

Тем, кого читают деги,
Видно, с ними заодно
Пережить на этом свете
Снова юность суждено.

К. И. ЧУКОВСКОМУ

(Подпись на книге «Сатирические стихи»)

Мой друг, Корней Иванович,
Примите том сатир,
Но не читайте на ночь:
Сатира не кефир.

Вы эту книгу с полки
Верите по утрам,
Когда видней иголки
Сатир и эпиграмм.

Вы здесь на переплете
(С обратной стороны)
Стихи мои прочтете,
Что в том не включены.

Решил издатель тома,
Что в книге места нет
Посланиям из альбома
И строчкам из газет.

Но, может быть, в Музее
Чуковского Корнея, —
В «Чукоккале» найдут
Изгнанники приют.

28.III 60

* * *

Приморское краевое издательство
выпустило книгу И. Т. Спивака «Ана-
лиз художественного произведения в
школе».

Порой врага опасней скучный друг.
Спивак на части делит «Бежин Луг»
И по частям, как опытный анатом,
Тургенева преподает ребятам.
Он вопрошает грозно: «Почему,
Зачем Тургенев сочинил Муму?!»

Но одного Спивак добьется этим:
Тургенев ненавистен будет детям.

СЕРГЕЮ ОБРАЗЦОВУ

(К 60-летию)

Мне жаль, что не был я в Москве
И не сказал ни слова
На юбилейном торжестве
Сергея Образцова.

Я обниму его, как друг,
В том театральном зальце,
Где он обводит нас вокруг
Искуснейшего пальца,

Где этот маг и чародей,
Еще не седовласый,
Нам создает живых людей
Из глины и пластмассы.

Мы верим, Образцов Сергей
(И думаю, мы правы),
Что этот славный юбилей —
Для Вас еще не апогей
И мастерства и славы.

И потому даю обет
Поздравить Вас в театре, —
Когда Вам станет больше лет
Еще десятка на три, —
На юбилейном торжестве
В Коммунистической Москве!

К. И. ЧУКОВСКОМУ

Вижу: Чуковского мне не догнать.
Пусть небеса нас рассудят!
Было Чуковскому семьдесят пять,
Скоро мне столько же будет.
Глядь, от меня ускакал он опять,
Снова готов к юбилею...
Ежели стукнет мне тысяча пять,
Тысяча десять — Корнею!

НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКЕ

В известном рассказе Чехова мальчик Ванька, отданный в ученье к сапожнику, посылает в деревню письмо с таким адресом «На деревню дедушке». Письмо, конечно, до дедушки не дошло.

В наше время почтальоны ухитряются доставлять даже те письма, где адрес перепутан или неразборчив.

И все же я советую ребятам писать адрес на конверте точно и четко, чтобы не затруднять почтальона.

Почта мне письмо доставила.
На конверте в уголку
Было сказано: «Писаелу»
А пониже — «Маршаку».

С этим адресом мудреным
Добрело письмо ко мне.
Слава нашим почтальонам
С толстой сумкой на ремне.

О ПОЭЗИИ МАРШАКА

В 1958—1960 годах было выпущено Гослитиздатом первое собрание сочинений С. Маршака в четырех томах. Помню, как, просматривая первый том с дарственной надписью Самуила Яковлевича — книгу в шестьсот с лишком страниц, снабженную по всей форме солидного подписного издания портретом автора и критико-биографическим очерком, — я, при всей моей любви к Маршаку, не был свободен от некоторого опасения. До сих пор эти стихи, широко известные маленьким и большим читателям, выходили под маркой Детиздата малостраничными, разноформатными книжками, которым и название-то — книжки — присвоено с натяжкой, — их и на полке обычно не ставят, а складывают стопкой, как тетрадки. Но эти детские издания пестрели и горели многокрасочными рисунками замечательных мастеров этого дела — В. Конашевича, В. Лебедева и других художников, чьи имена на обложках выставлялись обычно наравне с именем автора стихов.

Как-то эти стихи будут выглядеть здесь, под крышкой строго оформленного приземистого тома, который не только можно поставить на полке рядом с другими, но и где угодно отдельно, — будет стоять, не повалится? Не поблекнут ли они теперь, отпечатанные на серых страницах мелким «взрослым» шрифтом, вдруг уменьшившиеся объемом и лишенные обычного многоцветного сопровождения? Не случится ли с ними в какой-то степени то, что так часто случается с «текстами» широко известных песен, когда мы знакомимся с ними отдельно от музыки?

Но ничего подобного не случилось. Я вновь перечитывал эти стихи, знакомые мне по книжкам моих детей и неоднократно слышанные в чтении автора, — страницу за страницей, и они мне не только не казались что-то утратившими в своем обаянии, ясности, четкости и веселой энергии слова, — нет, они, пожалуй, даже

отчасти выигрывали, воспринимаемые без каких-либо «вспомогательных средств». Стих, слово — сами по себе — наедине со мною, читателем, свободно располагали не только своей звуковой оснасткой, но и всеми красками того, о чем шла речь, и они не были застывшими отпечатками движения, действия, но являлись как бы самим движением и действием, живым и подымающим.

Это свойство подлинной поэзии без различия ее предназначенности для маленьких или больших, для книжек с красочными иллюстрациями или изданий в строгом оформлении, для чтения или пения. Недаром строки по-настоящему поэтической песни заставляют нас иногда произносить их и просто так, когда песни уже спета, вслушаться в их собственно словесное звучание.

Первое собрание сочинений С. Маршака вышло тиражом триста тысяч экземпляров. Количество подписчиков на то или иное издание — это своеобразный читательский «плебисцит», и его показатели в данном случае говорили об огромной популярности Маршака.

Трудно назвать среди наших современников писателя, чьи сочинения так мало нуждались бы в предисловиях и комментариях. Дом поэзии Маршака не нуждается в громоздком, оснащенном ступеньками, перильцами и балясинками крыльце — одном для всех. Он открыт с разных сторон, его порог везде легко переступить, и в нем нельзя заблудиться.

Здесь невозможны такие случаи, как, скажем, при чтении Б. Пастернака или О. Мандельштама, по-своему замечательных поэтов, где подчас небольшое лирическое стихотворение требует «ключа» для расшифровки заложенных в нем «многоступенчатых» ассоциативных связей, намеков, иносказаний и умолчаний. Тем более, что Маршак — как редко кто — сам себе путеводитель и лучший толкователь идейно-эстетических основ своей поэзии.

Но дело не в этом только, а скорее всего в том, что произведения разностороннего и сильного таланта Маршака никогда не были предметом сколько-нибудь резкого столкновения противоположных мнений, споров, нападок и защиты. Говоря так, я не беру в расчет стародавние попытки «критики» особого рода обнаружить и в детской литературе явления «главной опасности — правого уклона» и с этой точки зрения обрушившейся было на популярные стихи С. Маршака и К. Чуковского, но получившей в свое время решительный отпор со стороны М. Горького.

Высказывания литературной критики о Маршаке различаются по степени чуть более или чуть менее высоких оценок. И высказывания эти, чаще всего приуроченные к очередным премиям,

наградам или юбилейным датам поэта, — дело прошлое, — уже приобретали характер канонизации, когда стиралась граница между действительно блестящими и менее совершенными образцами его работы.

Литературный путь С. Я. Маршака не представляется, как у многих поэтов и писателей его поколения, расчлененным на этапы или периоды, которые бы различались в коренном и существенном смысле. Можно говорить лишь о преимущественной сосредоточенности его то на стихах для детей, то на переводах, то на политической сатире, как в годы войны, то на драматургии или, наконец, на лирике, как в последние годы жизни. Но и здесь нужно сказать, что он никогда не оставлял полностью одного жанра или рода поэзии ради другого и сам вел именно то «многопольное хозяйство», которое настойчиво пропагандировал в своих пожеланиях литературным друзьям и воспитанникам.

Маршак, каким мы знаем его с начала 20-х годов, с первых книжек для малышей, где стихи его занимали как бы только скромную роль подписей под картинками, и до углубленных раздумий о жизни и смерти, о времени и об искусстве в лирике, завершающей его литературное наследие, — ни в чем не противостоит самому себе. В этом смысле он представляет собою явление исключительной цельности.

По внешнему признаку Маршак кончает тем, с чего обычно поэты начинают, — лирикой, но эта умудренная опытом жизни и глубоким знанием заветов большого искусства лирическая беседа с читателем вовсе не похожа на запоздалые выяснения взаимоотношений поэта со временем, народом, революцией. Он начал свой путь советского писателя зрелым человеком, прошедшим долгие годы литературной выучки, не оставив, однако, за собой значительных следов в дооктябрьской литературе. Ему вообще не было нужды на глазах читателя что-то в своем прошлом пересматривать, от чего-то отказываться. Не связанный ни с одной из многочисленных литературных группировок тех лет, не причастный ни к каким манифестам, не писавший никаких деклараций в стихах или прозе, он, попросту говоря, начал не со слов, а с дела — скромнейшего по видимости дела — выпуска тоненьких иллюстрированных книжек для детей.

Почти полувековая работа С. Я. Маршака в детской литературе, художественном переводе, драматургии, литературной критике и других родах и жанрах не знала резких рывков, внезапных поворотов, неожиданных открытий. Это было медленное, непрерывное — в упорном труде изо дня в день — накопление поэтических ценностей, неуклонно возрастающее с годами. Его слава

художника, упроченная этой последовательностью, чужда дуновениям моды и надежно застрахована от переменчивости литературных вкусов.

Маршак освобождает своих биографов и исследователей от необходимости неизбежных в других случаях пространных толкований путей и перепутий его развития или особо сложных, притененных мест его поэзии. Если бы и нашлись места, требующие известной читательской сосредоточенности, то это относилось бы к Шекспиру, Блейку, Китсу или кому другому, с кем знакомит русского читателя Маршак-переводчик, которому заказаны приемы упрощения или «облегчения» оригинала.

Но при всей видимой ясности, традиционности и как бы незамысловатости приемов и средств Маршака, он мастер, много думавший об искусстве поэзии, заставляет всматриваться и думать о себе не менее, чем любой из его литературных сверстников, и куда более, чем иные сложные и пересложные «виртуозы стиха».

И это обязывает, говоря о нем, по крайней мере, избежать готовых, общепринятых характеристик и оценок. Чаще всего, например, при самых, казалось бы, высоких похвалах таланту и заслугам художника, у нас наготове услужливый оборот: «один из...» А он таки просто один и есть, если это настоящий художник, один без всяких «из», потому что в искусстве — счет по одному. Оно не любит даже издавна применяемой «парности» в подсчетах распределения его сил, о которой с огорчением говорил еще Чехов, отмечая, что критика всегда ставила его «в паре» с кем-нибудь («Чехов и Короленко», «Чехов и Бунин» и т. д.). В нашей критике в силу этого принципа парности долгое время было немыслимым назвать С. Маршака, не назвав тотчас К. Чуковского, и наоборот, хотя это очень разные люди в искусстве, и каждый из них — сам по себе во всех родах и жанрах их разнообразной литературной работы.

Мои заметки — это даже не попытка критико-биографического очерка или обзора, охватывающего все стороны и факты жизни и творчества С. Я. Маршака. Это лишь отдельные и, может быть, не бесспорные наблюдения, относящиеся к его разнообразному наследию; отчасти, может быть, наброски к литературному портрету. Для многих из нас, близко общавшихся с ним, знавших Маршака — замечательного собеседника, видевших его, так сказать, в работе и пользовавшихся его дружбой, — он как бы часть собственной жизни в литературе, в известном смысле школа, которая была ценна не только для тех, кто встречался с ним зеленым юношей.

Я не сразу по-настоящему оценил высокое мастерство дегских стихов С. Я. Маршака. Причиной было, скорее всего, мое деревенское детство, которое вообще обошлось без детской литературы и слишком далеко отстояло своими впечатлениями от специфически городского мира маршаковской поэзии для детей.

«Детский» Маршак раскрылся мне в полную меру достоинств этого рода поэзии через Маршака «взрослого», в первую очередь, через его Роберта Бернса, в котором я почувствовал родную душу еще в юности по немногим образцам из «Антологии» Н. Гербеля, а также через столь близкую Бернсу английскую и шотландскую народную поэзию в маршаковских переводах, через его статьи по вопросам поэтического мастерства и, наконец, через многолетнее непосредственное общение с поэтом.

Нельзя было не сравнить того и этого Маршака, и нельзя было не увидеть удивительной цельности, единства художественной природы стиха, выполняющего очень несходные задачи. В одном случае — веселая, бойкая и пезатейливая занимательность, сказочная условность, рассчитанная на восприятие ребенка и не упускающая из виду целей педагогических, в лучшем смысле этого понятия; в другом — лирика Бернса, веселая или грустная, любовная или гражданственная, но простая и односложная лишь по внешним признакам и насыщенная сугубо реальным, порой до грубоватости и озорства содержанием человеческих отношений.

Но и тут, и там — стих ясный и отчетливый в целом и в частностях; и тут, и там — строфа, замыкающая стихотворное предложение, несущая законченную мысль, подобно песенному куплету; и тут, и там — музыка повторов, скрытое искусство выразительной речи из немногих счетов слов, — каждая строфа и строка, как новая монета, то более, то менее крупная, вплоть до мелкой, разменной, но четкая и звонкая.

В прочной и поместительной строфе:

В этот гладкий коробок
Бронзового цвета
Спрятан маленький дубок
Будущего лета, —

«спрятана» и вся «Песня о желуде», написанная Маршаком уже после его перевода бернсовского «Джона Ячменное Зерно». По мне она явно сродни стиху знаменитой баллады. Хотя здесь хорей, а там ямб, но это как раз самые любимые и ходовые размеры детских и не-детских стихов и переводов Маршака. Правда,

может быть, на это сближение наводит отчасти и содержание «Песни», близкое идее неукротимости произрастания, жизненной силы.

Конечно, это первый пришедший на память пример, указывающий на родство стиха Маршака в очень различных его назначениях. Но и на многих примерах самый пристальный анализ поэтических средств Маршака «детского» и «бернсовского», как и вообще Маршака-переводчика, я уверен, только подтвердил бы их исходное единство, к которому, разумеется, несводимо все разнообразие оттенков, зависящих от возрастающей сложности содержания.

Я лишь клоню к тому, что Маршак исподволь был подготовлен ко встрече с поэзией Бернса. Он сперва обрел и развил в себе многое из того, что было необходимо для этой встречи и что обеспечило ее столь бесспорный успех, — сперва стал Маршаком, а потом уже переводчиком великого поэта Шотландии. Но никак не хочу сказать, что работа над детскими вещами была лишь своеобразной школой, готовившей мастера для «взрослых» вещей. Ее значение прежде всего в ней самой — в наличии среди детских стихов настоящих шедевров этого рода поэзии, которым принадлежит любовь многих — одного за другим — поколений — маленьких и признательная память взрослых читателей.

Подготовкой С. Я. Маршака к выступлениям в детской литературе, периодом, когда складывались основы его, как говорится, эстетического кодекса, были годы, о которых он рассказывает в автобиографической книге «В начале жизни». По счастливой случайности стихи гимназиста Маршака, прибывшего в Петербург из города Острогжска, обратили на себя сочувственное внимание В. В. Стасова, а также Горького и Шалапина, принявших непосредственное участие в жизненной судьбе юного поэта, — устроивших, ввиду предрасположенности его к туберкулезу, в Ялтинскую гимназию на свой счет. Но этот период, так сказать, литературного «вундеркинства» Маршака еще далеко отстоял от появления его первых книжек для детей и приобретения литературного имени. Еще были годы ученья на родине и в Англии, куда он отправился юношей, — годы разнообразной малозаметной литературной работы — от переводов до репортажа, но главное — годы непрерывного накопления знаний, изучения языков, отечественной и мировой поэзии, в которой он потом всю остальную жизнь чувствовал себя поистине — как дома.

Я думаю, что мечтой его литературной юности было стать именно детским поэтом. Тут были и попутные увлечения организацией детского театра, и, может быть, даже чисто внешние, жи-

тейские поводы, как необходимость заработка, что отнюдь не означало пониженных требований к себе.

Вспоминаю, как на первых порах знакомства с С. Я. Маршаком, когда я приехал в Москву в середине 30-х годов, уступая его настоянию, показал ему одну из моих двух книжек для детей, выпущенных Смоленским издательством. Я не придавал им серьезного значения, но все же волновался.

Привычным рабочим жестом отсунув очки на лоб и близко-близко поднося страницу за страницей к глазам, он быстро-быстро пробежал книжку, и, надо сказать, это были памятные для меня минуты испытания. Это — как если бы я отважился «показать» И. С. Козловскому что-нибудь из моего «народно-песенного репертуара», имевшего в дружеском кругу почти неизменный успех.

Маршак уронил руку с зажатой в ней книжонкой на стол и глубоко вздохнул, точнее — перевел дух. Он был очень чуток к тому, что говорят о нем самом, и хорошо знал весомость своих приговоров предложенным на его суд вещам, — ему было нелегко выносить их. Он заерзал в кресле, нервно почесал за ухом и заговорил, спеша, порывисто, умоляюще, но с непрекращаемой убежденностью:

— Голубчик, не нужно огорчаться, но это написал совсем другой человек, не тот, что «Страну Муравию».

— Это написано до «Муравии».

— Все равно, голубчик, все равно. Здесь нет ничего своего, все из готовых слов.

Я очень жалел, что вдруг так уронил себя в его глазах этой книжечкой, и, стремясь как-нибудь увернуться от его жестоких слов, переменить разговор, сказал, что, мол, ладно, о чем тут говорить: ведь это же так, собственно, по заказу, для... Я тогда не то чтобы вполне разделял понятия моих литературных сверстников, извуренных непробиваемостью редакционно-издательских заслонов и не считавших зазорной невзыскательность в выполнении «заказной» работы, будь это хотя бы и стихи для детей, но и не видел в таких понятиях особого греха. А главное, я не предполагал, с каким огорчением и еле сдерживаемым возмущением могут быть восприняты Маршаком эти мои слова: «для... по заказу», тем более что они относились к стихам, предназначенным для детского чтения.

В дальнейшем я имел возможность много раз убедиться, что строжайшим правилом всей его литературной жизни было безоговорочное отрицание того допущения, будто в искусстве одно можно делать в полную силу, а другое, как говорится, по мере возможности. Это было для него немислимо так же, скажем, как

для человека искренней и глубокой веры по настоящему молиться лишь в церкви, а в иных местах наспех и как-нибудь. Конечно, не всякая задача в равной степени может волновать, но всякая, самая скромная неукословно требует честности и хотя бы профессиональной безупречности выполнения. Это было для Маршака законом, которого он не преступал, касалось ли дело заветного, годами вынашиваемого замысла или телефонного заказа из газет сделать стихотворную подпись под карикатурой, отозваться фельетоном на подходящий факт международной жизни или написать по просьбе издательства «внутреннюю» рецензию на рукопись.

Маршаку очень было по душе свидетельство одного мемуариста о том, как П. И. Чайковский отчитал молодого композитора, пожаловавшегося ему на судьбу, что вот, мол, приходится часто работать по заказу, для заработка.

— Взор, молодой человек. Отлично можно и должно работать по заказу, для заработка, например, я так и люблю работать. Все дело в том, чтобы работать честно.

Но успех С. Я. Маршака в детской литературе основан был, конечно, не на одной его истовой честности в работе над тем, за что он брался, — без этого вообще ничего доброго не может выйти. Здесь сыграл свою решающую роль подготовительный период, школа усвоения лучших образцов классики и фольклора, всего того здорового, демократичного, жизнелюбивого, что всегда отличает подлинно великую поэзию, будь то Пушкин или русская народная сказка и песня, Бернс или английская и шотландская народная баллада. В те дореволюционные годы молодому поэту так легко было нахлебаться всяческой модной усложненности, невнятицы и изысканности, которые могли бы подготовить для него только судьбу эпигона, последыша искусства, чуждого большой народной жизни и, естественно, опрокинутого революцией.

Но и одной защищенности от модных влияний, развитого вкуса и здоровых пристрастий было бы недостаточно для того, чтобы успешно заявить себя в этой все же специфической области литературы. Детская литература в досоветские времена, кроме немногих общезвестных хрестоматийных образцов в наследии Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого, Чехова да еще кое-кого из непервостепенных авторов, была объектом приложения по преимуществу дамских сил, совсем в духе того, как об этом безжалостно писал Саша Черный:

Дама сидела на ветке,
Пикала: — Милые детки...

Детская поэзия была заведомо прикладной и не шла в общелитературный счет. Здесь нужен был еще особый склад дарования и отчасти педагогического мышления, знание психологии ребенка и подростка, умение видеть в них не отвлеченного «маленького читателя», а скорее собственных детей или детей своего двора, которых знаешь не только по именам, но и со всеми их повадками, склонностями и интересами.

Трудно даже вообразить в детской поэзии голос таких талантливейших сверстников Маршака, приобретших известность гораздо раньше его, как Ахматова, Цветаева или Пастернак. Высокая культура стиха, мастерство их поэзии неоспоримы в истории нашей литературы. Но эта поэзия отмечена, при всем очевидном своем новаторстве, некоторым традиционным знаком «бездетности» ее лирических героев. Она обладает развитой силой слова в выражении чувств, обращенных к возлюбленному или возлюбленной, в живописании тончайших переживаний любви, ее обретений и утрат, но мир интересов и понятий того, кто, как говорится, является плодом любви — счастливой или несчастливой, — мир ребенка для нее как бы не существует. Также и с тонким чувством природы, вообще предметным наполнением этой поэзии, — там сколько угодно памяти детства и «детскости» в способах видения мира, но не той, какая доступна детям.

Я назвал бы в этом ряду поэтов, не менее сложного, чем даже Пастернак, О. Мандельштама, но вдруг обнаружил, что никак нельзя было предположить, что он выпустил в первой половине 20-х годов несколько детских книжек в стихах. Однако при всем том, что талантливый поэт, даже выступая в несвойственном ему роде, не может не обронить нескольких удачных строф, стихи эти оставляют впечатление принужденности и натянутости. Как будто оставлен был этот взрослый добрый и умный человек на весь день в городской квартире с маленькими детьми, в отсутствие их родителей, и умаялся, стремясь занять их стихами о свойствах и назначениях предметов домашнего обихода. примус, кран, утюг, кастрюли и т. д., сочинил даже целую сказку о двух трамваях — Клике и Траме, но все это по необходимости, без подлинной увлеченности. Есть и «полезные сведения», и юмор, и подмывающий ритмический изгиб:

Мне, сырому, неученому,
Простоквашей стать легко,
Говорило кипяченому
Сырое молоко...

Но все это скорее способно привлечь взрослых выразительностью исполнения, чем заинтересовать ребят. Попытки эти никак на дальнейшей работе поэта не отразились.

У Есенина, поэта — в противоположность Мандельштаму — феноменальной популярности у взрослых читателей, не было, кажется, и попыток заговорить с детьми на языке своей поэзии, и вообразить этот разговор, пожалуй, еще труднее.

Не помню, чтобы из Д. Бедного что-нибудь закрепились в детском «круге чтения», хотя, казалось бы, это поэт подчеркнуто простой и общедоступной речи, к тому же большой знаток народного языка, фольклорной поэзии, и не только из книжных источников. Его стихотворная речь имела в виду самого простого, даже неграмотного, но зрелого жизненным опытом человека — рабочего, крестьянина, красноармейца, — постигающего прежде всего политическую остроту этой речи.

У Маяковского детские стихи были одной из форм его целенаправленной агитационной поэзии, но с маленьким читателем он говорил слишком рассудочно и с натугой человека, как бы подбирающего слова малознакомого ему языка. Здесь он далеко не достигал своего уровня мастерства.

Все это говорится, чтобы подчеркнуть особую сложность и трудность искусства детской поэзии, если ее рассматривать не как «прикладную отрасль» литературы, а в одном ряду с поэзией как таковой.

Если сказать, что детская поэзия прежде всего не терпит, например, неясности, неотчетливости или усложненности содержания, то вряд ли это будет ее особым условием, которое было бы вовсе не обязательным вообще поэзии. Но здесь, в поэзии, обращенной к читателю на первых ступенях постижения им мира через образную силу родного языка, условие это является неизменным. Детям не свойственно тщеславие того рода, которое часто заставляет взрослых притворяться заинтересованными и даже восхищенными тем, что им, на поверку, попросту непонятно. В чем другим детям свойственно и притворство, и лукавство, но не в этом: они не способны удерживать внимание на том, чего не понимают. Их не увлечет подтекстом, если текст сам по себе оставляет их равнодушными.

Также и с отвлеченностью или беспредметностью содержания, которых не выносит детская поэзия. Она всегда — в стихах ли, в прозе ли — непременно что-то сообщает, о чем-то повествует, как всякая сказка, включает в себе какую-то историю, случай, даже анекдот. Например, анекдот о том, как «дама сдавала в багаж» и что обнаружилось на месте его назначения; он

и не выдает себя за доподлинную быль, но занятен последовательным изложением обстоятельств, при которых «маленькая собачонка» вдруг превратилась в большую собаку.

Читатель детской книжки умеет ценить в ней, так сказать, безусловность информации. Если речь о цирке, то какие там восхитительные чудеса представляются, хотя бы и с явными преувеличениями в стиле цирковой афиши: если о зоопарке, то должны быть «портреты» натуральных зверей с их характерными повадками; если о пожаре, то как он возник, какую представляет опасность и как с ним справляются пожарные.

Дидактичность и элементарная познавательность — в самом назначении детской книжки, но эта книжка — не замена другим средствам обучения и воспитания. Пленить своего читателя назойливым нравоучительством или одним только сообщением ему полезных вообще сведений она так же не в состоянии, как и «проблемный» роман, который преподносит нам в образной форме материал, принадлежащий обычным средствам технической или иной пропаганды. Но в последнем случае дурная тенденциозность все же не столь безоговорочно отвергается, как в первом, где читатель свободен от многих условностей «взрослого» восприятия. И он несравненно более чуток и неподкупен в отношении малейшей фальши, натянутости и упрощенности подлаживающейся к его «уровню» стихотворной или прозаической речи. Она отталкивает его так же, как дурная манера иных взрослых в обращении к детям — шепелявить и сюсюкать.

Во многих смыслах детская книжка — это взыскательнейший экзамен для поэзии вообще, насколько она обладает своими изначальными достоинствами ясности, существенной занимательности содержания и непринужденной энергии, естественной, как дыхание, мерности и «незаметности» формы.

Сказки Пушкина, хотя они не предназначались для детей, Маршак считал наивысшим образцом детской поэзии. Эта часть пушкинского наследия, прямо идущая от русской народной сказки, была для него не менее дорога, чем «Евгений Онегин» или лирика великого поэта. Его наблюдения над стихом сказок поражают зоркостью, обращенной к таким предельно простым случаям, где, казалось бы, уже совсем нечего искать.

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Его восхищал лаконизм этих строчек, где разом, без отрыва пера от бумаги, нарисовано вверх огромное небо, а внизу огромное море. Он отстаивал неслучайность того, что небо

помещено в верхней, а море в нижней строчке. Это верно и невольно приводит на память строку ребячьего описания моря, отмеченную Чеховым: «Море было большое».

Как часто Маршак цитировал строки из «Сказки о царе Салтане» о выходе из бочки младенца-богатыря Гвидона, исполненные веселой энергии, «пружинистости» действия:

Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам пределать?» — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Здесь «ударность» последней, прекрасно «инструментованной» строчки: «Вышиб дно и вышел вон», — действительно звучит подобно заключительному возгласу считалки в детской игре.

Ритмическую «счетность» своих стихов для малышей Маршак даже подчеркивает разбивкой, при которой на строку приходится одно, два коротких слова. Его «Мяч» с точностью передает ритмику ударов, падений и подскакиваний мяча от начала до конца игры, а четверостишие «Дуйте, дуйте, ветры в поле...» дает как бы четыре полных оборота крыла ветряной мельницы.

Стих Маршака «работает», усложняясь с возрастом читателя, следуя за ним от простенькой считалки и песенки детского сада, от сказки, которую ребенок постигает на слух в чтении старших, и к открытию им первоначальной радости самостоятельного чтения и освоения — ступенька за ступенькой — все более значительного содержания.

Солнечно и радостна возникающая из немногих слов картина радуги:

Солнце вешнее с дождем
Строят радугу вдвоем —
Семицветный полукруг
Из семи широких дуг.

Нет у солнца и дождя
Ни единого гвоздя,
А построили в два счета
Поднебесные ворота.

Быстро проносятся один за другим двенадцать месяцев «Круглого года» — каждый со своими «опознавательными» знаками — и завершаются двенадцатью ударами часов кремлевской башни. Все они еще предстанут в более сложной образной оснастке перед подросшим читателем детской поэзии Маршака и зрителем пьесы-сказки «Двенадцать месяцев», но до этой встречи

подростающего читателя со своим портом — будет еще и «Пожар», и «Почта», и «Багаж», и «Рассеянный», и «Детки в клетке», и «Цирк», и «Мистер Твистер» и «многое множество», по любимому выражению Маршака, разных русских и иноземных, смешных и серьезных сказок и рассказов в стихах, песенок, шуток и прибауток. «Детский» Маршак — это целый обширный, многоголовый и многокрасочный мир поэзии. Стих его не боится слов простых, обычных, напротив, в нем не помещаются слова бьющей на эффе́кт «поэтической» окраски, он избегает «редких» эпитетов, излишней детализации.

Это сказано о стихах Пушкина и Некрасова, и это в первую очередь нужно отнести к неперемнным требованиям поэзии для детей. Сюда следует отнести, в частности, требование ритмически выраженной в стихе пунктуации, без чего невозможна естественность, «ладность» поэтической речи.

Стих детской поэзии вовсе не чуждается юмора, веселого, удачного словесного озорства и даже рискованной лихости:

Эти строчки Маршака, очень понравившиеся Маяковскому, в свое время вызвали протест со стороны педагогического педанства. телеграмма и дама-канатоходец, конечно же, «идут по проволоке» совсем по-разному и т. п. Но ведь и строчки ершовского «Конька-Горбунка»:

с очевидной дерзостью меняют местами эти населенные пункты, — конечно же, село располагалось неподалеку от столицы, а не наоборот. Пушкин не мог не оценить «веселое лукавство» этих глубоких по смыслу строчек. Есть литературное предание, что

первая строфа «Копька-Горбунка» была написана Пушкиным Так это или не так, но строфа как бы подготавливает только что приведенные строчки размашисто-условным, в духе народного балагурства определением места действия:

Не на небе, на земле...

Рискованное двустипшие Маршака представляется вдруг вылетевшим из уст ребенка, который уже слышал от старших, что телеграммы идут «по проволоке», и, увидев в цирке канатоходческий номер, «обобщил» даму с телеграммой.

Безупречность, смысловая ясность и отчетливость, строгий отбор на слух и вес каждого слова, навык «забивания гвоздя по самую шляпку» с успехом применены были Маршаком в его работе на взрослого читателя в годы Отечественной войны. Не раскрывая книги, можно по старой памяти газетных страниц тех дней привести хлесткие сатирические стихи, построенные опять-таки из немногих счетом слов и повторов:

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе —
Я хочу, чтоб вся Европа
Поддержала нас в борьбе!

— Нас поддержит вся Европа! —
Отвечали два холопа.

Стихи-плакаты:

Лом железный соберем
Для мартена и вагранки,

Чтобы вражеские танки
Превратить в железный лом!

Это четверостишие открывается и закрывается одними и теми же словами. Но стоит, не меняя ни одного слова, переставить строчки четверостишия:

Чтобы вражеские танки
Превратить в железный лом,
Для мартена и вагранки
Лом железный соберем! —

и мы видим, что при полной сохранности «смысла», вместо энергии и движения, здесь уже только изложение, стих утрачивает «пружинистость» и становится «полубезработным», — содержание лишается силы. Вот что означает требование, чтобы в строфе нельзя было ничего переставить или подвинуть.

Поэзия Маршака возвращена на доброй русской, пушкинской основе, и поэтому она оказалась способной обогатить и нашу детскую литературу множеством прекрасных образцов мировой поэзии: детскими песнями, сказками, шутками и прибаутками разных народов. В наибольшем объеме представлена у него Англия — «Дом, который построил Джек», «Шалтай-Болтай», «Гвоздь и подкова» и множество подобных чудесных вещей. Но и другие страны и народы, советские и зарубежные, перекликаются в детской поэзии на русском языке под пером Маршака. Одна эта заслуга — в духе русской, пушкинской традиции «усвоения родной речи» (выражение Белинского) разнообразных иноязычных богатств поэзии — могла бы составить поэту прочную славу в нашей литературе.

Иногда трудно в поэзии Маршака провести четкую грань между «оригинальным» и переводным, между мотивами русского фольклора и фольклора иноязычного. Например, сказку «Король и пастух» он называет переводом с английского, но сюжетом она полностью совпадает со «старинной народной сказкой», изложенной в стихах М. Исаковским под заглавием «Царь, поп и мельник», едва ли даже предполагавшим, что она может быть иною, чем русской.

Часто Маршак даже не указывает, какому из «разных народов» принадлежит то или иное произведение народной поэзии, которому он сообщает новую жизнь на русском языке, сохраняя, впрочем, характерные приметы его иноязычной природы. Маршак указывает, что в основу его драматической сказки «Двенадцать месяцев» положены мотивы славянской народной поэзии, но, точнее, она, как выражаются ученые люди, восходит к чешской народной сказке, в свое время пересказанной Боженой Немцовой и изложенной Маршаком сначала в прозе. Окончательное претворение фольклорных мотивов сказки в драматургической форме явилось произведением вполне самостоятельным и оригинальным, полным света, добрых чувств и глубокой мысли. Недаром оно впервые было поставлено на сцене МХАТа и имеет одинаковый успех как у юных, так и у взрослых читателей и зрителей.

Мировая литература знает много случаев, когда замечательные произведения, первоначально предназначенные не для детей, становились впоследствии любимыми детскими книгами, например «Дон-Кихот», «Робинзон Крузо», «Путешествие Гулливера». Реже случаи, когда произведения, адресованные именно детскому читателю, становились сразу же или позднее книгами, в равной степени интересными и для взрослых. Здесь в первую очередь можно назвать сказки Андерсена.

«Двенадцать месяцев» Маршака — один из таких случаев. По видимости непритязательная история, где судьба знакомой по многим сказкам трудолюбивой и умной девочки-сироты, гонимой и травимой злой мачехой, сказочным образом перекрещивается с судьбой ее ровесницы — своенравной, избалованной властью девочки-королевы, — вмещает в себе, как это часто бывает в настоящей поэзии, ненароком и такие моменты содержания, которых автор, может быть, и в уме не держал. Таким мотивом звучит в этой пьесе мотив власти, не ведающей пределов, положенных даже законами природы, и уверенной, как эта маленькая капризница на троне, что она может в случае надобности издавать свои законы природы. Увлекательно, непринужденно и весело показывает действие пьесы-сказки провал этих притязаний девочки-деспота, ограниченных, правда, детским желанием иметь в новогодний праздник подснежники.

То, что мы называем детской литературой, детской поэзией, часто смешивая эти понятия с представлением о «валовой» продукции Детиздата, в сущности, застаёт нас всех еще на самой ранней поре нашего бытия. Впервые поэзия звучит для нас из уст матери напевом полумимовизованной колыбельной, называющей нас по имени или сопровождаемой счетом на пальцах детской ручонки коротенькой сказочкой о том, как «сорока-ворона кашку варила, деток кормила...». Здесь еще и сорока с вороной идет заодно, и стихи заодно с прозой.

Но без этого первоначального приобщения младенческой души к чуду поэзии даже самая драгоценная память человеческая — память матери — была бы лишена тех слов и мотивов, которые с годами не только не покидают нас, но становятся все дороже. И мы тем более и явственнее — с признательной нежностью — слышим их в своем сердце, чем шире, разнообразнее, богаче за всю нашу жизнь были наши встречи с поэзией и музыкой. Потому что те простейшие слова и мотивы есть не что иное, как первообраз искусства, они — из самой его природы и несут в себе главные и, в сущности, неизменные признаки и свойства подлинного искусства: его ясность и прямоту, немногословность и живописность, его доброту и шутку, легкий упрек и наставление.

Этим и определяются, в самом общем смысле, особые эстетические и нравственные требования, которые ставит детская поэзия перед теми, кто пытается заявить себя в этом роде искусства. Разумеется, эти требования отнюдь не противопоставлены никакому другому искусству, рассчитанному хотя бы и на самый зрелый вкус и высокий уровень понимания, но, повторяю еще раз, здесь они неслучайны.

Ни «Сказки» Пушкина, ни даже некрасовские «Стихотворения, посвященные русским детям», как и другие образцы классики, не относились к собственно детской поэзии, — она еще не выделилась в литературе в самостоятельный род. К тому же круг детского чтения усвоил и закрепил за собою столько целых вещей и отрывков из произведений классики, вовсе не имевших его в виду.

Все это дает повод иным из нас считать детскую литературу как бы не вполне законным литературным родом. Но одним из самых бесспорных и всемирно признанных достижений советской литературы за ее полувековую жизнь, ее расширением средств своего влияния на читателя является как раз этот ее род — развитая детская литература во всем ее жанровом многообразии.

В становлении и развитии этого рода литературы С. Я. Маршаку по праву принадлежит особое место как критику, редактору детской литературы, собирателю и воспитателю ее разнообразных сил и талантов. Здесь едва ли найдется имя поэта или прозаика, которое не было бы в свое время замечено, поддержано или даже выведено им в люди.

Но прежде всего, говоря без обиняков, Маршак первым в русской литературе посвятил главную часть своей большой жизни, выдающегося поэтического таланта именно детской литературе, которая до него не имела далеко того безусловного общелитературного значения, какое имеет ныне. При этом не только не беда, что он, так сказать, не поместился целиком в собственно детскую литературу и при высоко развитом профессионализме литератора не остался «профессионально детским» писателем, а, наоборот, это лишь свидетельство широты и подлинности его творческих прав в художественной литературе.

Это никак не могло помешать творческой сосредоточенности Маршака в пределах детской поэзии и драматургии, критике и редакторской деятельности. Он был человеком, как принято выражаться, полной самоотдачи в искусстве; с какою бы его ветвью он ни был связан. Годы и десятилетия отдавал он напряженному до истовости труду, накапливая все то поэтическое богатство, которое мы теперь именуем Маршаком — «детским», и никогда не ставил эту свою работу, с какими бы то ни было оговорками, ниже любой другой, даже если это была работа над переводом классических образцов мировой поэзии.

Я начал речь о детской поэзии Маршака с признания, что оценил ее по-настоящему, обратившись к ней внимательнее после встречи с Бернсом в его переводах. Русская и мировая народная

поэзия, Пушкин и Бернс и многое другое в отечественных, западных и восточных богатствах поэтического искусства, с ненасытностью детства и юности усвоенное на всю жизнь, — вот что определило его художническую взыскательность и подготовило мастера стихотворной беседы с детьми. И там лишь практически закрепились его пристрастия к немногословной, ясной и емкой смыслом строфе, чтобы в ней уже ничего нельзя было «ни убавить, ни прибавить».

3

С усвоенным и развитым в работе над стихами для детей навыком доведения строки и строфы до полной, необратимой отчетливости, Маршак приступил к своему Бернсу, поэзия которого была главной любовью всей его литературной жизни и являлась счастливейшей возможностью приложения его особого «переводческого» дара.

Я умышленно ставлю это слово в кавычках. Маршак много переводил, переводы составляют, пожалуй, большую половину его стихотворного наследия. Но он не любил слова «перевод», особенно «переводчик», всячески избегал их и обычно свои новые переводы называл новыми стихами, когда читал их при встрече с друзьями. Он не принимал слов самого Пушкина о Жуковском, что тот был бы переведен на все языки, когда бы сам меньше переводил.

Жуковского он ценил очень высоко, вычитывая из него при случае на память целые страницы, так же и других русских мастеров поэтического перевода — И. Козлова, М. Михайлова, В. Курочкина.

Он был до мелочей привередлив и настойчив по части обозначений при печатании его переводов — часто вопреки принятому в данном издании единообразию, — фамилия его должна была стоять сверху, слово «перевод» заменялось по-старинному обозначением: «Из Роберта Бернса», «Из Вильяма Блейка» и т. п.

В литературной жизни не редкость, когда мастер недостаточно ценит наиболее сильную сторону своего дара и очень чувствителен к тому, что преимущественное внимание читателя и критики относят к этой именно стороне. С известными оговорками можно сказать, что и у Самуила Яковлевича была эта слабость недооценки своего редкого дара приобщать русской речи образцы иноязычной поэзии на таком уровне мастерства, когда становится бессмыслицей иная русская интерпретация данного произведения, — скажем, Бернса.

На правах дружбы, я позволил себе подтрунивать над его невинной привередливостью по части обозначений «перевод» или «из...», но всегда, и особенно теперь, когда подо всем, написанным его рукой, подведена черта, считал и считаю, что он имел право на эти претензии в отношении своей работы.

«...Чтобы по-настоящему, не одной только головой, но и сердцем понять мир чувств Шекспира, Гете и Данте, — говорится в статье Маршака «Портрет или копия?.. (Искусство перевода)», — надо найти нечто соответствующее в своем опыте чувств... Настоящий художественный перевод можно сравнить не с фотографией, а с портретом, сделанным рукой художника. Фотография может быть очень искусной, даже артистичной, но она не пережита ее автором».

Сонеты Шекспира — наиболее удаленный от нашего времени образец мировой поэзии, явившейся нам в русской интерпретации Маршака. И надо сказать, неумовимый холодок этой классической удаленности все же в какой-то степени набегае на эти превосходные творения Шекспира. И Маршаку в работе над этими переводами, действительно, нужно было иметь «нечто соответствующее в своем опыте чувств». Нет необходимости подробно объяснять, какой опыт чувств взыскательного мастера живет, к примеру, за строчками-переводами семьдесят шестого сонета.

Увы, мой стих не блещет новизной,
Разнообразьем перемен неожиданных.
Не поискать ли мне тропы иной,
Приемов новых, сочетаний странных?

Я повторяю прежнее опять,
В одежде старой появляюсь снова,
И кажется, по имени назвать
Меня в стихах любое может слово.

Все это оттого, что вновь и вновь
Решаю я одну свою задачу:
Я о тебе пишу, моя любовь,
И то же сердце, те же силы трачу.

Все то же солнце ходит надо мной,
Но и оно не блещет новизной.

Это все к тому, что Маршак не любил слов «перевод» и «переводчик». Действительно, обозначение «перевод» в отношении поэзии чаще всего в той или иной мере отталкивает читателя: оно позволяет предполагать, что имеешь дело с некоей условной копией поэтического произведения, именно «переводом», за пределами которого находится недоступная тебе в данном случае

подлинная прелесть оригинала. И есть при этом другое, по неволе невзыскательное чувство читателя, — готовность прощать этой «копии» ее несовершенства в собственно поэтическом смысле: уж тут ничего не поделаешь, — перевод, был бы только он точным, и на том спасибо.

Однако и то и другое чувство могут породить лишь переводы убого-формального, ремесленного толка, изобилие которых, к сожалению, не убывает со времен возникновения этого рода литературы.

Но есть переводы другого ряда, другого толка.

Русская школа поэтического перевода, начиная с Жуковского и Пушкина и кончая современными советскими поэтами, дает блистательные образцы переводов лучших произведений поэзии иных языков. Эти переводы прочно вошли в фонд отечественной поэзии, стали почти неразличимыми в ряду ее оригинальных созданий и вместе с ними составляют ее заслуженную гордость и славу. И нам даже не всякий раз приходит на память, что это переводы, когда мы читаем или слушаем на родном языке, к примеру, такие вещи, как «Будрыс и его сыновья» Мицкевича (Пушкин); «Горные вершины...» Гете (Лермонтов), «На погребение сэра Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...») Вольфа (И. Козлов), песни Беранже (В. Курочкин) и многие, многие другие. При восприятии таких поэтических произведений, получивших свое, так сказать, второе существование на нашем родном языке, мы меньше всего задумываемся над тем, насколько они «точные» в отношении оригинала.

Я, читатель, допустим, не знаю языка оригинала, но данное произведение на русском языке волнует меня, доставляет мне живую радость, воодушевляет меня силой поэтического впечатления, и я не могу предположить, что в оригинале это не так, а как-нибудь иначе, я принимаю это как полное соответствие с оригиналом и отношу мою признательность и восхищение к автору оригинала наравне с автором перевода, — они для меня как бы одно лицо.

Словом, чем сильнее непосредственное обаяние перевода, тем вернее считать, что перевод этот точен, близок, соответствует оригиналу.

Памятные слова на этот счет сказал И. С. Тургенев, касаясь вопроса о качестве одного из переводов «Фауста»:

«Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее... Такой перевод не может быть неверным...»

И, конечно, наоборот: чем менее иллюзии непосредственного, самобытного произведения дает нам перевод, тем вернее будет предположить, что перевод этот неверен, далек от оригинала.

Здесь я мало могу добавить к тому, что сказано было в моей рецензии на книгу «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» много лет назад. Прежде всего хочется сказать, что эти переводы обладают таким очарованием свободной поэтической речи, будто бы Бернс сам писал по-русски да так и явился без всякого посредничества перед нашим читателем. И наш советский читатель уже успел узнать и полюбить и запомнить многое из этой книги, представляющей собрание поэтического наследия Р. Бернса, задолго до ее выхода в свет по первоначальным публикациям переводов С. Я. Маршака в журналах и отдельных его сборниках. Это — классическая баллада «Джон Ячменное Зерно» — гимн труду и воле к жизни и борьбе людей труда, поэтически уподобленным бессмертной силе произрастания и плодоношения на земле. Это — гордые, исполненные дерзкого вызова по отношению к паразитической верхушке общества строки «Честной бедности» или «Дерева свободы» — непосредственного отклика на события Великой французской революции. Это — нежные, чистые и щемяще-трогательные песни любви, как «В полях, под снегом и дождем...» или «Ты меня оставил, Джеми...». Это — восхитительный в своем веселом озорстве и остроумии «Финдлей» и, наконец, эпиграммы, которые вполне применимы и в наши дни ко всем врагам трудового народа, прогресса, разума, свободы и мира.

И понятно, что тот успех, который приобрели переводы Маршака из Бернса в широких кругах советских читателей, объясняется не только поэтическим мастерством их исполнения, о чем будет еще сказано, но и, прежде всего, самим выбором оригинала.

Роберт Бернс совсем не напоминает непритязательного идиллика сельской жизни, смиренного поэта-пахаря, писавшего «преимущественно на шотландском наречии», как считали либеральные биографы.

Зато вот как зорко рассмотрел и безошибочно угадал поэтическую силу Бернса его величайший современник Гете, переживший шотландского поэта на несколько десятилетий (слова эти записаны Эккерманом, автором книги «Разговоры с Гете»):

«Возьмите Бернса. Что сделало его великим? Не то ли, что старые песни его предков были живы в устах народа, что ему пели их еще тогда, когда он был в колыбели, что мальчиком он вырастал среди них, что он сроднился с высоким совершенством этих образцов и нашел в них ту живую основу, опираясь на которую мог пойти дальше? И далее. Не потому ли он велик, что

его собственные песни тотчас же находили восприимчивые уши среди народа, что они звучали навстречу ему из уст женщин, убирающих в поле хлеб, что ими встречали и приветствовали его веселые товарищи в кабаčke? При таких условиях он мог стагь кое-чем!'

И лорд Байрон, скептический и высокомерный в отношении именитых современников, записал в своем «Дневнике» спустя много лет после смерти шотландского поэта:

«Читал сегодня Бернса. Любопытно, чем он был бы, если бы родился знагным? Стихи его были бы глаже, но слабее — стихов было бы столько же, а бессмертия не было бы. В жизни у него был бы развод и пара дуэлей, и если бы он после них уцелел, то мог бы — потому что пил бы менее крепкие напитки — прожить столько же, сколько Шеридан, и пережить самого себя».

Бернс — народный певец, порт-демократ и революционер, он дерзок, смел и притязателен, и его притязания — это притязания народа на национальную независимость, на свободу, на жизнь и радость, которых единственно достойны люди труда.

Советскому поэту на основе достижений отечественной классической и современной лирики удалось с блистательным успехом до читателя своеобразие исполненной простоты, ясности и благородного изящества бернсовской поэзии. Переводы С. Я. Маршака выполнены в том словесном ключе, который мог быть угадан им только в пушкинском строе стиха, чуждом каких бы то ни было излишеств, строгом и верном законам живой речи, пренебрегающей украшательством, но живописной, меткой и выразительной.

Небезынтересно было бы проследить, как развивался и совершенствовался «русский Бернс» под пером различных его переводчиков, как он по-разному выглядит у них и какими преимуществами обладают переводы Маршака в сравнении с переводами его предшественников. Позволю себе взять наудачу пример из «Джона Ячменное Зерно». Вот как звучит первая строфа баллады у М. Михайлова, вообще замечательного мастера, которому, между прочим, принадлежит честь одного из «первооткрывателей» Бернса в русском переводе:

Когда-то сильных три царя
Царили заодно.
И порешили: «Сгинь ты, Джон
Ячменное Зерно!»

Очевидно, что лучше бы вместо «царей» были «короли», что наверняка более соответствовало и оригиналу; неудачно и это

«заодно», вынужденное словом «зерно»; слова, заключенные в кавычки, по смыслу — не решение, не приговор, как должно быть по тексту, а некое заклинание. Кроме того, Михайлов рифмует через строку (вторую с четвертой), тогда как в оригинале рифмовка перекрестная, и это обедняет музыку строфы.

У Э. Багрицкого:

Три короля из трех сторон
Решли заодно:
— Ты должен сгнуться, юный Джон
Ячменное Зерно.

Здесь — «короли» вместо «царей»; это лучше, но что они «из трех сторон» это попросту неловко, — сказано ради перекрестной рифмовки; «заодно» здесь приобрело иное, чем у Михайлова, правильное звучание; формула же решения королей выражена недостаточно энергично, лишними, не теми словами выглядят «должен» и «юный».

У Маршака:

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Кажется, из тех же слов состоит строфа, но ни одно слово не выступает отдельно, цепко связано со всеми остальными, незаменимо в данном случае. А какая энергия, определенность, музыкальная сила, отчетливость и в то же время зазывающая недосказанность вступления.

Этот небольшой пример с четырьмя строчками показывает, какой поистине подвижнический и вдохновенный труд вложил порт в свой перевод, чтобы явить нам живого Бернса.

Может показаться, что не слишком ли скрупулезно и мелко это рассмотрение наудачу взятых четырех строчек и считанных слов, заключенных в них. Но особенностью поэтической формы Бернса как раз является его крайняя немногословность в духе народной песни, где одни и те же слова любят, повторяясь, выступать в новых и новых мелодических оттенках и где это повторение есть способ повествования, развития темы, способ живописания и запечатления того, что нужно. Особенно наглядна эта сторона поэзии Бернса в его лирических миниатюрах, и Маршаку удастся найти конгениальное выражение этой силы средствами русского языка и стиха.

Иные из этих маленьких шедевров прямо-таки, кажется, состоят из четырех-пяти слов, меняющихся местами и всякий раз

по-новому звучащих на новом месте, порождая музыку, которой ты невольно следуешь, читая стихотворение:

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Простая, незатейливая песенка девичьего горя, простые слова робкого упрека и глубокой печали, но нельзя прочесть эти строки, не положив их про себя на музыку.

Маршаку удалось в результате удорных многолетних поисков найти как раз те интонационные ходы, которые, не утрачивая самобытной русской свойственности, прекрасно передают музыку слова, сложившуюся на основе языка, далекого по своей природе от русского. Он сделал Бернса русским, оставив его шотландцем. Во всей книге не найдешь ни одной строки, ни одного оборота, которые бы звучали как «перевод», как некая специальная конструкция речи, — все по-русски, и, однако, это поэзия своего особого строя и национального колорита, и ее отличишь от любой иной.

У которых есть, что есть, — те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

В этих двух предложениях шуточного застольного присловья, где многократно повторен и повернут коренной русский глагол — «есть», и где все совершенно согласно со строем русской речи, может быть, одно только последнее слово — «небо», тоже чисто русское слово, в данном своем значении вдруг сообщает всему четверостишию особый оттенок, указывает на иную, чем русская, природу присловья.

Такая гибкость и счастливая находчивость при воспроизведении средствами русского языка поэтической ткани, принадлежащей иной языковой природе, объясняется, конечно, не тем, что Маршак искусный переводчик, — в поэзии нельзя быть специалистом-виртуозом, — а тем, что он настоящий поэт, обладающий полной мерой живого, творческого отношения к родному слову.

Без любви, без волнения и горения, без решимости вновь и вновь обращаться к начатой работе, без жажды совершенства —

ния — нельзя, как и в оригинальном творчестве, ничего сделать путного и в поэтическом переводе. Маршак одинаково поэт, вдохновенный труженик — когда он пишет оригинальные стихи и когда он переводит. Поэтому его Бернс кажется нам уже единственно возможным Бернсом на русском языке, — как будто другого у нас и не было. А ведь не так давно мы, кроме нескольких уже порядочно устаревших переводов XIX века, да «Джона» и «Веселых нищих» Багрицкого, исполненных в крайне субъективной манере, да слабой книжки переводов Щепкиной-Куперник, переводчицы, может быть, и отличной в отношении других авторов, — кроме этого, ничего и не имели. А значит, мы не имели настоящего Бернса на русском языке, того Бернса, цену которому хорошо знали еще Гете и Байрон.

Бернс Маршака — свидетельство высокого уровня культуры, мастерства советской поэзии и ее неотъемлемое достояние в одном ряду с ее лучшими оригинальными произведениями. Знатоки утверждают, что ни в одной стране мира великий народный поэт Шотландии не получил до сих пор такой яркой, талантливой интерпретации.

Вряд ли кто станет оспаривать, что мастер, представивший нам русского Бернса и многие другие образцы западной классики, вправе был чураться звания «переводчик», отстаивать самостоятельную поэтическую ценность своего вдохновенного, чуждого ремесленнической «точности», подлинно творческого труда. Эту заслугу нельзя ограничить интересами читателей, не знающих иностранных языков, — речь идет не о переводе политического документа или научно-технической статьи. Я знаю людей, которым и Бернс, и английская народная баллада вполне доступны в оригинале, но они также испытывают особого рода наслаждение, воспринимая их в той новой языковой плоти, какую им сообщил талант Маршака.

Над своим Бернсом Маршак работал, то целиком сосредоточиваясь на нем, то отвлекаясь другими замыслами и задачами, с конца 30-х годов и до последних дней жизни. Но некоторые стихи он пытался переводить еще в юности и вновь обратился к ним в свою зрелую пору. Поэзия Бернса была для него счастливой находкой, но не случайным подарком судьбы: чего искал, то и нашел. Прирожденный горожанин, детство и юность которого не ступали босыми ногами по росяной траве, не знали трудовой близости к природе, не насытили память запахами хлебов и трав, отголосками полевых песен, он обрел в поэзии Бернса ее «почвенность», реальность народной жизни — то, чего ему решительно недоставало для приложения своих сил. И он вошел

в поэтический мир шотландского поэта, чтобы раскрыть этот мир и для нас в наибольшей полноте и цельности.

Но расслышать, почувствовать особую прелесть поэзии неродного языка можно только при условии крепких связей с родным. В двестишести «Переводчику» Маршак формулирует строгий завет переводческого дела:

Хорошо, что с чужим языком ты знаком,
Но не будь во вражде со своим языком!

Он часто повторял, что успех поэтического перевода определяет не только знание языка оригинала, но, в первую очередь, знание и чувство языка родного.

4

Взыскательность, обостренный слух к особенностям и тончайшим оттенкам слова родной речи были у С. Я. Маршака удивительны и ничего общего не имели с пуристической нетерпимостью к порождаемым живой жизнью языка цепким неологизмам, метким и выразительным «местным речениям», когда они оправданы незаменимостью.

В его работе «Ради жизни на земле» есть поражавшие меня наблюдения над языком «Теркина». По совести, я сам далеко не всегда предполагал за тем или другим словом, оборотом стиха моей вещи такие оттенки значения, которые обнаруживал этот человек иного возраста, иной жизненной и литературной школы, чем я. Да, книга, страница прозы или стихов были для него ближайшей реальностью, но через эту «книжность» он, как, может быть, никто из современников, умел распознавать и угадывать реальность живой жизни и более всего любил и ценил в поэзии подлинность этой натуральной «сырой» действительности.

Мало ли у нас литераторов, отмеченных знаком «книжности», постигающих и принимающих действительность лишь в ее сходстве с образчиками, какие дает книга, и глухих к тому, что является из самой действительности, чтобы, в свою очередь, стать «книгой», но «книгой», какой до нее не было.

Маршак, при всей его приверженности классическому наследию, верности лучшим традициям искусства поэзии, был полон холодного презрения к поэзии книжной, изощренной, рассчитанной на вкус немногих знатоков и ценителей. Но его невозможно было подкупить и той «общедоступностью», которая достигается потрафлением дурному вкусу, ходовой банальностью или всплесками новаторства ради новаторства.

Он многое мог и умел, но еще более знал и понимал в поэзии Она была поистине «одной, но пламенной страстью» всей его жизни.

Его подвижничество, иначе трудно назвать, неусыпное трудолюбие и преданность работе, поразительная обязательность высокого профессионализма — были и остаются для многих из нас строгим напоминанием и упреком, благородным образцом «несения литературной службы».

В собрании сочинений С. Маршака читатель может встретить, наряду с блестяще выполненными вещами, вещи более слабые или отслужившие свое, уже принадлежащие времени, но он не найдет ни одной строки, написанной небрежно, не в полную меру сил, заведомо «проходной».

У Томаса Манна есть очень верные слова о том, что перед каждым зрелым художником в определенный период встает реальная опасность не успеть. Не успеть многого из того, на что он еще способен.

Редко бывает так, чтобы писатель завершил все начатое, исчерпал свои замыслы и планы и, как говорят в народе, убрался с полем, прежде чем перо выпадет из его рук.

Самуил Яковлевич Маршак сознавал эту опасность не успеть, хотя не любил говорить об этом, и очень спешил в последние свои годы, отягченные не отступавшим от него недугом. Спешил писать и даже спешил печататься, спешил прочесть в кругу друзей новую строфу или страницу, чуждый олимпийского безразличия к мнениям и суждениям. Жизнелюбец, подвижник каждодневного литературного труда, он нуждался в живом сегодняшнем печатном или устном отклике на свою работу. Это сообщало ему силы, скрашивало нелегкие дни его вынужденного затворничества — в стенах своей рабочей комнаты, в палате больницы или санатория.

В статье «Право на взаимность» он пишет:

«Искусство ждет и требует любви от своего читателя, зрителя, слушателя. Оно не довольствуется почтительным, но холодным признанием. И это не каприз, не пустая претензия мастеров искусства. Люди, которые вложили в свой труд любовь, имеют право на взаимность. Требовательный мастер вправе ждать самого глубокого и тонкого внимания к своему мастерству».

Одной из особенностей литературной судьбы Маршака, как уже было сказано, является то, что период лирического освоения мира, сосредоточения сил на этом жанре, представляющем, так сказать, привилегию молодости, — этот период пришелся у него на годы, когда обычно слабеет или вовсе затухает жар поэтической

мысли. Эту пору лирической активности писателя отделяет от его юношеских опытов более чем полустолетие, в течение которого читатели узнали, признали и полюбили Маршака — автора популярнейших книжек для детей, Маршака — драматурга, сатирика, первоклассного переводчика, публициста и литературного критика. В этой лирике поэт опирался на богатейший опыт всей своей жизни в литературе, в первую очередь — конечно, на опыт переводческой работы, сделавшей достоянием русской поэзии столько образцов западной классики.

Обращение к лирико-философическому жанру в поздней зрелости, точнее сказать, в старости, у Маршака отмечено глубиной и ясностью мысли, юношеской энергией интонации, непринужденной живостью юмора, и если грустью, то не расслабляющей и безнадежной, но по-пушкински светлой и умудренной, мужественно приемлющей неизбежное.

Все умирает на земле и в море,
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему, —
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

«Наперекор всему» — этот гордый девиз человеческого духа целиком совпадает со словами «несмотря ни на что», которыми Томас Манн в своей статье о Чехове отдает дань восхищения творческой энергии русского писателя, под гнетом смертельного недуга не опускавшего рук и продолжавшего работать.

Старость — не радость, но и ее должно переживать, не роняя достоинства, не впадая в жалобную растерянность, отчаянное озлобление, и даже уметь с удовлетворением воспользоваться некоторыми преимуществами этого возраста. Иго старости опустошает душу и низводит человека до уровня биологического вида тогда, когда он переживает самого себя, то есть утрачивает интерес к безостановочному развитию жизни, к лучшим стремлениям новых поколений, не видит в них продолжения порывов своей наиболее деятельной поры.

В русской поэзии примером такого ужасного завершения долголетней жизни человека отнюдь не заурядного, отмеченного умом, образованностью и талантом, служит старческая лира князя П. А. Вяземского, некогда друга Пушкина, человека близкого декабристским кругам, затем отнесенного судьбой в реакционный

лагерь, достигнувшего высоких чинов члена Государственного совета, сенатора. В зрелости и старости он не только был враждебно непримирим к освободительным идеям, развивавшимся в обществе и революционно-демократической литературе, — он отвергал даже «Войну и мир» как произведение, «измельчающее» величие победы русского оружия в 1812—1814 годах.

Незадолго до кончины, восьмидесятилетний старец, он со своеобразным самоуничижительным упоением подводит итоги своего жизненного пути:

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить...
Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество! я жажду:
От смерти только смерти жду.

Сопоставление судьбы поэта прошлого века князя Вяземского и советского поэта Маршака в пользу последнего само по себе предмет не столь уж «актуальный». Но мы касаемся одной из тех тем лирической поэзии, которые остаются неизменно актуальными для нее на любых этапах и при любых условиях жизни человеческих обществ. Все дело в том, какое особое преломление, присущее только данной породе общественного развития, данному языку и поэтической традиции, получают вечные (это слово зачем-то у нас снабжается кавычками) темы.

«Лирика последних лет» С. Маршака, конечно, несет на себе печать возраста, недугов, невеселых дум и предчувствий, — противоестественным было бы отсутствие в ней этих мотивов. Но как при всем этом Маршак полон жизненных интересов, какую высокую цену он определяет быстротекущему времени, как много у него связей с живым сегодняшним миром, насыщенным мыслями и страстями людей.

В столичном немолкнушем гуде,
Подобном падению вод,
Я слышу, как думают люди,
Идушие взад и вперед.

Проходит народ молчаливый,
Но даже сквозь уличный шум
Я слышу приливы, отливы
Весь мир обнимающих дум.

Это мог сказать только поэт, обладающий развитой привычкой думать, а не просто пропускать через сознание пестрые, разрозненные впечатления. В жизни, близость конца которой все

время дает о себе знать, ему до всего дело, у него есть желания безотносительные к своей личной судьбе, он глубоко озабочен, так сказать, нравственным тонусом своих современников, и опыт большой жизни дает ему право на добрые наставления — вкупе как бы строки завещания старшего друга перед близкой разлукой с более молодыми.

Старайтесь сохранить тепло стыда.
Все, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.

*

Да будет мягким сердце, твердой — воля!
Пусть этот постареющий наказ
Напутствием послужит каждой школе,
Любой семье и каждому из нас...

*

Как вежлив ты в покое и в тепле.
Но будешь ли таким во время давки
На поврежденном бурей корабле
Или в толпе у керосинной лавки?

Неизменно мысль его обращена к судьбе искусства, к добы-
тым в труде, а не усвоенным понаслышке его заветам:

Питает жизнь ключом своим искусство.
Другой твой ключ — поэзия сама.
Заглох один, — в стихах не стало чувства.
Забит другой, — строка твоя нема.

Четверостишия, посвященные теме искусства, чаще всего —
категорическое утверждение одной из любимых мыслей поэта.

К искусству нет готового пути...

Искусство строго, как монетный двор...

Дождись, поэт, душевного затишья,
Чтобы дыхание бури передать...

К этим и другим излюбленным мыслям Маршак обращается и
в своих литературно-критических статьях и заметках, в своих
изустных беседах с молодыми и немолодыми братьями по перу.

Мы помним, как он восторгался в статье о «Сказках» Пуш-
кина двуступищем:

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

Среди «лирических эпиграмм» мы встречаем вещьцу, явно подсказанную пушкинским двустопием, но обладающую самостоятельной предельно лаконической композицией:

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

Но подобные частные условия утверждаемой Маршаком поэтики подчинены главному, объемлющему их завету правдивости искусства:

Как ни цветиста ваша речь,
Цветник словесный быстро вянет.
А правда голая, как меч,
Вовек сверкать не перестанет.

Запоминаются с первого раза взвешенные, обдуманные и чеканно выраженные наблюдения и предупреждения поэта относительно «секретов» мастерства. Музыка — первооснова поэзии, но для нее губительна та музыка, что вылезает

...наружу, напоказ,
Как сахар прошлогоднего варенья.

Маршак — самозабвенный поборник строгой отделки стиха, однако он против окостенения формы, против «чистописания»

Но лучше, если строгая строка
Хранит веселый жар черновика.

А какой бесповоротной, убийственной формулой звучит двустопие, заостренное против одного из тлетворных соблазнов литературной жизни.

Ты старомоден. Вот расплата
За то, что в моде был когда-то.

Лирика Маршака обнаруживает некоторые совсем скрытые до последней поры возможности его поэзии.

Так, в стихах для детей не просматривалось собственное детство автора, — точно бы он сам носил тогда, как его герои и читатели, пионерский галстук. Мотивы природы, смены времен года выступали в условной, отчасти подчиненной интересам спортивного сезона форме.

В лирике Маршак впервые обращается к памятным впечатлениям детства, решающего периода почти для всякого художника в смысле накопления тех запасов, к которым он обращается всю остальную жизнь, лишь пополняя их позднейшими приобретениями, но никогда полностью не исчерпывая и не меняя целиком.

Я помню день, когда впервые —
На третьем от роду году —
Услышал трубы полковые
В осеннем городском саду...

И помню праздник на реке,
Почти до дна оледенелой,
Где музыканты вечер целый
Играли марши на катке...

Поэт благодарен тем давним впечатлениям, открывшим для него... «звуковой узор»,

Живущий в пении органа,
Где дышат трубы и меха,
И в скрипке старого цыгана,
И в нежной дудке пастуха, —

«звуковой узор», в котором жизнь «обретает лад и счет».

Юные читатели, как известно, не жалуют вниманием описания природы, также и автор популярнейших книжек для детей не навязывал им этой обязательной «художественности». Но, оставшись лицом к лицу со старостью, с испытаниями недугов возраста, он переживает повышенное чувство мира природы.

Возраст один у меня и у лета,
День ото дня понемногу мы стынем...

Всё же и я, и земля, мне родная,
Дорого дни уходящие ценим.
Вон и береза, тревоги не зная,
Нежится, греясь под солнцем осенним.

Неожиданно появляются в этих стихах Маршака и березка-подросток, глядящаяся в размытый след больших колес, и кусты сирени, что «держат букеты свои напоказ, как держат ребята игрушки»; и озаренные летним утренним солнцем «стены светлые, и ярко-желтый пол, и сад, пронизанный насквозь жужжаньем пчел».

И какими освобождающими от бремени годов, болезней и горьких раздумий являются стихи, в которых это бремя вдруг

запечатлено, выражено с победительной насмешкой над ним, над самим собой:

Вечерний лес еще не спит.
Луна восходит яркая.
И где-то дерево скрипит,
Как старый ворон каркая.

Все этой ночью хочет петь.
А неспособным к пению
Осталось гнуться да скрипеть,
Встречая ночь весеннюю.

Нельзя, между прочим, не заметить в скобках, что такая сложная, требующая немалого напряжения психофизиологических сил форма жизнедеятельности, как творчество, оказывается возможной и тогда, когда этих сил уже явная нехватка, и при том, что предметом творческого выражения могут быть самое тяжкое состояние духа, отвращение к жизни, отчаяние, как это мы видели на примере поздней лирики П. А. Вяземского. По содержанию этих его стихов, казалось бы, уже не стоит делать никаких усилий даже для того, чтобы пить утром кофе, одеваться и т. п. А между тем этот одолеваемый безнадежной хворостью, от «смерти только смерти» ждущий старик, напрягая память и воображение, вызывает к жизни в определенном ладу и ряду слова и строки, добивается их послушного построения, наибольшей выразительности, находя в этом труде некую горькую усладу.

В этом смысле С. Я. Маршак в своей прощальной лирике яснее и понятнее. Он ищет в ней опоры, достойного примирения с неизбежным, обращаясь в окружающем его мире картин и идей к самому дорогому для него в жизни, как бы ни близка она была к финалу. И хотя он говорит:

Мир умирает каждый раз
С умершим человеком, —

но он не хочет на этом поставить точку, он хорошо знает, что только человечество в целом есть человек, что на месте выпавшего звена цепь жизни смыкается, он верит, что

Не погрузится мир без нас
В былое, как в потемки.
В нем будет вечное сейчас,
Пока живут потомки.

Нужно ли говорить, что Маршак не мог не чувствовать той мощной душевной опоры, какую давало ему сознание огромной общественной значимости его работы в литературе, связь с много-

миллионной армией читателей, наибольшую часть которых составляли те, кому принадлежит будущее.

В ритмике, языке, интонациях негромкой, сосредоточенной речи, в стремлении к афористической завершенности лирических миниатюр Маршака нетрудно заметить следы опыта его переводческой работы. Можно даже сказать, что он обнаружил в себе лирика в практическом, рабочем соприкосновении с высокими образцами мировой лирической поэзии, в первую очередь — Бернса и сонетов Шекспира.

Но этот опыт здесь смыкается с живой потребностью личного высказывания, исповеди сердца и проповеди самых дорогих для поэта нравственных и эстетических заветов. Это сообщает лирике Маршака самостоятельную ценность, как принято у нас выражаться, «самовыражения», если, конечно, не придавать этому слову, как некоторые, значения греховности. Искренность этого лирического самовыражения особо скрепляется тем, что носитель ее не молодость, более подверженная соблазну подражания вдруг возникающей моде, а возраст, которому уже незачем казаться чем-нибудь, — ему важнее всего быть самим собой. Это одно из бесспорных преимуществ старости, — пусть не очень веселых.

Как это нередко бывает, С. Я. Маршак долго болел, слабел, а умер почти что внезапно, как бы уронив перо на полустроке и сообщив особую знаменательность незадолго до того написанной прекрасной строфе.

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

1951—1967

А. ТВАРДОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ

Пятый том настоящего Собрания сочинений включает в себя оригинальные стихотворения С. Я. Маршака, созданные на протяжении многих десятилетий его литературной деятельности¹. В томе представлены жанры, к которым обращался поэт в разные периоды творчества: лирика, сатира, эпиграмма, плакат, послания, дарственные надписи. По сравнению со всеми предшествующими изданиями, том является наиболее полным собранием поэтических произведений Маршака для взрослых. Наряду с известными стихотворениями в томе широко представлены произведения, никогда не входившие в прижизненные издания, а также произведения, опубликованные в дореволюционных журналах и газетах и потому незнакомые широкому кругу читателей.

Началом своей творческой биографии Маршак считал 1907 год, когда в Петербурге в различных журналах и альманахах были напечатаны несколько его лирических и сатирических стихотворений. Лирические стихи он печатал и позже — в девятисотых и десятых годах. В двадцатые годы начинается плодотворная деятельность Маршака как детского поэта, редактора, организатора детской литературы. И лишь через двадцать с лишним лет Маршак снова возвращается к лирике, создает небольшой цикл из семнадцати стихотворений — «Из лирической тетради» и публикует его в 1946 году в сборнике «Стихи. 1941—1946»

Этот небольшой сборник был отмечен прессой. В статье «Лирика С. Маршака» Н. Вильям-Вильмонт писал: «Маршак-переводчик любит отыскивать в поэзии прошлого то, что выживает, что

¹ В составлении настоящего тома принимали участие члены комиссии по литературному наследию С. Я. Маршака — В. Д. Берестов, Н. М. Коржавин, И. С. Маршак.

составляет как бы «сквозные» переживания человечества. Судя по «Лирической тетради», поэт в какой-то степени прилагает ту же мерку и к собственным чувствам и мыслям.

Следует признать, что и в этом жанре С. Маршаку порою удаются замечательные стихотворения. Тому примером его «Словарь». Можно сказать много хорошего об этих стихах. В самом подборе слов — сколько выстраданной, затаенной печали! И эти стихи не исключение. Рядом с ними можно назвать другие из того же цикла... «Декабрь», «И поступь и голос у времени тише»... По нашему мнению, — далее пишет он, — С. Маршак сужает себя как поэта, ограничивая область своей лирики размышлениями на «вечные темы». Та мудрость, которая оттеживает из богатого содержания творчества великих поэтов, здесь дана как бы в «чистом», беспримесном виде, не всегда позволяющем вживаться в индивидуальный мир писателя; между читателем и личностью поэта порой не успевает возникнуть та прочная связь, то *понимание-симпатия*, которое только и позволяет проникнуться глубиной поэтической мысли» («Литературная газета», 1947, № 6, 8 февраля). А. Тарасенков иначе воспринимал стихи этого же сборника. В рецензии (журнал «Знамя», 1947, № 1) он писал: «Особое место занимает в книге Маршака лирика. Вероятно, в результате долгой работы Маршака над детскими стихами, для его лирики характерен немного наивный, как будто бы удивленный взгляд на мир... Маршак рассказывает об обыденном, повседневном — о виде из окна, о старом научном словаре, о звездах. Но за этими темами чувствуется человек — внимательный, задумчивый, с нежной и тонкой душой, человек, который любит труд, творчество, созидание, который любит жизнь, который не устал, не одряхлел и смотрит на мир ясными, чистыми глазами».

В последующие годы цикл «Из лирической тетради» расширялся, обогащался новыми произведениями и в разных составах и вариантах входил во многие стихотворные сборники Маршака.

Сам Маршак писал о своей лирике мало. Вот ответ поэта на письмо студента-дипломанта И. М. Дольникова: «О «Лирической тетради» говорить второпях мне трудно и не хочется. Скажу только одно: мне думается, лирика всегда должна являться результатом большой сосредоточенности, бережного накопления мыслей и чувств. Этого пути я стараюсь держаться и в своей оригинальной лирике, и в переводах» (письмо от 27 апреля 1955 г. — т. 8 наст. изд.).

В 1958—1960 годах вышли четырехтомные Сочинения Маршака, где лирике отведено уже значительное место. В 1962 году был издан сборник «Избранная лирика», встреченный одобрителными отзывами читателей и прессы. За эту книгу и книги для детей Маршаку присуждена Ленинская премия 1963 года.

Б. Полевой в «Правде» так оценил сборник «Избранной лирики»: «Книга... невелика по размерам, в ней меньше ста пятидесяти страниц. Но раскроешь и сразу будто окунешься в нее с головой: столь пленительны собранные в ней короткие, точные стихи, столь богаты заключенные в них мысли, свежие, яркие, порой неожиданные, но всегда находящие отклик в сердце читателя» (1963, № 42, 11 февраля).

В жанре сатиры Маршак активно выступал задолго до первой мировой войны. Его фельетоны, пародии, эпиграммы этого времени публиковались в петербургских и периферийных газетах, журналах и альманахах. Первый небольшой сборник сатирических стихов Маршака вышел в 1919 году, в Екатеринодаре (где жил тогда поэт), за подписью: *Д-р Фрикен*. Все произведения сборника написаны в годы гражданской войны, в них при трудных цензурных условиях поэт пытался обличать порядки, установленные белогвардейцами на Кубани.

Но по-настоящему талант Маршака-сатирика развернулся перед второй мировой войной и в годы войны особенно. В журналах, центральных и фронтовых газетах, «Окнах ТАСС» печатаются его сатирические стихи, фельетоны, памфлеты, стихотворные листовки, открытки и плакаты. За эти произведения в 1942 году Маршак был удостоен Государственной премии. Выходят сатирические сборники поэта с рисунками Кукрыниксов — «Уроки истории», 1942, «Черным по белому», 1945, «Капут!», 1947.

В 1959 и 1964 годах напечатаны сборники сатирических стихов. В этих изданиях Маршак как бы подвел итог своей работы поэта-сатирика.

В настоящем томе произведения расположены по разделам в соответствии с жанровым принципом.

Исключение сделано лишь в двух случаях: для раздела «Стихи о войне и мире» и цикла «Сор из избы», где названия даны не по жанровому признаку. В разделе «Стихи о войне и мире» помещены произведения, которые по существу представляют собой гражданскую лирику Маршака. Сам поэт не включал эти стихи в свои лирические циклы, публикуя их чаще всего в разделе под названием «Стихи о войне и мире». Следуя воле писателя, редакционная коллегия сочла возможным выделить эти

стихи в самостоятельный раздел, сохраняя для него авторское название.

Так же обстояло дело и со стихами цикла «Сор из избы», название которого повторялось из издания в издание, поскольку эти сатирические стихи С. Я. Маршак никогда не смешивал с сатирой политического толка.

Внутри каждого раздела тексты расположены в хронологической последовательности — по времени их первой публикации, тексты, печатающиеся по рукописям, — по времени их написания. Разделы начинаются произведениями, печатавшимися при жизни автора, за ними следуют произведения, не публиковавшиеся потом при жизни; разделы сатиры и лирики заканчиваются ранними произведениями.

В разделе «Из незавершенного» помещены наиболее значительные произведения Маршака, оставшиеся либо неоконченными, либо в трудно читаемых черновых автографах, где существует несколько вариантов одной и той же строфы, строки, слова. Встречаются также случаи, когда законченное произведение имеет несколько редакций. В связи с тем, что автор в той или иной степени не завершил работы над этими произведениями, многие из них даются в прочтении комиссии по литературному наследию.

Слова в тексте, зачеркнутые Маршаком, взяты в прямые скобки, слова, прочитанные предположительно, даются в угловых скобках. В угловые скобки заключены и все те названия произведений, которые даны не автором, а редакционной коллегией. Более подробные сведения о каждом из помещенных в разделе стихотворений даются в примечаниях к ним.

Маршак неоднократно возвращался к работе над своими стихами, в особенности лирическими. При подготовке очередных стихотворных сборников он вносил в тексты исправления, сокращения, менял заголовки, снимал эпиграфы, посвящения, создавал циклы и разрушал их. Случаи наиболее значительной переработки отмечаются в примечаниях, где указывается также ее время и различия публикуемого текста с первопечатным.

Тексты произведений, опубликованных при жизни Маршака, печатаются по последним авторизованным изданиям с дополнительной проверкой их по беловым рукописям; тексты произведений, не опубликованных при жизни автора, печатаются по рукописям.

До 1922 года Маршак часто печатался под псевдонимами: *Д-р Фрикен*, *Уэллер*, *Кучумов*, или подписывался инициалами: *С. М.* Все эти случаи оговорены в примечаниях.

В автографах и напечатанных произведениях Маршака, как правило, отсутствуют даты, поэтому данные о времени написания или первой публикации даются в примечаниях. Имеющиеся, в редких случаях, авторские даты воспроизводятся в основном тексте.

Почти все автографы, использованные в настоящем томе, хранятся в Москве, в архиве писателя.

В тексте примечаний приняты следующие сокращенные обозначения изданий:

«Избранное», 1947 — Маршак С. Я., Избранное, «Советский писатель», М. 1947.

«Избранное», 1964 — Маршак С. Я., Избранное (Библиотека советской поэзии), «Художественная литература», М. 1964.

«Избранная лирика», 1962, 1964 — Маршак С. Я., Избранная лирика, «Художественная литература», М. 1962—1964.

«Избранные стихи», 1949 — Маршак С. Я., Избранные стихи, «Советский писатель», М. 1949.

«Капут!» — Маршак С. Я., «Капут!», Стихи, Гослитиздат, М. — Л. 1947.

«Лирические эпиграммы» — Маршак С. Я., Лирические эпиграммы, «Советский писатель», М. 1965.

«Сатирические стихи», 1964 — Маршак С. Я., Сатирические стихи. Избранное, «Советский писатель», М. 1964.

«Сатирические стихи», 1959 — Маршак С. Я., Сатирические стихи. Эпиграммы. Плакаты. Избранное, «Советский писатель», М. 1959.

Сочинения, т. 2, т. 4 — Маршак С. Я., Сочинения в четырех томах, Гослитиздат, М. 1958 и 1960 т. 1—4.

«Стихи, Сказки, Переводы», кн. 1, 1952, 1955. — Маршак С. Я., Стихи. Сказки. Переводы, в 2-х кн., кн. 1—2, Гослитиздат М. 1952, 1955.

«Стихи. 1941—1946» — Маршак С. Я., Стихи. 1941—1946, «Советский писатель», М. 1946.

«Стихи. 1948—1951» — Маршак С. Я., Стихи. 1948—1951, «Советский писатель», М. 1951.

«Урок истории» — Маршак С. Я., Урок истории, Гослитиздат, М. 1942.

«Черным по белому» — Маршак С. Я., Черным по белому. Стихи, Гослитиздат, М. 1945.

«V том» — том машинописных автографов в переплете. Составлен в 1957 году сыном поэта И. С. Маршаком из произведений С. Я. Маршака, не вошедших в его Сочинения 1—4 тт. (потому условно назван пятым). Хранится в архиве С. Я. Маршака.

ЛИРИКА

1945—1964

«Все то, чего коснется человек...» — Впервые в сб. «Стихи. 1941—1946», в цикле «Из лирической тетради»¹, лирические стихотворения, вошедшие в этот сборник, по словам сына поэта И. С. Маршака, написаны не ранее 1945 года.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Бывало в детстве, под окном...» — Впервые там же, как I часть стихотворения «Деревья за окном». В сб. «Избранные стихи», 1949, под названием «Деревья в саду». Для сб. «Избранная лирика», 1962, заново написаны третья и пятая строфы.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Вот однокрылая сосна...» — Впервые там же, как II часть стихотворения «Деревья за окном».

Печатается по сб. «Стихи. 1941—1946».

«И поступь и голос у времени тише...» — Впервые там же. Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Встреча в пути. — Впервые там же, с названием по первой строке: «Все цветет по дороге. Весна...»

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Цветная осень — вечер года...» — Впервые там же. Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Дождь. — Впервые там же. В сборнике «Избранные стихи», 1949, под названием «Гроза днем». От издания к изданию поэт искал более точного эпитета к слову дождь. В первой публикации «незримый», потом «нежданный», «пролетный».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Декабрьский день в моей оконной раме...» — Впервые там же, под названием «Декабрь». В сборнике «Избранное», 1947, под названием «В декабре».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Когда, изведав трудности ученья...» — Впервые там же. В сборнике «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, под названием «Первая книга», в цикле «Из книги «Память детства», где после второй строфы стояла последняя строфа стихотворения «Дон-Кихот». В сборнике «Избранная лирика» (1962 г.) Маршак вернулся к первопечатному тексту, сохранив и первое название.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Как птицы, скачут и бегут, как мыши...» — Впервые там же.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

¹ Данные о первых публикациях подготовлены библиографом Е. А. Яновской.

Часы. Звезды в окне. — Впервые там же.

Печатаются по тексту Сочинений, т. 2.

Словарь. — Впервые там же.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Где вплотную, высок и суров...» — Впервые там же, под названием «Дом в лесу».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Не знает вечность ни родства, ни племени...» — Впервые там же. Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Надпись на книге переводов. — Впервые там же. В сб. «Избранные стихи», 1949, как I часть стихотворения «Надписи на книгах».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

«Время любви тяжело, если даже несут его двое...» — Впервые там же, под названием «Из греческой антологии», в цикле «Из другого времени». В сборнике «Избранная лирика», 1962, вне цикла и без названия. Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Дорого вовремя время». — Впервые в журнале «Новый мир», 1946, № 4—5, под названием «Надпись на солнечных часах» в цикле «Эпиграммы, эпитафии и памфлеты (англ. поэтов)». В сб. «Избранные стихи», 1949, вне этого цикла, как оригинальное стихотворение под названием «Старинная надпись на солнечных часах». В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», 1952, кн. 1, как вторая часть стихотворения «Две надписи на часах».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Летняя ночь на севере. — Впервые в сб. «Избранное», 1947, в цикле «Из лирической тетради». В Сочинениях, т. 2, Маршак снял две последние строфы:

Они, как финки в день воскресный,
Сидели хмурые, пока
Не заиграл старинной песни
Смычок цыгана-старика.

И грянул хор низкоголосый,
Тревожа и лаская нас,
И равнодушные колеса
Цыганам в лад пустились в пляс.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Пешеход. — Впервые в сб. «Избранное», 1947, в цикле «Из лирической тетради». В последующих сборниках под названием «Путник». Ранний автограф стихотворения также под названием «Путник», с первой строкой «Светлеют полосы по шпалам» хранится в ИРЛИ (Пушкинский дом, ф. 377, л. 403). Датируется по письму Маршака к Венгерову 1908 г.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Дон-Кихот. — Впервые в журнале «Пионер», 1947, № 7, где с названием по первой строке «Пора в постель. Но спать нам неохота». Стихотворение написано к 400-летию со дня рождения Сервантеса. Для сб. «Избранные стихи», 1949, были написаны после слов «нас за собой» две новые строфы:

И в памяти навеки сохранится
Истрепанный и пожелтевший том,
Где занимает целую страницу
Усатый всадник с поднятым копьём.

Он занимает славную страницу
И странствует по свету сотни лет.
Его придумал ввергнутый в темницу
Старик Сервантес — воин и поэт.

По поводу этих строф Маршак писал жене 25 июля 1949 года: «...некоторые стихи переделываю и даже дописываю (как, например, «Дон-Кихота»), к которому я прибавил современный конец» (т. 8 наст. изд.). В 1955 году поэт пересмотрел стихотворение, снял строфы, написанные в 1949 году, и закончил его последней строфой, взятой из стихотворения «Первая книга», впервые опубликованного в 1952 году в сборнике «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

После праздника. — Впервые в сб. «Избранное», 1947. В позднейших сборниках под названием: «Две елки».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Корабельные сосны. — Впервые в сб. «Избранное», 1947, с названием по первой строке «Собираясь на север, домой...». В сб. «Избранные стихи», 1949, под названием «Корабельные сосны».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Замерзший бор шумит среди лазури...» — Впервые в «Литературной газете», 1948, № 91, 13 ноября, под названием «Зимой», в цикле «Из лесной книги».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Голос в лесу. — Впервые в «Литературной газете», 1948, № 91, 13 ноября, под названием «На опушке», в цикле «Из лесной книги». В других сборниках под названием «На пороге леса» и «На пороге». Для сборника «Избранная лирика» (1962 г.) Маршак дал ему новое название и снял последнюю строфу:

У самой границы
Столицы
И первой опушки лесной
Зовет нас кукушка, зегзица,
С порога дубравы родной.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Лес. — Впервые в журнале «Знамя», 1949, кн. 2, в цикле «Из лесной книги».

Печатается по тексту журнала.

Пушкинская дубрава. — Впервые в «Литературной газете», 1949, № 45, 4 июня. Написано к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина.

Печатается по тексту Сочинений, т. 4.

Пушкин. — Впервые в журнале «Знамя», 1949, № 6, под названием «У памятника». Написано к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. В письме к Т. Г. Габбе от 24 июня 1949 года Маршак сообщал: «Сегодня получил корректуру... Вместо «У памятника» они назвали стихи «Бессмертие»... Мне кажется, что название «Бессмертие» к этому стихотворению не подходит» (т. 8 наст. изд.). Позже Маршак сам дал новое название стихотворению в сборнике «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, изменив в нем и третью строку. Под этим названием: «Пушкин» стихотворение вошло в Сочинения, т. 2, где исправлены вторая и третья строфы; было:

Поют, гудят машины, выбегая
На площадь и бульвар из-за угла...

А он все тот же. Только год от года
Фигура с наклоненной головой
Роднее и дороже для народа,
Шумящего вокруг на мостовой...

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

«О ней поют поэты всех веков...» — Впервые в журнале «Огонек», 1949, № 43, 23 октября, под названием «Абхазские розы». Для сб. «Стихи. 1948—1951» написана третья строфа «За лепесток заходит лепесток...».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Незнакомый полустанок...» — Впервые в журнале «Огонек», 1949, № 43, 23 октября, под названием «Березовая роща». При последующих перепечатках стихотворения Маршак снял название и после слов «через лес» строфу:

Растревоженные бегом,
Бубенцы гремят вразброд,
А кругом под синим снегом
Елки водят хоровод.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Вчера я видел. — Впервые в журнале «Огонек», 1949, № 43, 23 октября, под названием «За окном».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Гроза ночью. — Впервые в сб. «Избранные стихи», 1949.

Печатается по тексту сборника.

1616—1949. — Впервые в сб. «Избранные стихи», 1949, как II часть стихотворения «Надписи на книгах». В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, под названием «Надпись на книге».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

В поезде. — Впервые в журнале «Пионер», 1950, № 1. В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, в цикле «Из книги «Память детства». Во втором томе Сочинений, в цикле «Из книги «Начало века».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«На всех часах вы можете прочесть...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 4, в цикле «Стихи о времени». В сб. «Стихи. 1948—1951», под общим заголовком «Из книги «Часы и минуты».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Мы знаем: время растяжимо...» — Впервые там же. В сб. «Стихи 1948—1951», под общим заголовком «Из книги «Часы и минуты».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Нас петухи будили каждый день...» — Впервые там же. В сб. «Стихи. 1948—1951», под общим заголовком «Из книги «Часы и минуты».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Ландыш. — Впервые в сб. «Стихи. 1948—1951», под названием «Ландыши», в цикле «Из лирической тетради». В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, под названием «Чернеет лес».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Солнышко». — Впервые в сб. «Стихи. 1948—1951», где окапчивалось двустушием:

Великое именем нежным зови —
Его не унизишь словами любви.

Подготавливая стихотворения для второго тома Сочинений, Маршак снял это двустушие и вместо него добавил новую строфу, после чего стихотворение больше не перерабатывалось.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Гроза ночью. — Впервые там же, как I часть стихотворения «Гроза».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Гром в городе. — Впервые там же, как II часть стихотворения «Гроза».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

«Какие гости в комнате моей!..» — Впервые в сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952. Вторая строфа этой публикации:

Вот белый-белый, будто бы атласный,
Распахнутый, как сказочный шатер.
А рядом с ним блестящий, темно-красный,
Раскинулся, как рдеющий костер... —

при следующих переизданиях Маршаком снята.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Я прохожу по улицам твоим...» — Впервые в «Литературной газете», 1952, № 134, 4 ноября, под названием «Сталинграду». В сб. «Избранная лирика», 1962, под названием «Городу-герою».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Когда мы попадаем в тесный круг...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 12, под общим заголовком «Стихи о слове».

Печатается по тексту журнала.

«Когда вы долго слушаете споры...» — Впервые там же, под общим заголовком «Стихи о слове».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Пустынный двор, разрезанный оврагом...» — Впервые в сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, под названием «Начало жизни», в цикле «Из книги «Память детства». Во втором томе Сочинений, в цикле «Из книги «Начало века».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Скрипели возы по дорогам...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 12, под названием «В пути». Во втором томе Сочинений, под названием «По дороге в Москву».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Меры веса. — Впервые в «Литературной газете», 1954, № 132, 4 ноября, в разделе «Эпиграммы».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Владимир Стасов. — Впервые в журнале «Новый мир», 1954, № 12, вместе со стихотворениями: «Начало века», «Молодой Горький», «Шаяпин», «Ялта», в цикле «Из книги «Начало века», под общим заголовком «Времена и люди».

Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — художественный и музыкальный критик, историк искусства, сыграл большую роль в формировании художественного вкуса и развитии общего кругозора юного Маршак. «Стасов был для меня, — писал порт в автобиографии, — как бы мостом чуть ли не в пушкинскую эпоху. Ведь он родился в январе 1824 года» (т. 1 наст. изд.).

Стасов переписывался с Маршаком на протяжении всего их знакомства с 1902 по 1906 год, поддерживая в трудные минуты, помогая советами начинающему поэту.

В 1962 году Маршак писал Е. П. Пешковой о письмах Стасова к нему: «Прямо удивительно, что он писал такие серьезные письма мальчику» (т. 8 наст. изд.).

В стихах, а позже в автобиографической повести «В начале жизни» (т. 6 наст. изд.) Маршак с благодарностью вспоминал «богатыря» русского искусства и литературы.

Текст стихотворения при перепечатках почти не изменялся.

Из «Арагонской хоты» — музыкальная пьеса (полное название: «Блестящее каприччио на тему Арагонской хоты») М. И. Глинки, в основу которой положена мелодия распространенного испанского танца.

Могучей кучки атаман. — В. В. Стасов был идейным руководителем группы композиторов (М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, М. П. Мусоргский и Н. А. Римский-Корсаков), названной им «Могучей кучкой русских музыкантов».

Год двадцать пятый на Неве. — Имеется в виду год восстания декабристов — 1825.

Публичная библиотека — крупнейшая библиотека Петербурга, основана в 1814 году, ныне Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина,

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Начало века. — Впервые там же.

Солдат увозят на Восток... — то есть на дальневосточный фронт, где шла русско-японская война 1904—1905 годов.

Вели за Альпами войну... — В 1799 году русские войска под командованием А. В. Суворова совершили героический переход через Альпы из Северной Италии в Швейцарию.

Сражались на Балканах. — то есть участвовали в русско-турецкой войне 1877—1878 годов

Под переливы «Соловья». — В дореволюционной русской армии «Соловей» — популярная солдатская песня.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Молодой Горький. — Впервые там же. В стихотворении запечатлена первая встреча Маршака с Алексеем Максимовичем Горьким (1868—1936), состоявшаяся в августе 1904 года на даче у Стасова под Петербургом. Писатель заинтересовался первыми литературными опытами Маршака, помог больному юноше переехать в Ялту, поступить там в гимназию и начать лечение. В начале ноября 1904 года Горький писал Е. П. Пешковой в Ялту: «Что ты не пи-

пешь о Самуиле? Какой он? Как живет? Пишет ли он стихи и пр.?» (М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28). Описывая первую встречу с Горьким через пятьдесят лет, Маршак биографически достоверно изображает обстоятельства встречи и свои впечатления о писателе (см. т. 1 наст. изд. «О себе»). При подготовке стихотворения для Сочинений, т. 2, Маршак сделал в тексте несколько стилистических поправок; четвертая строфа в первой публикации читалась:

Таким в дверях веранды он стоял,
Поглядывал застенчиво-сурово
И на привет хозяина седого
Басил смущенно: — Я провинциал!

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Шалыпин. — Впервые там же.

С Федором Ивановичем Шалыпиным (1873—1938) Маршак познакомился в 1904 году, на даче у Стасова (см. т. 1, «О себе»). С осени этого года Шалыпин и Горький оплачивали его учение в латынкой гимназии. Горький в середине октября 1904 года писал Е. П. Пешковой: «Пожалуйста, напиши Шалыпину о деньгах для Самуила, я в Москве, вероятно, его не увижу...» (М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28).

Стихотворение дважды сокращалось автором. Во втором томе Сочинений (1958) после строки «При короле когда-то» снято: «Блоха. Ха-ха-ха-ха!»

После строки «Столицу за столицей» снято:

Несли венки из римских лож,
Шумел партер в Нью-Йорке,
Но не гремела молодежь
Ладонями с галерки...

Готовя стихотворение для сборника «Избранная лирика» (1962), поэт вычеркнул три строфы, что существенно изменило произведение. В нем стала заострена тема обреченности великого художника, отъединившегося от Родины. Приводим снятый текст:

На сцены Питера, Москвы
Явился он природным
Артистом с ног до головы,
Беспечным и свободным.

Всего себя он подчинил
Суровой строгой школе,
Но в каждом звуке сохранил
Дыханье волжской воли...

• • • • •

Как Волга, вольная река,
Катилась песня бурлака.
И, сотрясая зданье,
В ответ с балконов, из райка
Неслись рукоплесканья...

А также был изменен порядок строф; во второй строфе вместо:

Певцу раек рукоплескал,
Партер, балконы, ложи... —

стало:

Певцу раек рукоплескал,
Потом — партер и ложи.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Ялта. — Впервые там же. В Сочинениях, т. 2, после слов
«...у пристани прибой» сняты две строфы:

Пусть море грохает сердито
И город обдает дождем, —
Из Севастополя мы ждем
Эскадру под командой Шмидта.

Она в ту осень не придет...
Двенадцать лет мы ожидали,
Пока на рейде увидали
Восставший Черноморский флот.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Грянул гром нежданно, наобум...», «О том, как хороша природа...», «Вечерний лес еще не спит..», «Как поработала зима!..», «Текла, извивалась, блестела...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1955, № 2.

Печатаются по сб. «Избранное», 1964.

«Сколько раз пытался я ускорить...» — Впервые там же, с посвящением: С. М. (жене — Софии Михайловне Маршак, умершей 24 сентября 1953 года).

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Дана лишь минута...» — Впервые там же. В Сочинениях, т. 2, под названием «Минута» и с другим расположением строк в начале.

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Даже по делу спеша, не забудь...» — Впервые в кн. «Литературная Москва», сб. первый, 1956, под названием «Из стихов о времени».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Бор. — Впервые в кн. «Литературная Москва», сб. второй, 1956. Печатается по сб. «Избранное», 1964.

На родине Бернса. — Впервые в кн. «Литературная Москва», 1956, сб. первый, под названием «Из путевого дневника».

Стихотворение было написано вскоре по возвращении из Шотландии, где Маршак посетил памятные места, связанные с именем Бернса.

Эмрис Хьюз (1894—1969) — английский общественно-политический деятель, публицист, член английского парламента от округа «Южный Эйршайр» — родины великого шотландского поэта, писал, что они вместе с Маршаком: «...побывали в коттедже в Аллоуэй, где родился Бернс, и в домике в Дамфризе, где он умер. С каким благоговением и любовью рассматривал там Маршак хранящиеся под стеклом строчки — выцветшие слова на клочках бумаги... для него полные жизни и значения» («Новый мир», 1964, № 8). Готовя стихотворение для Сочинений, т. 2, Маршак почти заново переписал его, дал новое название: «На родине Бернса». В новой редакции приобрели более точный смысл и такие строки первой публикации:

Квадрат, крестом пересеченный...
Впервые в нем увидел свет,
И глубь небес, и мир зеленый
Влюбленный в родину порт.

Кто горевал, разрушив плугом // Жилые зверька
в ненастный день. — Имеется в виду стихотворение Р. Бернса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом» (т. 3, стр. 252).

И на стекле окна в трактире // Алмазом строчки
выводил. — См. стихотворение Р. Бернса «Надпись алмазом на оконном стекле в таверне» (т. 3, стр. 388).

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Доброе имя. Памяти писателя Шолом Алейхема. — Впервые в сб. «Литературная Москва», сб. второй, 1956.

Стихотворение написано за десять лет до публикации, об этом свидетельствуют автографы. Ранний беловик, близкий к первопечатному тексту, датирован 1945 годом, поздний беловик (машинопись) — 1946 годом.

Печатается по кн. «Литературная Москва».

Начало дня. — Впервые в сб. «День поэзии», 1956, изд. «Московский рабочий».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

В дороге. — Впервые в газете «Правда», 1956, № 274, 30 сентября.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Не знаю, когда прилетел соловей...» — Впервые в кн. «Литературная Москва», сб. второй, 1956.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«В полутьме я увидел: стояла...» — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 44, октябрь, в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Апрельский дождь прошел впервые...» — Впервые там же, с первой строкой «Сегодня дождь пролил впервые», в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Столько дней прошло с малолетства...» — Впервые в «Литературной газете», 1957, № 132, 2 ноября, с первой строкой «Сколько лет прошло с малолетства», и одновременно в кн. «День поэзии», 1957, как вторая часть стихотворения «Память детства».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Неужели я тот же самый...» — Впервые в «Литературной газете», 1957, № 132, 2 ноября, и одновременно в кн. «День поэзии», 1957, как первая часть стихотворения «Память детства».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Игра. — Впервые в кн. Сочинения, т. 2, в цикле «Из книги «Начало века». Подготавливая стихотворение для сборника «Избранная лирика», 1962, Маршак снял две строфы после слов «найдем ученику»:

Пускай растет он здесь, в тиши,
Среди холмов, озер,
И постепенно из глуши
Выходит на простор.

Через леса густой травы,
Озера синих луж
Он доберется до Москвы,
Покинув нашу глушь.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Колышутся тихо цветы на могиле...» — Впервые в Сочинениях, т. 2, с посвящением: С(офии) М(аршак). В сб. «Избранная лирика», 1964, стихотворение вошло в пятый раздел, целиком посвященный Софии Михайловне Маршак.

Печатается по тексту этого сборника.

«Как призрачно мое существованье!...» — Впервые в Сочинениях, т. 2.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Когда забрезживший рассвет...» — Впервые там же.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

В лондонском парке. — Впервые там же.

...полотно веселое Констебля. — Констебль Джон (1776—1837) — английский живописец-пейзажист.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Морская ширь полна движенья...» — Впервые там же.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Я помню день, когда впервые...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1958, № 12, в цикле «Из лирической тетради». Стихотворение автобиографично. «У меня дух захватило, когда я впервые услышал медные и серебряные голоса оркестра», — писал Маршак в автобиографической повести «В начале жизни» (т. 6 наст. изд.).

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Как хорошо, что с давних пор...» — Впервые там же.

Печатается по тексту Сочинений, т. 4.

«Ты много ли видел на свете берез?...» — Впервые там же.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Быстро дни недели пролетели», «Нет, нелегко в порядок привести...» — Впервые там же, под общим названием «Стихи о времени».

Печатаются по сб. «Избранная лирика», 1964.

Счастье. — Впервые в журнале «Новый мир», 1958, № 12, в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Сегодня старый ясень сам не свой...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1958, № 12, под названием «Невидимое море», в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Пожелания друзьям. — Впервые в «Комсомольской правде», 1958, № 1, 1 января.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

Роберту Бернсу. — Впервые в журнале «Новый мир», 1959, № 1. Написано к 200-летию со дня рождения поэта.

Где твой О'Шентер проскакал — герой повести в стихах Р. Бернса «Тэм О'Шентер».

Забыть ли дружбу прежних дней? — перефразировка строк из стихотворения Р. Бернса «Старая дружба».

Печатается по тексту журнала.

«В столичном немокнущем гуде...» — Впервые в газете «Известия», 1958, № 264, 6 ноября, под названием «Я слышу, как думают люди...».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Порой часы обманывают нас...» — Впервые там же, под названием «Часы и дни» (Из стихов о времени).

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Возраст один у меня и у лета...» — Впервые в журнале «Знамя», 1959, кн. 12, в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Когда, как темная вода...» — Впервые там же. Печатается по тексту сб. «Избранная лирика», где стихотворение помещено в разделе VII, посвященном Т(амаре) Г(аббе). Стихотворение высечено на надгробии Т. Г. Габбе, установленном на Новодевичьем кладбище в Москве.

Габбе Тамара Григорьевна (1903—1960) — писательница. В 1930-х годах редактор ленинградского отделения Детгиза. Близкий друг поэта. «С этим человеком связывали меня, — писал Маршак Г. И. Зинченко, — тридцать лет общей работы, общих мыслей и чувств... Пожалуй, главным ее талантом была доброта — особенно драгоценная и действенная в сочетании с острым умом и редкой наблюдательностью» (29 марта, 1960, т. 8 наст. изд.).

Эпитафия. — Впервые там же.

Печатается по тексту журнала.

Последний сонет. — Впервые в Сочинениях, т. 4, с посвящением Т(амаре) Г(аббе). По свидетельству А. И. Любарской, сонет первоначально был вписан рукой автора на последней странице «Сонетов Шекспира» в переводе Маршака, подаренных Т. Г. Габбе, отсюда и название «Последний сонет».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Чудес, хоть я живу давно...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1960, № 12, под названием «Чудо».

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Года четыре был я бессмертен...» — Впервые под названием «Бессмертье» — там же.

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Полные жаркого чувства...», «Бывало, полк стихов маршировал...» — там же.

Печатаются по сб. «Избранное», 1964.

«Ветер жизни тебя не тревожит...» — Впервые в сб. «Избранная лирика», 1962, в разделе VII, посвященном Т(амаре) Г(аббе). *Надпись на урне* — там же.

Печатаются по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Люди пишут, а время стирает...» — Впервые в Сочинениях, т. 4, в цикле «Из лирической тетради», посвященном «Памяти Тамары Григорьевны Габбе».

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Трепал сегодня ветер календарь...» — Впервые в сб. «Избранная лирика», 1962, в разделе, посвященном С(офии) М(аршак). Печатается по тексту сборника.

Рассвет в Финляндии. — Впервые в сб. «Избранная лирика», 1962.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

Марине Цветаевой. — Впервые в сб. «Избранная лирика», 1962.

Цветаева Марина Ивановна (1892—1941) — поэтесса. В 1922 году уехала за границу, в 1939 году восстановила советское гражданство и возвратилась на родину. Большинство произведений М. И. Цветаевой в советское время печаталось посмертно.

Печатается по сб. «Избранная лирика», 1964.

«Дождись, поэт, душевного затишья...», «Пусть будет небом верхняя строка...», «За несколько шагов до водопада...», «Только ночью видишь ты вселенную...», «Мы принимаем все, что получаем...», «Питает жизнь ключом своим искусство...», «Над прошлым, как над горною грядой...», «Красиво пишет первый ученик...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1962, № 11. Порт продолжал цикл под названием «лирические эпиграммы» до конца жизни. За несколько недель до смерти он сдал в издательство «Советский писатель» сборник «Лирические эпиграммы», вышедший посмертно в 1965 году. В письмах порт объясняет свое отношение к эпиграммам: «Написал... цикл четверостиший, из которых каждое представляет собою самостоятельное стихотворение. На старости лет не хочется писать многословно» (28 сент. 1962, Э. Р. Гольдернесу — т. 8); Г. И. Зинченко: «Почему-то в последнее время пристрастился к отдельным четверостишиям. То ли свойственное возрасту стремление к наибольшей лаконичности, то ли четверостишия мои — последние капли пересыхающего потока. Будущее покажет» (11 июля, 1962, т. 8).

Печатаются по сб. «Лирические эпиграммы».

«Как быстро палящее солнце зашло...», «Должно быть, ветер понемножку...» — Впервые там же.

Печатаются по сб. «Лирические эпиграммы».

«Старик Шекспир не сразу стал Шекспиром...», «О том, что жизнь — борьба людей и рока...» — впервые в еженедельнике «Неделя», 1962, № 44, 28 октября — 3 ноября.

Печатаются по сб. «Лирические эпиграммы».

«Четыре строчки источают яд...» — Впервые там же.

«Рубайат» — четверостишья старого Хайяма. — Хайям Омар (1048—1122) — выдающийся таджикско-персидский поэт. Рубайат — книга его четверостиший (рубай).

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Насвистывая песню, почталыон...» — Впервые там же.

Печатается по тексту еженедельника.

«Читатель мой особенного рода...» — Впервые в газете «Правда», 1962, № 307, 2 ноября.

Печатается по тексту газеты.

«Человек ходил на четырех...» — Впервые в газете «Правда», 1962, № 307, 2 ноября.

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Стояло море над балконом...» — Впервые в газете «Правда», 1962, № 307, 2 ноября.

Печатается по сб. «Избранное», 1964.

«Небо. Море...» — Впервые в журнале «Юность», 1963, № 3, под названием «Песня», в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Чудо из чудес, Разговор с малиновой, Ночной костер. — Впервые там же.

Печатается по тексту журнала.

«Так много ласточек летало...» — Впервые там же, под названием «Ласточка».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

Жаворонок. — Впервые в газете «Правда», 1963, № 139, 19 мая.

Печатается по тексту газеты.

«Свиньи, склонные к бесчинству...» — Впервые там же.

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Власть безграничная природы...», «Старайтесь сохранить тепло стыда», «Сменялись в детстве радугой дожди...», «Немало книжек выпущено мной...», «Искусство строго, как монетный двор», «Пускай стихи, прочитанные просто...», «Как зритель, не видевший первого акта...» — Впервые в журнале «Новый мир», 1964, № 1, в цикле «Из лирической тетради».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

О рифме и прочем, О моде. — Впервые в журнале «Новый мир», 1964, № 3, в цикле «Лирические эпиграммы».

Печатается по тексту сб. «Лирические эпиграммы».

«Как ни цветиста ваша речь...» — Впервые там же, под названием «О слове».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Стебли трав, пробившись из земли...», «Он взрослых изводил вопросом «Почему?»...», «И час настал. И смерть пришла, как дело...», «Мы любим в детстве получать подарки...», «У Пушкина влюбленный самозванец...», «Дыхание свободно в каждой гласной...», «Сон сочиняет лица, имена...», «Пускай бегут и после

нас...», «Не погрузится мир без нас...», «Ни сил, ни чувств для ближних не щади...», «Без музыки не может жить Парнас...», «Ты мершишь лестницу числом ее ступеней...», «Как вежливы ты в покое и в тепле», «Определить вещам и людям цену...», «Как хорошо проснуться утром дома...», «Березка тонкая, подросток меж берез...». «О чем твои стихи?..» — Впервые посмертно, в журнале «Новый мир», 1964, № 8, в цикле «Лирические эпиграммы»; сданы и подготовлены для журнала автором.

Печатаются по сб. «Лирические эпиграммы».

«Не для того, чтоб жить, он ест и пьет...», «Да будет мягким сердце, твердой — воля!..», «Как обнажаются судов тяжелые днища...», «Зверь в укротителе не должен чужьт мясо...», «Расти, дружок, и крепни понемножку...» — Впервые посмертно, в «Литературной газете», 1964, № 81, 9 июля, в цикле «Лирические эпиграммы. Из последней тетради».

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Нужна нам отвага...» — Впервые посмертно, в журнале «Пионер», 1964, № 12.

Печатается по сб. «Лирические эпиграммы».

«Существовала некогда пословица...», «Человек — хоть будь он трижды гением...», «Все умирает на земле и в море...», «К искусству нет готового пути...», «У ближних фонарей такой бездумный взгляд...», «Ведерко, полное росы...» — Впервые посмертно, в газете «Известия», 1964, № 161, 7 июля, в цикле «Лирические эпиграммы. Из последних стихов».

Печатаются по сб. «Лирические эпиграммы».

«Тебе пишу я этот дифирамб...» — Печатается по ясному черновому автографу из блокнота военных лет; датируется 1944—1945 годами.

«Чистой и ясной свечи не гаси...» — Печатается по автографу 1946 года.

«Вся жизнь твоя пошла обратным ходом...» — Печатается по ясному черновому автографу. Стихотворение, как и следующее за ним, написано в память младшего сына Маршака Якова, умершего от туберкулеза, в возрасте 21 года, 10 февраля 1946 года в Москве.

И, пробежав... пески степеней... — В годы войны младший сын с матерью жили в Алма-Ате, куда Маршак приезжал несколько раз.

Как в тот печальный вечер именин... — Имеется в виду день рождения сына 27 января, отмеченный в последний раз за две недели до его смерти.

«Не маленький ребенок умер, плача...» — Печатается по автографу 1946 года.

«Я знаю, что огромное число...» — Печатается по автографу конца 1940-х годов.

Памяти Михоэlsa. — Имеется 2 автографа; черновой, по всей вероятности, написан вскоре после похорон Михоэlsa. На это указывают слова: «Здесь я на днях встречал тебя живым», а также другие незаконченные и вычеркнутые строки.

Печатается по беловому автографу предположительно конца 1940-х годов.

Михоэls (настоящая фамилия Вовси) Соломон Михайлович (1890—1948) — еврейский советский актер. Народный артист СССР, с 1929 года художественный руководитель еврейского театра в Москве, общественный деятель.

«Под деревом — какая благодать!..» — Печатается по автографу тетради, с переводами сонетов Шекспира; датируется 1946—1947 годами, временем работы С. Маршака над сонетами.

Надпись на книге сонетов. — Печатается по автографу конца 1940-х годов.

«Меня волнует оклик этот вещей...» — В черновом автографе — часть стихотворения «Бой часов». Печатается по беловому автографу, где помечено цифрой I; под цифрой II стихотворение «На всех часах вы можете прочесть...», впервые опубликованное в 1950 году; датируется по этой публикации.

«Я гордая, я упрямая...» — Печатается по автографу. Написано вскоре после смерти жены поэта Софии Михайловны Маршак.

«Как лишний вес мешает кораблю...» — печатается по автографу, ранний вариант с заголовком «Драматургу». Датируется приблизительно 1954 годом.

Зимой в Москве — Печатается по автографу первой половины 1950-х годов.

Часы. — Печатается по автографу середины 1950-х годов. В черновом автографе в стихотворение введен опаздывающий на заседание бюрократ, часы которого

Всегда доказывать умени,
Что все не правы, а хозяин прав.

Была иной и последняя строфа:

Комедия в стихах иль драма в прозе
О стройке, о заводе, о колхозе,
Где правды нет, а есть блестящий лак...

«Мне был известен каждый пенёк...» — По словам сына поэта И. С. Маршака, стихотворение вызвано впечатлением подмосков-

ного пейзажа, который Маршак неоднократно наблюдал, находясь в санатории «Барвиха»; датируется примерно зимой 1954 года.

Печатается по автографу.

«Знает соловей, что северное лето...» — Сохранилось несколько черновиков стихотворения. Один из них с заголовком «Соловей и порт», здесь третья строка «Знает соловей, где комната порта»; второй черновик с пометой II; третий в блокноте вместе с стихотворениями «Не знаю, когда прилетел соловей» и «Расквакалась лягушечья семья». Возможно, Маршак предполагал три стихотворения, объединенные одной темой, опубликовать вместе.

Печатается по беловому автографу, на обороте которого сатирические стихи «Красные чернила», опубликованные в 1954 году, этим годом датируется стихотворение.

«Расквакалась лягушечья семья...» — Печатается по автографу с пометой III, предположительно датируется 1954 годом.

«Проходя морским каналом...» — Есть основания предполагать, что в стихотворении описано возвращение Маршака в Ленинград из Италии от А. М. Горького, где он был в 1933 году.

Печатается по автографу середины 1950-х годов.

...морским каналом — искусственное углубление Финского залива между Кронштадтом и Ленинградом.

...Знаменитая игла — шпиль на здании Адмиралтейства, выдающегося памятника архитектуры классицизма.

«Вошли с тобою мы на Садовой...» — В черновике название «Троллейбус».

Печатается по автографу приблизительно 1955 года.

«Я не смыкал часами ночью глаз...» — Печатается по автографу середины 1950-х годов.

«Шурша узорчатой шиной...» — Печатается по беловому автографу. На черновике есть помета секретаря Маршака: «15.XI—56».

«Ласкают дыханье и радуют глаз...» — Печатается по автографу 1957 года. Ранее в несколько измененном виде было частью стихотворения «Счастье» (см. стр. 106).

«Цените слух, цените зрение...» — В раннем автографе вместо двух последних строф одна:

И солнце даже не заметит,
Что в глубине каких-то глаз
На этой маленькой планете
Навеки свет его погас.

Печатается по беловому автографу конца 1950-х годов.

«Уже не долго ждать весны...» — Печатается по автографу конца 1950-х годов.

«Когда-нибудь, с течением веков...» — В раннем автографе озаглавлено: «Золотой век», здесь первая строка «Мне кажется, что в дальнем из веков...»; печатается по машинописи, правленной Маршаком. Датируется приблизительно 1958 годом.

«Если бы каждый, кто чем-то заведует...» — В черновике заголовок «Зав», после слова «...не вполне» следуют строки:

Тысячи судеб доверены мне,
Тысячи жизней, безвестных и новых,
С детства испытывать, строить готовых,
Может, за партией в шеренге ребят
Павлов, Толстой, Менделеев сидят,
Капица, Туполев иль Маяковский.
Эти ребята лукавы чертовски.
Может быть, выпадет честь шалуну
Первым ногой наступить на луну
Или вулканы на Марсе исследовать...
Будущим нашим я призван заведовать.

Печатается по автографу предположительно 1959 года.

Последний фонарь за оградой. — В одном из черновиков стихотворение заканчивается словами:

Но знаю, он близких моих сторожит,
Всю ночь неотлучен и верен.

...и б р а т а — младшего брата поэта Ильи Яковлевича Маршака (1895—1953), писателя, печатался под псевдонимом *М. Ильин*.

...и на камень щербатый. — Речь идет о памятнике, установленном на могиле жены поэта С. М. Маршак в 1957 году.

Печатается по автографу предположительно 1959 года.

«Все лучшее ты отдавала даром...» — Печатается по автографу, подписанному С. М., с посвящением: Т(амаре) Г(аббе). Написано в начале 1960 годов.

«Пароход компании «Россия»...» — Стихотворение автобиографично.

Екатерина Павловна — Екатерина Павловна Пешкова, жена А. М. Горького.

Печатается по автографу приблизительно 1960 года.

«Кто создает, тот мыслит щедро...» — Печатается по автографу, на обороте листа эпиграмма «Года четыре был я бессмертен», опубликованная в 1960 году, этим годом датируется стихотворение.

Надпись на камне. — Печатается по автографу, на обороте стихотворение «Полные жаркого чувства», опубликованное в 1960 году, датируется по этой публикации,

«Ты уже там, на другой стороне...» — Печатается по записи Л. К. Чуковской. Четверостишие Маршак прочел ей через несколько дней после похорон Т. Г. Габбе. Датируется 1960 годом.

...предсмертную муку... — о мужестве и терпении Т. Г. Габбе во время тяжелой и длительной болезни Маршак писал в статье «Сколько лет сказке» (т. 7 наст. изд.).

«Ты бойся долгих дней, когда пустой и мелкой...» — Печатается по автографу, на обороте отрывок статьи «Молодым портам», над которой порт работал в 1962 году, датируется по дате написания статьи.

Юность. — Печатается по автографу предположительно 1963 года.

«Я сижу на скамье у обрыва...» — Печатается по автографу, на обороте которого лирические эпиграммы, написанные в 1963 году. Датируется по этим стихам.

«Инкогнито к нам едет ревизор...» — Печатается по автографу, на обороте лирические эпиграммы, написанные в 1963 году, датируется по дате написания эпиграмм.

«Инкогнито к нам едет ревизор...» — перефразированная реплика Городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

«Должны учиться у природы...» — Печатается по автографу примерно 1963 года.

«Прославленный Василий Теркин твой...» — Печатается по автографу примерно 1963 года. Обращено к поэту А. Т. Твардовскому.

«Над городом осенний мрак навис...» — Печатается по автографу не раньше 1963 года. В черновике: «Над Ялтою осенний мрак навис».

«Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья...» — Печатается по автографу примерно 1963 года. Первая строка в черновике: «Бегут цепочкой в прошлое мгновенья...»

«Говорило яблоко...» — Печатается по автографу, на обороте отрывок черновика пьесы «Умные ведди». Маршак работал над пьесой в 1963 году, датируется по времени написания пьесы.

«Все мне детство дарило...» — Печатается по автографу примерно 1963 года.

«Исчезнет мир в тот самый час...» — Печатается по автографу, на обороте послание «Ученикам ялтинской школы № 7» с датой: «4.X.1963». Датируется по посланию.

К портрету. — Стихотворение посвящено памяти Т. Г. Габбе. Печатается по автографу, на обороте листа — черновик письма к английской писательнице Марчетт Чут с датой: «1963, Ялта, 5 окт.», датируется по письму.

«Владеет морем полная луна...» — Печатается по автографу примерно 1963 года.

«В искусстве с незапамятных времен...» — Печатается по автографу. Написано на одном листе с эпиграммой «Без музыки не может жить Парнас», опубликованной в 1964 году. Датируется этим годом.

«Свои стихи, как зелье...» — печатается по автографу примерно 1964 года.

«Все те, кто дышит на земле...» — Печатается по автографу. По словам И. С. Маршака, стихотворение написано поэтом за несколько дней до смерти.

1906 — 1914

Качели, В поезде. — Впервые в альманахе «Проталина», СПб. 1907, № 1, с посвящением: *Я. Годину*.

Печатаются по тексту альманаха.

Годин Яков Владимирович (1887—1954) — поэт, друг молодости Маршака.

«Утро. Море греет склоны...» — Впервые в еженедельнике «Киевская искра», 1910, № 32, 5 августа, вместе с стихотворением «В долинах ночь еще темнеет», под общим заголовком «В Крыму».

Печатается по автографу примерно 1961 года, где текст незначительно переработан и датирован.

«В долинах ночь еще темнеет...» — Впервые там же.

Печатается по тексту еженедельника.

«Мы сбились. Бродили по чащам густым...» — Впервые в журнале «Всеобщий ежемесячник», СПб. 1911, № 6.

Печатается по тексту журнала.

Гимназическая весна. — Впервые в журнале «Солнце России», 1911, июнь, № 31 (71), под названием «В гимназии», за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по автографу начала 1960-х годов, где указана дата написания и незначительно переработан текст.

Стихотворение написано по воспоминаниям об Острогжской гимназии, где Маршак учился с 1899 по 1902 год.

«Гимназическая весна» — одно из первых произведений, подписанных псевдонимом: *Д-р Фрикен*; этим псевдонимом Маршак пользовался более десяти лет. О происхождении его поэт сообщил в сатирическом стихотворении «Ответ», адресованном газете «Новое время» («Мой псевдоним придумал Пушкин...») («Биржевые ведомости», 1912, 15 июня). Действительно, в <«Набросках к замыслу о Фаусте»> А. С. Пушкина есть строка: «Вот доктор:Ф.,

наш приятель», в которой «доктор Ф.» советскими пушкиноведами прочитывается как доктор Фауст. Первый же издатель Собрания сочинений Пушкина П. В. Анненков само произведение назвал <«Наброски из неоконченной сатиры»>, а в подстрочной сноске осторожно высказывал предположение, что «доктор Ф.» — это доктор Фрикен, известный во времена Пушкина кишиневский врач (журнал «Вестник Европы», 1874, т. 1, стр. 25). Вслед за Анненковым издатели Собраний сочинений Пушкина уже смело вводили доктора Фрикена в текст «Наброска». Маршак, пользуясь изданиями сочинений Пушкина тех лет, возможно «Сочинениями А. С. Пушкина», под ред. П. А. Ефремова, 1882, т. 1 (книга сохранилась и поныне в библиотеке поэта), взял оттуда «Доктора Фрикена» для своего псевдонима.

Книга Руфь. — Стихотворное переложение ветхозаветной книги «Руфь», повествующей о жизни евреев в «эпоху судей» (XI в. до н. э.). Впервые в журнале «Еврейский мир», 1909, октябрь, с указанием месяца написания.

Печатается по тексту журнала.

Зимняя луна. — Впервые в журнале «Всеобщая иллюстрация», СПб. 1910, № 52.

Печатается по «V тому», где журнальный текст незначительно изменен.

«Рассвет за окнами нежданный...» — Впервые в «Новом журнале для всех», СПб. 1912, № 5, под названием «Рассвет». Печатается по автографу из английского блокнота приблизительно 1914 года, где заголовок снят, проведена незначительная правка, указана дата написания.

«Грущу о севере, о вьюге...» — Впервые во «Всеобщей газете», 1911, 28 декабря, № 823, за подписью: С. М.

Печатается по тексту газеты.

Путник, Звонари. — Впервые в журнале «Всеобщая иллюстрация», 1911, декабрь; первое стихотворение за подписью: М. Кучумов, второе: Уэллер.

По воспоминаниям сестры поэта Ю. Я. Маршак-Фейнберг, «Звонари» написаны были для домашнего журнала, авторами которого были Саша Черный, Яков Годин, сестры Маршака и др.

Печатаются по тексту журнала.

Чайки. — Впервые в «Новом журнале для всех», 1912, № 2. В раннем автографе указаны место и месяц написания. В эти дни, в 1911 году, поэт возвращался из поездки на Ближний Восток.

Печатается по «V тому», где журнальный текст незначительно исправлен.

«На кровлях тихих дач и в поле на земле...» — Впервые в «Неделе Современного слова», 1912, № 240, 12 ноября, под названием «Осеннее». Сохранилась вырезка из еженедельника, на которой рукой жены Маршака написано: «Лондон».

Печатается по тексту «V тома».

«Ни в чем заметной перемены...», Белая ночь. — Печатаются по датированным автографам.

«За лесом целый небосклон...», Галереи. — Печатаются по автографам (ИРЛИ, ф. 377, № 403, лл. 14 и 6), датируются 1908 годом, по письму Маршака к Венгерову, хранящемуся там же.

«Луна осенняя светла...» — Печатается по датированному автографу.

«Мы жили лагерем в палатке...» — Стихотворение, как и два следующие за ним, навеяно впечатлениями от поездок по Ближнему Востоку, куда Маршак был направлен корреспондентом «Всеобщей газеты» в мае 1911 года (корреспондентский билет хранится в архиве поэта).

Печатается по датированному автографу.

«Давно скитаюсь, — в пылкой радости...» — Печатается по тексту «V тома», датируется предположительно 1911 годом.

На север. — Стихотворение пронизано чувством ожидания встречи с Софией Михайловной Мильвидской, будущей женой поэта, с которой он познакомился в поездке по Ближнему Востоку.

Печатается по автографу конца 1911 года.

Поплавок на Неве. — Печатается по автографу не позже 1912 года.

«Я вышел в ночь. Ни звездочки единой...» — Ранний автограф в английском дневнике 30 марта 1914 года.

Печатается по «V тому».

«Луна ушла. Ее кочевья...» — Ранний автограф в английском дневнике 8 апреля 1914 года.

Печатается по «V тому».

«Она сидит у колыбели...» — Написано в 1914 году. 29 мая этого года у Маршака родился первый ребенок — дочь Натанель, трагически погибшая 16 ноября 1915 года.

Печатается по «V тому».

ИЗ НЕЗАВЕРШЕННОГО

«Запахло чугунной печкой...» — На раннем автографе авторская помета: Ноябрь, 1908. Печатается по черновому автографу 1940-х годов, где в третьей строке слово «Далекое» зачеркнуто.

«Подними чуть заметный, зеленый огонь...» — Сохранилось несколько черновых автографов, на одном из них название «Светляк», другой с датой: 1909. В 1912—1914 годах поэт возвращается к стихотворению и в несколько измененной редакции вносит его в свой английский блокнот. Стихотворение занесено в «V том». Во всех этих автографах тексты различны.

Печатается по автографу конца 1950-х годов.

Дождь до заката, капли на закате. — Ранние автографы хранятся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (альбом Э. Ф. Голлербаха с датой: 1910) и в ИРЛИ (Пушкинский дом, фонд Венгера). Два других черновых автографа находятся в архиве писателя.

Печатается по автографу предположительно 1950-х годов, где после слов «не подглядели» вычеркнута строфа:

Зарей кукушка куковала звонко
За речкой и за рощею еловой.
Склонилась ты, и выпала гребенка.
Мой бедный друг. Ресницы спят. Застыло слово.

Менделеев. — Написано предположительно в 1916 году. В это время Маршак вел работу в Воронежской губ. с беженцами прифронтовой полосы. «Судьба этих беженцев, — писал он, — всецело зависела от добровольной общественной помощи. Помню одно из воронежских зданий, в котором разместилось целое местечко. Здесь нары были домами, а проходы между ними — улочками» («О себе», т. 1 наст. изд.).

Печатается по черновому автографу, не имеющему окончательной авторской редакции.

На полях автографа иное начало:

Там было много беженцев,
И малых и старых.
По шестеро, по семеро
Лежали на нарах.

Две последующие строфы также имеют другую редакцию.

Текст дается в чтении комиссии по литературному наследию.

«После яркого вокзала...» — Ранний автограф с датой: 19 авг. 1922 г. В эти дни Маршак с семьей возвращался из Краснодара в Петроград.

Печатается по черновому автографу 1940-х годов, в котором слова «Вернешься ты» зачеркнуты.

«Подоткну мне одеяло...» — Печатается по черновому, местами стершемуся, карандашному автографу из блокнота военных лет, где есть автограф стихотворения «Ночная птица», опубликованного в 1945 году; датируется по этой публикации.

Замысел стихотворения возник, по всей вероятности, в тот период, когда Маршак работал над переводами английских поэтов, и прежде всего Шекспира. Возможно, что в основе стихотворения лежит вымышленный эпизод из детства Шекспира. На это указывают строки:

Четыре века протекло. — Шекспир родился в 1564 году.

Стоит все тот же серый дом — дом в г. Стратфорде-на-Эйвоне, родине Шекспира.

Для чего родиться надо, // Если надо умереть. — Строки отдаленно перекликаются с монологом Гамлета «Быть или не быть?», выражающим раздумья о жизни и смерти.

Ник — в Англии народное название черта.

Надпись на книге. — Стихотворение написано в 1949 году к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Об этом говорят строки раннего черновика с заголовком «Наследство»:

И тот, чей славный день рожденья
Сегодня празднует народ,
Не стал для нас далекой тенью,
Встречая юбилейный год...

Печатается по автографу позднего происхождения, не имеющему окончательной авторской редакции. Предлагаемый текст дается в чтении комиссии по литературному наслeдству. В автографе есть иная редакция второй строфы:

Меж колыбелью и могилой
Мы все проходим путь такой.
От строф «Руслана и Людмилы»
До трех ключей в степи мирской.

Прохладный ключ в степи мирской — перефразировка строк из стихотворения А. С. Пушкина «В степи мирской, печальной и безбрежной...».

«Когда холмы, поля, луга...» — Печатается по черновому автографу приблизительно 1950 года, где на полях несколько вариантов отдельных строк. Текст дается в чтении комиссии по литературному наслeдству.

«Кто морю возвратил тепло и свет?..» — Печатается по автографу, не имеющему окончательной авторской редакции. Текст

дается в чтении комиссии по литературному наслeдству. В автографе восьмая строка имеет еще два варианта: «Осенний день царит в дубравах рыжих» и «На нижних склонах осень в рощах рыжих». Датируется по черновику (на обороте листа) перевода Бернса «Три вывески», опубликованного в 1953 году.

«Выехали за город ночью с большими чемоданами...» — Ранний автограф хранится в фонде Венгерова (ИРЛИ, Пушкинский дом), датируется 1908 годом.

Печатается по черновому автографу 1950-х годов, где на полях — варианты отдельных строк и слов. Текст дается в чтении комиссии по литературному наслeдству.

«Есть такой небольшой городок...» — Стихотворение автобиографично.

Печатается по черновому автографу, предположительно 1954 года, когда Маршак закончил и опубликовал автобиографический цикл «Из книги «Начало века». Текст дается в чтении комиссии по литературному наслeдству.

...небольшой городок. — Имеется в виду г. Острогжск, где поэт провел детство (см. «В начале жизни», т. 6 наст. изд.).

«Вспоминаю этот вечер давний...» — Стихотворение тесно связано с стихотворением «Выехали за город ночью с большими чемоданами...» (см. стр. 276).

Печатается по незаконченному черновому автографу первой половины 1950-х годов.

В темноте укачивая брата — младшего брата поэта Илью Яковлевича Маршака.

После дождя. — Печатается по черновому автографу, внизу листа стихотворение «Сколько раз пытался я ускорить...», опубликованное в 1955 году; датируется по этой публикации. Текст окончательной авторской редакции не имеет. Печатается в чтении комиссии по литературному наслeдству. На полях рукописи — два варианта одной и той же, видимо, третьей строфы, один из них дается в основном тексте, второй приводится ниже:

Земля была французская, чужая,
А этот дождь казался мне родным,
И думал я: земля не знает мая
Здесь, под асфальтом ровным и сплошным.

Большой Париж казался мне иным. — В Париже Маршак был дважды — в 1933 году, проездом из Италии от М. Горького, и в 1955 году, возвращаясь из Англии.

СТИХИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

1941—1961

В поход! — Впервые в газете «Правда», 1941, № 173, 24 июня; в сб. «Часы на башне», 1948, «Молодая гвардия», под названием «В первый день войны», с датой: 22 июня 1941 года.

Печатается по машинописи конца 1950-х годов, где стихотворение сокращено и датировано.

Суворовцы-чапаевцы (Плакат). — Впервые на плакате, изд. «Искусство», М. — Л. 1941.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Четверка дружная ребят. — Впервые в газете «Пионерская правда», 1941, № 81, 10 июля.

Д. Б. Кабалевский в 1941 году написал музыку на стихотворение.

Печатается по сб.: С. Маршак, Сказки. Песни. Загадки, Гослитиздат, Л. 1944.

Детский дом в Ельне. — Впервые в газете «Известия», 1941, № 230, 28 сентября.

Печатается по тексту газеты.

Боевое прощанье. — Впервые в газете «Правда», 1941, № 277, 6 октября, под названием «Памяти героев».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Зимний плакат. — Впервые в газете «Вечерняя Москва», 1943, 9 января, как заключительная строфа стихотворения «Родной мороз нам будет другом»; почти одновременно в сб. «Новый год» (1943, Детгиз) как заключительная строфа стихотворения «Помни». В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, с авторской датой: 1941. В сб. «Избранное», 1964, под названием «Плакат 1941-го года».

Печатается по тексту сб. «Сатирические стихи», 1964.

Лозунги к сбору теплых вещей для фронта. — Первый лозунг впервые напечатан на почтовой открытке 1942 года; второй, третий, четвертый — в газете «Казахстанская правда», 1942, 15 января; пятый — в газете «Казахстанская правда», 1942, 11 января.

Печатаются по перечисленным изданиям.

Железный плакат. — Впервые в газете «Правда», 1942, № 99, 9 апреля, без названия.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1959.

Отомсти (Плакат). — Впервые в газете «Правда», 1942, № 200, 19 июля.

Печатается по тексту газеты.

Мать. — Впервые в газете «Правда», 1942, № 212, 31 июля. Первопечатный текст имел эпиграф: «...Еще мы видели, что даже невозможно передать словами: среди этих шагающих смертников шла мать с грудным восьмимесячным ребенком...» (П. Соинов, Действующая армия, полевая почта № 802).

Печатается по сб.: С. Маршак, Часы на башне, изд. «Молодая гвардия», 1948.

Колосок (Плакат). — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1942, № 181, 4 августа.

Печатается по тексту газеты.

Подарки бойцам (Плакат). — Впервые в «Окнах ТАСС», 1942, № 562, 30 сентября, под названием «Мать».

Печатается по тексту «Сборник стихов», Гослитиздат, М. 1943.

Баллада о пятнадцати. — Впервые в газете «Казахстанская правда», 1942, 7 ноября, под названием «Пятнадцать отважных», с подзаголовком «Баллада».

Печатается по сб. С. Маршак, Сказки. Песни. Загадки, Гослитиздат, Л. 1944.

Новогодний тост. — Впервые в газете «Правда», 1942, 31 декабря.

Печатается по тексту газеты.

Январский день. — Впервые в газете «Правда», 1943, 21 января.

Печатается по сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952.

Мальчик из села Поповки. — Впервые в журнале «Фронтальная иллюстрация», 1943, № 2, 22 января.

Печатается по тексту журнала.

Дон и Волга (Плакат). — Впервые в сб. «Стихи. 1941—1946».

Печатается по тексту сборника.

Смоленск 1812—1943. — Впервые в газете «Московский большевик», 1943, № 228, 26 сентября.

Печатается по тексту газеты.

Путь славы. — Впервые в газете «Красная звезда», 1943, № 227, 25 сентября.

...битва под Полтавою. — Имеется в виду сражение под Полтавой 27 июля 1709 года между русскими и шведскими войсками, закончившееся победой русских.

От побоища Мамаева. — Речь идет о битве русских войск 8 сентября 1380 года, завершившейся полной победой русских над монголо-татарскими завоевателями.

Печатается по тексту газеты.

Лесорубам (Плакат). — Впервые в сб. «Стихи и рассказы», изд. «Искусство», М. — Л. 1943.

Печатается по тексту сборника.

Часы на башне. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 2, 2 января, под названием «Часы идут»; в сборниках Маршака под названиями: «Ленинградские часы», «Пулковские часы», «Время за нас», «Баллада о часах».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Ленинградское кольцо (Плакат). — Впервые в сб. «Черным по белому». Посвящено прорыву ленинградской блокады.

Печатается по тексту сб. «Сатирические стихи», 1964.

Все пути ведут в Берлин. — Впервые в «Окнах ТАСС», 1944, № 1001, 21 июня.

Печатается по газете «Пограничник-фронтовик», 1944, 22 июня, с авторской датой: «Москва, 5 июня 1944 г.»

Тигр и козленок. (Подпись к фотографии). — Впервые в журнале «Красноармеец», 1944, № 20.

Печатается по тексту журнала.

Гроном гремит над Москвою салют... — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1944, № 253, 24 октября.

Печатается по тексту газеты.

Годовщина Октября. — Впервые в журнале «Пионер», 1944, № 10.

Печатается по тексту журнала «Краснофлотец», 1944, № 21—22.

Огни над Москвой. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 77, 31 марта.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Да будет свет. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 103, 30 апреля. В последующих переизданиях стихотворение сокращено.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Москва — в огнях, Берлин — в огне. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 99, 26 апреля, под названием «Возмездие».

Печатается по сб. «Избранное», 1947.

Победа. — Впервые в газете «Вечерняя Москва», 1945, № 107, 9 мая.

Печатается по тексту газеты.

Баллада о памятнике. — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1946, № 19, 21 января.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Дворец пионеров в Ленинграде. — Впервые в журнале «Костер», 1947, № 3, март, под названием «Дворец пионеров на Фонтанке».

Печатается по сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952,

Наш герб. — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1947, № 263, 7 ноября.

Печатается по Сочинениям, т. 2.

Знамя. — Впервые в газете «Правда», 1949, 21 января, под названием «Наше знамя». В сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952, под названием «Ленин», с первой строкой «У Кремля в гранитном Мавзолее...». В сб. «Сказки. Песни. Загадки», Детгиз, 1955, с первой строкой:

Над гранитным сводом Мавзолея,
Осенья земли и моря,
Как заря рассветная, алая,
Полыхает знамя Октября.

Печатается по кн. «Старше моря, выше леса», Детгиз, 1962.

11 + 46. — Впервые в «Литературной газете», 1949, № 99, 10 декабря.

Печатается по тексту газеты.

Последний день лета. — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1950, № 208, 1 сентября, под названием «Счастливого пути». В сборниках Маршака печаталось также под названиями: «Школьники», «Начало пути».

Печатается по кн. «Старше моря, выше леса», Детгиз, 1962.

Встреча. — Впервые в сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952.

...прилетел Назым Хикмет. — В 1951 году турецкий поэт Назым Хикмет (1902—1963), после продолжительного тюремного заключения на родине, поселился в Советском Союзе.

Наш старый друг. — Назым Хикмет в 1921—1924 годах учился в Москве, в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в 1927 году он снова посетил Советский Союз.

Печатается по первой публикации.

Год рождения 1950. — Впервые в журнале «Дружные ребята», 1952, № 3.

Печатается по сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952.

Колыбельная. — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 3, как девятая часть кантаты «На страже мира». На текст кантаты композитором С. С. Прокофьевым написана музыка. За ораторию «На страже мира» С. С. Прокофьеву была присуждена Государственная премия.

Печатается по автографу 1963 года.

Из кантаты «На страже мира». — Впервые в журнале «Новый мир», 1950, № 3, как шестая часть кантаты. В 1955 году Маршак

несколько переработал текст. В 1963 году по просьбе работников Всесоюзного радио поэт снова вернулся к произведению, еще раз провел стилистическую правку.

Печатается по автографу 1963 года.

Море в степи. — Впервые в «Литературной газете», 1952, № 134, 4 ноября.

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Тракторист. — Впервые в журнале «Новый мир», 1952, № 12.

Печатается по Сочинениям, т. 2.

Маленький сталинградец. — Впервые в журнале «Советская женщина», 1953, № 1, в сопровождении цветной фотоиллюстрации, изображающей спящего младенца.

Печатается по тексту журнала.

День ребенка. — Впервые в «Литературной газете», 1957, № 66, 1 июня.

Печатается по тексту газеты.

Песня о двух ладонях. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 32, 4 августа.

Печатается по Сочинениям, т. 2.

Случай в Москве. — Впервые в газете «Известия», 1957, № 191, 11 августа. Написано в связи с проходившим в Москве в 1957 году Всемирным фестивалем молодежи и студентов.

Печатается по тексту газеты.

Разговор с внуком. — Впервые в «Литературной газете», 1957, № 126, 19 октября.

Печатается по Сочинениям, т. 2.

Рождения год сороковой. — Впервые в журнале «Звезда», 1957, № 11.

...Разряженный Гостиный двор — торговые ряды в Петербурге. Гостиный двор построен в 1761—1785 годах, здание его служило образцом для торговых рядов в провинции.

Сеноторговцев буйный рынок — рынок на Сенной площади в Петербурге, где с 1730-х годов крестьяне окрестных деревень торговали сеном.

Печатается по тексту журнала.

Они вернулись. — Впервые в газете «Правда», 1959, № 189, 8 июля.

Печатается по тексту газеты.

«Здравствуй, Месяц Месяцovich!» — Впервые в газете «Правда», 1959, № 258, 15 сентября.

...Сказки дедушки Ершова — писатель Ершов П. П. (1815—1869), автор популярной сказки «Конек-Горбунок» (1834).

«Здравствуй, Месяц Месяцovich! // Я — Иванушка Петрович...» — слова из сказки «Конек-Горбунок».

Печатается по тексту газеты.

Воздушная колыбельная. — Впервые в газете «Известия», 1959, № 264, 6 апреля.

Печатается по сб. «Карусель», изд. «Молодая гвардия», М. 1962.

«Преодолев столетий косность...» — Впервые в журнале «Знамя», 1959, № 12.

Печатается по тексту журнала.

12.IV—1961 г. — Впервые в журнале «Знамя», 1961, № 5.

Печатается по тексту журнала.

Латвийским друзьям. — Впервые в газете «Советская Латвия», 1961, № 133, 7 июня.

Печатается по тексту газеты.

Облава. — Печатается по автографу конца 1941 года.

Московские голуби. — Печатается по автографу, датируется предположительно 1950 годом.

«От имени множества матерей...» — Стихотворное переложение письма, с которым С. Маршак, проф. Г. Сперанский, Д. Шостакович, И. Эренбург обратились через «Литературную газету» (1956 г., 9 октября) к правительству с просьбой отменить в законодательном порядке существующее положение, при котором детям, рожденным в незарегистрированном браке, в метрическом свидетельстве в графе «отец» ставился прочерк.

Печатается по автографу 1956 года.

В афинской тюрьме. — Печатается по автографу 1952 года. В черновиках стихотворение называется: «Ребенок в тюрьме», «Баллада о ребенке в тюрьме».

Никос Белояннис (1915—1952) — деятель греческого рабочего движения, с 1934 года коммунист, в 1951 году был четвертый раз арестован и заключен в тюрьму. В марте 1952 года казнен.

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

1937—1963

Акула. — Впервые в газете «Пионерская правда», 1938, № 143, 20 октября, как часть стихотворения «Акула, гнева и волк», напечатанного с подзаголовком «Сказка для маленьких и больших».

11 марта 1942 года Маршак писал жене: «В американском журнале «New Masses and Statesman» помещены в переводе мои

стихи «Акула, гиена и волк» (т. 8 наст. изд.). В новой редакции в сб. «Сатирические стихи», 1964.

Печатается по тексту сборника.

Новогодняя речь в парламенте 31 декабря 1938 года. — Впервые в журнале «Крокодил», 1938, № 36, декабрь, под названием «Гость».

Сумрачный Вестминстер — английский парламент (палата общин и палата лордов).

Спикер — в Англии — председатель палаты общин.

Чемберлен Невилл (1869—1940) — премьер-министр Англии, проводил политику сговора с фашистскими агрессорами: в сентябре 1938 года подписал Мюнхенское соглашение и англо-германскую декларацию о ненападении.

Галифакс Эдуард (1881—1959) — с 1938 по 1940 год министр иностранных дел Англии, сторонник Чемберлена.

Бенито Муссолини (1883—1945) — глава фашистской партии и фашистского правительства Италии.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Вся Европа. — Впервые в газете «Известия», 1941, № 177, 29 июля.

Риббентроп Иоахим (1893—1946) — в 1938—1945 годах министр иностранных дел фашистской Германии.

Геббельс Иозеф Пауль (1897—1945) — в годы второй мировой войны руководил всем пропагандистским аппаратом Германии.

Дорио Жак (1898—1945) — французский политический деятель, ренегат рабочего движения; в годы второй мировой войны вступил в «Легион французских добровольцев против большевиков».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

«Арапские» сказки немецкого верховного командования, или Тысяча и одна ложь. — Впервые в газете «Правда», 1941, № 219, 9 августа, под названием «Арапские сказки немецкого верховного командования».

Печатается по тексту сб. «Урок истории».

«Людоед-вегетарианец», или «Две стороны одной медали». — Впервые в газете «Правда», 1941, № 221, 11 августа.

Печатается по тексту сб. «Урок истории».

Фашистская псарня. — Впервые в газете «Правда», 1941, № 224, 14 августа.

Антонеску Йон (1882—1946) — в 1940—1944 годах военно-фашистский диктатор Румынии.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867—1951) — в 1941—1944 годах главнокомандующий финской армии.

Печатается по сб. «Урок истории».

Сапоги. — Впервые в «Окнах ТАСС», 1941, № 158, 30 августа. Печатается по сб. «Урок истории».

Юный Фриц, или Экзамен на аттестат «зверости». — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1941, № 206, 2 сентября, под названием «Аттестат «зверости», в этом же году в «Окнах ТАСС», № 307, 10 декабря.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Партизанский плакат. — Впервые в газете «Правда», 1941, № 250, 9 сентября.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

В немецкой жертвецкой. — Впервые в газете «Казахстанская правда», 1941, № 284, 30 ноября.

Печатается по сб. «Урок истории».

Бешеные. — Впервые в «Окнах ТАСС», 1942, № 243, 7 февраля.

Печатается по сб. «Урок истории».

Для милого дружка и сережка из ушка. — Впервые в газете «Правда», 1942, № 49, 18 февраля.

Паразит на паразите (Плакат). — Впервые в «Окнах ТАСС», 1942, № 408, 27 февраля. *Пятна крови.* — Впервые в газете «Правда», 1942, № 187, 28 марта.

Печатаются по сб. «Урок истории».

Стыд и дым. — Впервые в «Окнах ТАСС», 1942, № 501, 20 июня.

Печатается по этой публикации.

О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гитлера сегодня. — Впервые в газете «Правда», 1942, № 173, 22 июня.

Печатается по сб. «Урок истории».

Надписи на посылках в действующую армию. — Впервые первые две надписи в журнале «Знамя», 1942, кн. 7.

Печатаются по тексту журнала. Остальные надписи печатаются по автографу 1942 года.

«НЕ» и «НИ» — Впервые в «Учительской газете», 1942, № 35, 27 августа.

Печатается по Сочинениям, т. 2.

О русском городе и немецком подполковнике. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 38, 7 февраля.

Первопечатный текст имел эпиграф: «В делах взятого нами в плен бывшего начальника немецкого гарнизона в г. Великие Луки подполковника фон Засс оказался документ, свидетельствующий о том, что Гитлер обещал своему подполковнику назвать Великие Луки его именем, если он удержит город в своих руках. (Из газет)».

Печатается по сб. «Коротко, но ясно», М. 1948, 6-ка «Крокодила».

Водяное лечение (Плакат). — Впервые в «Окнах ТАСС», 1943, № 653, 11 февраля, без названия.

Печатается по сб. «Черным по белому».

Счастливое предзнаменование. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 50, 19 февраля.

Печатается по тексту газеты.

Роммелевский марш. — Впервые в газете «Пионерская правда», 1943, № 23, 9 июня.

Ехал к Нилу... был британцами разбит. — Генерал-фельдмаршал Роммель (1891—1944) с февраля 1941 года командовал немецкими экспедиционными войсками в Ливии. 3 ноября 1942 года 8-я английская армия, находившаяся в Египте, нанесла решающий удар по немецким дивизиям.

Печатается по сб. «Черным по белому».

Война, как таковая. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 147, 11 июня.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1959.

Весна... Выставляется первая рама. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 155, 19 июня.

«Весна! Выставляется первая рама...» — заглавная строка стихотворения А. Майкова (1854).

...общинники Лавалья — Лаваль Пьер (1883—1945), реакционный французский политический деятель, фашист, предатель французского народа, один из главарей режима «Виши», фашистского прогитлеровского режима во Франции в 1940—1944 годах.

Печатается по тексту газеты.

«Все врут календари». — Впервые в журнале «Красноармеец», 1943, № 12.

«Все врут календари» — реплика Хлестовой из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

Печатается по сб. «Черным по белому».

Новые приключения Макса и Морица. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 166, 3 июля, под названием «Макс и Мориц».

Макс и Мориц — персонажи широко популярной повести в стихах «Макс и Мориц» немецкого поэта, юмориста и художника Вильгельма Буша (1842—1908).

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Смотреть запрещается. — Впервые в газете «Правда», 1943, № 250, 9 октября.

Печатается по тексту газеты.

Испанский маскарад. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 41, 17 февраля, под названием «Волшебное превращение».

Печатается по сб. «Черным по белому».

Коллекционер паспортов. — Впервые в журнале «Крокодил», 1944, № 8.

Печатается по сб. «Капут!».

Битый битого стережет. — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по тексту сборника.

Слухи в Германии. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 117, 15 мая.

Печатается по тексту газеты.

О Лавале и его печали. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 138, 9 июня.

Лаваль — см. прим. к стих. «Весна... Выставляется первая рама».

Петен Анри-Филипп (1856—1951) — в годы второй мировой войны глава правительства, 22 июня 1940 года заключил Компьенское перемирие с фашистской Германией на тяжелых и унижительных для Франции условиях.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Геббельс — Гитлеру после вторжения союзных армий. — Впервые в сб. «Черным по белому», под названием «Геббельс — Гитлеру после англо-американского вторжения».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Немцы приветствуют... — Впервые в газете «Комсомольская правда», 1944, № 137, 10 июня.

Печатается по тексту газеты.

Парад Алле! — Впервые в журнале «Крокодил», 1944, № 32.

Печатается по тексту журнала.

Последние итоги, или Дитмар в тоге. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 215, 7 сентября.

Триари — тяжело вооруженные кадровые пехотинцы в легионах Древнего Рима, составляли резерв, вводились в бой в самую решительную минуту.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Недомовременный «дот» (Подпись к рисунку). — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по тексту сборника.

За что казнили немецкую машинистку? — Впервые в газете «Красный воин», 1944, № 200, 21 сентября, одновременно в журнале «Крокодил», 1944, № 34—35, под названием «Слово не воробей».

Печатается по сб. «Черным по белому».

Конечный маршрут. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 229, 23 сентября.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

«Укоротишь — не воротишь». — Впервые в газете «Правда», 1944, 11 октября.

Печатается по сб. «Капут!».

У вора восточной Пруссии (Плакат). — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Вид на Москву и обратно. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 267, 6 ноября.

Печатается по сб. «Капут!».

«Записки из Мертвого дома». — Впервые в газете «Правда», 1944, № 282, 24 ноября.

«Записки из Мертвого дома» — произведение Ф. М. Достоевского (1860).

Печатается по тексту газеты.

Дурное воспитание. — Впервые в газете «Правда», 1944, № 293, 7 декабря, под названием «Невольное признание».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Загадка и отгадка (Подпись к рисунку). — Впервые в сб. «Черным по белому».

Печатается по тексту сборника.

Новогодний подарок. 1945 год. — Впервые в газете «Московский большевик», 1945, № 1, 1 января.

Печатается по тексту издания: «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952.

Разговор ефрейтора с генеральским мундиром. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 46, 23 февраля, под названием «Ночь перед судом (разговор ефрейтора со своим генеральским мундиром)».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1959.

Сколько весит Квислинг? — Впервые в сб. «Капут!».

К в и с л и н г Видкун (1887—1945) — лидер норвежских фашистов. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией, жестоко расправлялся с норвежскими патриотами. В октябре 1945 года по приговору норвежского суда расстрелян. Имя Квислинга стало нарицательным для предателей и палачей народа.

Печатается по тексту сборника.

Безработные палачи. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 65, 17 марта, под названием «Гаулейторы без работы». Первопечатный текст имел эпиграф: «В одном из городов Баварии состоялось совещание гаулейторов восточных областей Германии. На совещании обсуждался вопрос о дальнейшем использовании освободив-

шихся гаулейторов и других нацистских деятелей... (Из газет)». При переизданиях Маршак значительно сократил стихотворение.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Безбилетные пассажиры, или Международные зайцы. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 80, 4 апреля.

Печатается по тексту газеты.

Гегбельс и природа. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 92, 18 апреля.

Печатается по тексту газеты.

Берлинская эпиграмма. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 100, 27 апреля. Первопечатный текст имел эпиграф: «На одном из берлинских домов масляной краской написан фашистский лозунг: «1918 год не повторится». Надпись зачеркнута и мелом сверху начертано: «Я в Берлине. Сидоров». («Правда», 26 апреля)».

Год восемнадцатый не повторится ныне... — имеется в виду капитуляция кайзеровской Германии в конце 1918 года.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Живой групп. — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по тексту сборника.

Из котла в котел. — Впервые в «Литературной газете», 1945, 1 мая.

Печатается по тексту газеты.

«Беспокойный покойник» (Надгробная надпись). — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по тексту сборника.

Роковая ошибка ефрейтора. — Впервые в газете «Гудок», 1945, № 77, 24 июня, под названием «Год 1941... И год 1945».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

На привале (Подпись к рисунку). — Впервые в газете «Советское искусство», 1945, № 26, 29 июня, как текст к рисунку Кукрыниксов, изображающему группу советских писателей и художников, сидящих на гробе с надписью: «Здесь покоятся бывшие объекты: Гитлер, Гегбельс, Геринг, Гиммлер и К^о».

Печатается по тексту газеты.

Берлин и Токио. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 191, 11 августа.

Печатается по сб. «Капут!».

Перед судом. — Впервые в газете «Правда», 1945, № 251, 20 октября, под названием «Гесс без памяти».

Рудольф Гесс (1894) — на Нюрнбергском процессе приговорен к пожизненному заключению, которое отбывает с 1946 года.

Печатается по сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1952.

Капитуляция с КРУПной спекуляцией. — Впервые в сб. «Капут!».

Печатается по тексту сборника.

Последняя линия обороны. — Впервые в сб. «Капут!», под названием «Последняя линия немецкой обороны».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

1946. — Впервые в газете «Правда», 1946, № 1, 1 января, под названием «Последняя цифра».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Мысли вслух. — Впервые в «Литературной газете», 1947, № 43, 4 октября.

В архиве Маршак сохранилось несколько черновых автографов стихотворения под названиями: «Об американцах», «Об американских президентах», датированных 1947 годом. На полях одного из них написано: «Посол США заявил протест по поводу того, что один из советских журналистов отозвался недостаточно лестно о мистере Трумэне».

Вашингтон Джордж (1732—1799) — первый президент США (1789—1797).

Линкольн Авраам (1809—1865) — президент США с 1861 года. В 1865 году был смертельно ранен агентом плантаторов и нью-йоркских банкиров Бутсом.

Смит Адам — посол США в СССР.

...что мистер... — имеется в виду президент Трумэн.

Печатается по тексту газеты.

Не стая воронов... — Впервые в «Литературной газете», 1947, № 46, 15 октября.

Печатается по тексту газеты.

Холодный дом. — Впервые в «Литературной газете», 1949, № 104, 28 декабря.

Первопечатный текст имел эпиграф: «Английская газета «Рейнольдс ньюс» опубликовала сообщение о продаже с аукциона дома Диккенса «Блик хауз» («Холодный дом»), в котором он написал «Давида Копперфильда». Сообщение это помещено в отделе мелкой хроники».

При перепечатке стихотворения в сборниках Маршак снял эпиграф и первые десять строк:

Прочли мы в маленькой заметке,
Что в зоопарке, в птичьей клетке,
Недавно вывелся пингвин;
Что на торжественном обеде
Самоотверженные леди
Отведали тринадцать вин,

Что пудель получил в наследство
Весьма значительные средства...
И тут же сказано о том,
Что продан диккенсовский дом...

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Двенадцать стульев. — Впервые в «Литературной газете», 1950, № 23, 18 марта.

...маршалловский план — план экономического и политического закабаления монополиями США европейских государств под видом оказания им экономической помощи. Получил свое название по имени государственного секретаря США Дж. Маршалла, который выдвинул его в 1947 году. Советский Союз и страны социалистического лагеря отвергли этот план.

Печатается по тексту газеты.

Бомбы и бомбоньерки. — Впервые в «Литературной газете», 1950, № 45, 3 июня, под названием «В защиту детей», в Сочинениях, т. 2, под названием «Игрушечка».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Еще одна трагедия Шекспира. — Впервые в «Литературной газете», 1950, № 48, 14 июня.

«Шекспир — и несть ему конца» — название статьи Иоганна Вольфганга Гете, написанной в 1813—1816 годах.

Печатается по тексту газеты.

Голливуд и Гайавата. — Впервые в газете «Известия», 1950, № 220, 15 сентября, где эпиграфом к стихотворению взято сообщение из американских газет о том, что «Голливудская «Монограм филм компани» решила прекратить съемку фильма по поэме Лонгфелло «Песнь о Гайавате», опасаясь, что «фильм о жизни и подвигах Гайаваты может быть истолкован, как призыв к миру, что на руку коммунистам».

Лонгфелло Генри (1807—1882) — американский поэт; на основе сказаний индейского народа создал поэму «Песнь о Гайавате» (1855).

Гайавата — вождь индейского племени ирокезов (XV век), объединивший в прочный союз несколько враждовавших племен.

«Из долин Тавазэнта... Трубки Мира» — отрывок из поэмы «Песнь о Гайавате» в переводе И. А. Бунина.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Распродажа. — Впервые в «Литературной газете», 1952, № 79, 1 июля. Стихотворение входило во многие сатирические сборники Маршака.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Как спасти человечество от человечества. — Впервые в газете «Правда», 1953, № 7, 7 января, под названием «Проповедник смерти».

Печатается по тексту Сочинений, т. 2.

Стихи о стихах, которые взбудоражили парламент. — Впервые в журнале «Крокодил», 1953, № 6.

Печатается по тексту журнала.

Карл и карлик. — Впервые в газете «Правда», 1954, № 8, 9 января.

Карл Великий (742—814) — завоеватель, покоривший почти всю Западную Европу; в 800 году коронован папой как римский император.

Аденауэр Конрад (1876—1968) — канцлер ФРГ с 1949 по 1963 год.

Печется о вермахте — о вооруженных силах ФРГ.

Карл Лысый (823—877) — король Франции, его попытка присоединить германские земли не удалась. Добившись от папы титула императора, реальной императорской власти не получил.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Симеоны без короны. — Впервые в журнале «Огонек», 1955, № 30, под названием «Симеоны и короны».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Баллада о медном генерале (посвящается Эмрису Хьюзу). — Впервые в газете «Правда», 1959, № 164, 13 июня. По словам сына поэта — И. С. Маршака, стихотворение написано под впечатлением разговора с Эмрисом Хьюзом, сообщившим, что из африканских стран — бывших колоний Англии — в Лондон привозят скульптурные памятники генералов и других завоевателей, установленные когда-то англичанами в столицах этих государств.

Эмрис Хьюз — см. прим. к стих. «На родине Бернса».

Китченер Горадий Герберт (1850—1916) — английский фельдмаршал. В 1886—1888 годах генерал-губернатор Восточного Судана. В 1895—1898 годах в качестве командующего английскими войсками в Египте руководил жестоким подавлением восстания в Судане (Махдистов восстание).

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Фюрер на стенке. — Печатается впервые по машинописи 1940-х годов.

Африканский визит мистера Твистера. — Печатается впервые по автографу 1963 года.

Сынам Алабамы, расистам. — Алабама — южный штат США.

М е р е д и т — студент-негр, демонстративно, под охраной посещал занятия в расистском университете.

1908 — 1923

Жалоба. — Впервые в журнале «Сатирикон», 1908, № 15, СПб., за подписью: *Д-р Фрикен*. Об этой ранней публикации Маршак писал: «Одно из первых моих стихотворений, помещенных в «Сатириконе» («Жалоба»), было эпиграммой на переводчиков того времени, когда у нас печаталось много переводов из французской, бельгийской, скандинавской, мексиканской, перуанской и всяческой другой поэзии... Только лучшие поэты того времени заботились о качестве своих переводов» (т. 1 наст. изд., «О себе»).

Печатается по тексту сб. «Избранное», 1964.

Н а н а — роман французского писателя Э. Золя (1840—1902).

Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт; *Верлен Поль* (1844—1896) — французский поэт; *Метерлинк Морис* (1862—1949) — бельгийский драматург; *Шолом Аш* (1880—1957) — еврейский писатель, родился в России, в 1914 году эмигрировал в США.

Разговор двух дам (в годы реакции). — В архиве сохранилась вырезка из газеты «Киевские вести», 1910, без указания месяца и числа.

...а з е ф ч и к и... — от Азефа Евно Фишелевича (1869—1918), провокатора, одного из организаторов партии эсеров.

Печатается по «V тому».

Дача. — Впервые в журнале «Солнце России», 1911, № 28, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по тексту журнала.

В городском сквере. Из весенних мотивов. — Впервые в журнале «Солнце России», 1912, № 18, апрель, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по тексту журнала.

Эдил, разреши... — Впервые в газете «Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1912, № 12887, 14 апреля.

Э д и л — древнегреческий царь, согласно легенде, победивший сфинкса решением трех предложенных ему загадок; в переносном смысле тот, кто легко распутывает сложные житейские узлы.

И будок ряд на берегу... — купальни, строившиеся вдоль берега моря.

Освободители искусства. — Впервые в газете «Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1912, № 13070, 1 августа, за подписью: *Д-р Фрикен.*

Печатается по тексту газеты.

Война и театр. — Впервые в газете «Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1914, № 14531, 29 декабря, за подписью: *Д-р Фрикен.*

Он взял патент на славу и «позор»... — Дальский Мамонт Викторович (1865—1918) — артист Александринского театра. С 1900 года перешел на положение гастролера. Его выступления в годы первой мировой войны показали упадок его дарования. «Он громыхал своим трагическим баритоном, выставляя на вид плохую методику игры и малые остатки великого вдохновения» (Кугель А. Р., Театральные портреты, 1923, стр. 172).

...старый Кукольник... — Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868), писатель, автор реакционных, ходульно-патриотических драм.

...жён-премьер — сценическое амплуа.

...немецкий «чемодан» — так называли в русской армии снаряды немецких крупнокалиберных орудий.

Печатается по тексту газеты.

Ананасы всмятку. Перевод из Игоря Северянина. — Пародия на стихотворение И. Северянина «Ананасы в шампанском». Впервые в газете «Петроградский курьер», 1915, № 380, 14 февраля, Пгр., за подписью: *Уэллер.*

Игорь Северянин (1887—1941) — поэт, провозгласивший себя главой поэтической группы «эгофутуристов».

История русского футуризма. От Игоря до наших дней. — Впервые в газете «Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1915, № 14846, 16 мая, за подписью: *Д-р Фрикен.*

«Послушайте, я вам скажу про старину...» — слова «Из эпиграммы (на Карамзина) (1816)» А. С. Пушкина.

«Она сошла с крутого тарантаса...» — из стихотворения И. Северянина «Ландо, трамвай и... извозчик» («Альманах новых портов «Вантик», Пгр. 1915, «Венера»).

Виноградов, Толмачев — поэты-«эгофутуристы».

Маринетти Филиппо Томмазо (1876—1944) — итальянский писатель. Создатель и теоретик футуризма в европейской литературе и искусстве.

Армия спасения. — Впервые в журнале «Аргус», 1917, № 4, Пгр., с подзаголовком: «Из путевой тетради «По Англии», за подписью: *Юмореска Д-ра Фрикена.*

Маршак с женой в 1913 году совершили путешествие по югу Англии. В архиве сохранился стихотворный дневник путешествия с 20 июля по 6 августа, частью его является «Армия спасения».

Печатается по тексту журнала.

Армия спасения — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 году, в Лондоне, священником Бутсом; в 1878 году была реорганизована по военному образцу; пользовалась и пользуется широкой поддержкой финансовых и промышленных кругов. С 1880 года Армия спасения проводит свою деятельность и вне Англии, в ряде европейских стран, в США.

Петлюра и Версальский конгресс. — Впервые в газете «Утро Юга», 1919, 27 июня, № 140, Екатеринодар, под названием «Петлюра и конгресс», за подписью: *Д-р Фрикен*, с эпиграфом: «Петлюра обратился к Клемансо с письмом, в котором потребовал от мирного конгресса немедленного признания Украины. (Из газет)».

Вернувшись к стихотворению более чем через сорок лет, Маршак от текста первой, гораздо более пространной редакции, оставил лишь первую строфу, несколько изменив ее. Приводим первопечатный текст:

Пан Петлюра сдвинул брови,
Свой затылок почесал
И, подумав, Клемансові
Ультиматум написал.
В лаконическом посланье
Генерал без лишних слов
Властно требовал признанья
От министров и послов.
Был конгресс весьма взволнован,
Вскрыв полученный пакет,
И тотчас же был готов он
Дать просителю ответ.
Но не мог при всем желанье, —
Ибо храбрый генерал
Местожителства в посланье
Своего не указал.
Где скрывается он ныне?
Средь украинских степей,
На Десне, иль на Волини,
Или в Жмеринке своей?
В Перемышле иль во Львове,
Или где-нибудь в пути —
В чистом поле иль дуброве
Можно след его найти?
Здесь, как волк, Григорьев рыщет,
Тут царят большевики,
Там — поляки... кто отыщет
Директории полки?

Горделивое желанье
Обсудил на днях конгресс,
И кочевнику в признание
Отказал он наотрез.
Оттого что не единый
Член Совета Четырех
Самостийной Украины
На земле найти не мог.
Если нет у директорий
Ни двора и ни кола,
Ни людей, ни территорий,
Значит, плохи их дела!

Версальский конгресс. — Имеется в виду Парижская Мирная конференция, созданная после первой мировой войны державами-победительницами (работала с 18 января 1919 по 21 января 1920 г.) для выработки мирных договоров с побежденными странами. Председателем на конференции был французский премьер-министр Клемансо.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Писатели-конквистадоры. — Впервые в газете «Утро Юга», 1919, № 248, 6 ноября, за подписью: *Д-р Фрикен*.

...конквистадоры — испанские и португальские завоеватели XV—XVI веков, порабовавшие и истреблявшие индейцев.

Габриэль д'Аннунцио (1863—1938) — реакционный итальянский писатель.

...Взятие Фиуме. — Фиуме — город на берегу Адриатического моря, входил в состав Австро-Венгрии. В октябре 1918 года был оккупирован итальянцами. По Мирному договору 1919 года, город, вопреки притязаниям итальянских империалистов, был оставлен вне Италии. Непосредственно после этого итальянские фашистские отряды во главе с Габриэлем д'Аннунцио захватили город.

Винниченко В. К. (1880—1951) — украинский писатель, буржуазный националист; вместе с Петлюрой в 1918—1919 годах возглавлял Директорию — национал-социалистическое правительство Украины.

Символическое распоряжение. — Впервые в газете «Утро Юга», 1919, № 249, 7 ноября, г. Екатеринодар, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по тексту газеты.

Политический Дон-Жуан. — Впервые в газете «Парус», 1919, № 47, 22 декабря, г. Ростов-на-Дону, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Струве Петр Берягардович (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, один из лидеров партии кадетов. В 90-х годах — представитель легального марксизма, выступал с «крити-

кой» экономического и философского учения К. Маркса, стремился приспособить марксизм и рабочее движение к интересам буржуазии. Струве был одним из теоретиков и организаторов либерально-монархического «Союза освобождения» (1903—1905). С образованием в 1905 году партии кадетов — член ее ЦК. После Октябрьской социалистической революции — ярый враг Советской власти. Входил в контрреволюционное правительство Врангеля.

...«Великая Россия» — белогвардейская газета монархистов, издавалась с конца 1918 по март 1920 года в Екатеринодаре.

Печатается по тексту газеты.

Страсть к путешествию (К бегству белых с Кубани). — Впервые в газете «Утро Юга», 1920, № 19, 22 января, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по тексту газеты.

Реформа театра (Диспут). — Впервые в журнале «Жизнь искусства», 1923, № 1, за подписью: *Д-р Фрикен*.

Печатается по тексту журнала.

СО Р ИЗ ИЗ БЫ

Разговорчивая семья, или Басня про Ивановых. — Впервые в журнале «Крокодил», 1940, № 13, июль.

Печатается по тексту журнала.

Когда отходят поезда на Петушки. — Впервые в газете «Гудок», 1945, № 37, 25 марта.

Печатается по тексту газеты.

Басенка о Васеньке. — Впервые в журнале «Крокодил», 1947, № 26, 30 сентября, с подзаголовком «Для больших и маленьких». Включалось во многие сборники Маршака.

Печатается по сб. «Сказки. Песни. Загадки», Детгиз, М. 1962.

Начинающему поэту. — Впервые в «Литературной газете», 1949, № 38, 11 мая, в цикле «Литературные эпиграммы».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Поправка. — Впервые в журнале «Крокодил», 1950, № 23, 20 августа, под названием «Редактору «Пролетарской правды» (г. Калинин).

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Кукушка. — Впервые в «Литературной газете», 1950, № 94, 12 октября, под названием «Еще одна кукушка».

Печатается по сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1955.

Великий немой. — Впервые в журнале «Крокодил», 1952, № 4, в интервью: «Крокодил в гостях у писателя С. Я. Маршака».

После переработки в сб. «Стихи. Сказки. Переводы», кн. 1, 1955, где первые строки:

Молчанье в критике царит
По части детской книжки.

Печатается по тексту «Учительской газеты», 1957, № 127, 24 октября.

О гвоздях. — Впервые в журнале «Крокодил», 1952, № 11, 20 апреля, под названием «Никаких гвоздей», с эпиграфом, где говорится, что описанный в стихотворении случай происходил в г. Черновицы (УССР). Перепечатано в «Учительской газете», 1957, № 127, 24 октября; здесь дописаны две последние строфы.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Баня. — Впервые в журнале «Крокодил», 1952, № 19.

Печатается по тексту журнала.

Столочеловек. — Впервые в журнале «Знамя», 1953, № 10.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Кандидаты в кандидаты. — Впервые в журнале «Знамя», 1953, № 10.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Новая сказочка про дедку и репку. — Впервые в журнале «Крокодил», 1954, № 23, под названием «Еще о репке (Сказка для больших)». Для сборника «Сатирические стихи», 1964, стихи были несколько переработаны.

Печатается по тексту сборника.

Бывает и так. — Впервые в журнале «Крокодил», 1954, № 32.

Но так как скоро будет съезд. — Имеется в виду Второй Всесоюзный съезд писателей; состоялся в декабре 1954 года.

Печатается по тексту журнала.

Лирик. — Впервые в журнале «Крокодил», 1954, № 33.

Печатается по тексту журнала.

Страшный сон. — Впервые в журнале «Крокодил», 1955, № 3.

Печатается по тексту журнала.

Зубная боль. — Впервые в журнале «Крокодил», 1955, № 20.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Чемодан. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 45.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Как маленькая свинка стала большой свиньей. Обыкновенная история. — Впервые в журнале «Огонек», 1956, № 45, под названием «Как свинка стала свиньей. Обыкновенная история».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Сказочка про маму, дочку и прохожих. — Впервые в журнале «Огонек», 1957, № 32.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Говорящий попугай. — Впервые в журнале «Крокодил», 1957, № 24, 30 августа.

Печатается по тексту журнала.

Переводчику. — Впервые в газете «Говорит Москва», орган парткома, месткома, комитета ВЛКСМ, Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР, 1958, № 1, 22 марта, как заключительная строфа стихотворения «Журналисту».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Дачник-обличитель. — Впервые в кн. «День русской поэзии», 1958, «Советская Россия».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1959.

О кострах, ребятах и козлах рогатых. — Впервые в журнале «Крокодил», 1959, № 11.

Печатается по тексту журнала.

В защиту детей. — Впервые в журнале «Огонек», 1960, № 18.

Печатается по тексту журнала с исправлениями по авторской машинописи.

О подхалимах-хамелеонах. — Впервые в журнале «Крокодил», 1962, № 1.

Печатается по тексту журнала.

О литпарадах. — Впервые в журнале «Крокодил», 1962, № 14, как последняя строфа стихотворения «Литпарад».

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Неуголимая жажда. — Впервые там же.

Печатается по тексту журнала.

Как живут неоклассики. — Впервые там же.

Печатается по тексту журнала.

О юбилее. — Впервые в газете «Литература и жизнь», 1962, № 132, 4 ноября. Стихотворение явилось шуточным ответом на поздравление Маршака правлением Союза писателей РСФСР в связи с его семидесятипятилетием. Текст поздравления напечатан в том же номере газеты. Печатается по тексту газеты.

Чего бы вам хотелось еще? — Впервые в «Курортной газете», 1962, № 218, 3 ноября, Ялта. В газете, в статье «Юбилей поэта», указывается, что Маршак, уезжая из Ялты, незадолго до юбилея «оставил для редакции... написанное им недавно стихотворение».

Печатается по тексту газеты.

«Говорила мышка мышке...» — Впервые в газете «Правда», 1963, № 139, 19 мая.

Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Деду-Морозу. — Впервые в журнале «Крокодил», 1963, № 36. Печатается по тексту журнала.

«На свете жил вагон моторный...» — Печатается по автографу начала 1950-х годов.

«Он говорит красно, как пишет...» — Печатается по автографу начала 1950-х годов.

Басня. — Печатается по автографу примерно 1950 года.

Сказочка наших дней. — Печатается по автографу конца 1950-х годов.

«Куда девать нам переводчиков?..» — Написано перед III Всесоюзным съездом писателей, когда дискутировался вопрос о приеме переводчиков в члены союза.

Лаптев Юрий Григорьевич, Пермяк Евгений Андреевич — писатели, выступавшие в то время против приема переводчиков в Союз писателей (см. статью Е. Пермяка «О переводчиках» в «Литературной газете», 1959, 10 февраля).

Печатается по автографу 1959 года.

Старуха и внук. — Печатается по автографу начала 1960-х годов.

«Зачем не на страницах «Крокодила»...» — Печатается по автографу начала 1960-х годов.

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЙ, ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ, ЭПИГРАММ И ЭКСПРОМТОВ

Качалову. — Впервые в «Ежегоднике МХАТ 1948», т. 2, М. 1951. Написано к 70-летию В. И. Качалова (11 февраля 1945 г.). В раннем автографу первая строфа:

Под гул орудий — не под звон бокалов
Тебя сегодня чествует страна.
Да здравствует искусство и Качалов,
Советского театра старшина.

В автографу позднего происхождения есть строфа, не вошедшая в первую публикацию:

Ты говорил нам голосом Эгмонта,
И этот голос в общем торжестве
Звучал тогда, когда, вернувшись с фронта,
Прошел народ, ликую, по Москве.

Качалов Василий Иванович (1875—1948) — народный артист СССР, артист Московского Художественного академического театра имени А. М. Горького.

...в горьковском «На дне». — С 1902 года Качалов играл Барона.

...Вершининым шагал ты... — В пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд № 14-69» с 1927 года Качалов играл Вершинина.

...студентом русским... — С 1904 года в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» Качалов играл студента Трофимова.

Печатается по тексту «Ежегодника».

Театру кукол С. В. Образцова. — Впервые в журнале «Крокодил», 1957, № 30. Печатается по сб. «Сатирические стихи», 1964.

К моему портрету, «Дорогому» портному. — Впервые там же, под общим заголовком «Из сатирической тетради».

Печатаются по сб. «Сатирические стихи», 1964.

Рине Зеленой. По случаю юбилея. — Впервые там же.

Печатается по тексту журнала.

Зеленая Рина Васильевна (1902) — эстрадная актриса.

Александре Яковлевне Бруштейн. — Впервые в «Учительской газете», 1957, № 127, 24 октября, под общим заголовком «Дружеские эпиграммы». Печатается по тексту газеты.

Бруштейн А. Я. (1884—1968) — драматург.

Шток Исидор Владимирович (1908), Штейн Александр Петрович (1906) — драматурги.

Погодин Николай Федорович (1900—1962) — драматург, журналист.

Корнейчук Александр Евдокимович (1905) — драматург, общественный деятель.

Послание семидесятипятилетнему К. И. Чуковскому от семидесятилетнего С. Маршака. — Впервые там же. Печатается по беловому автографу 1957 года, где текст значительно расширен.

Чуковский К. И. (1882—1969) — писатель, детский поэт, литературовед, переводчик.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910) — литературный критик и историк литературы.

Чарская (псевдоним Лидии Алексеевны Чуриловой; 1875—1937) — дореволюционная писательница. Ее повести для детей и юношества слащаво-сентиментальные, проникнутые духом шовинизма и фальшивой героики, посвящены, главным образом, жизни закрытых женских учебных заведений. К. И. Чуковский в 1912 году выступил с резкой критикой произведений Чарской (К. И. Чуковский, Собр. соч., т. 6, «Художественная литература», М. 1969).

...родился «Крокодил» — популярная сказка К. И. Чуковского, впервые опубликована под названием «Ваня и Кроко-

диз) (Приложение к журналу «Нива» — «Для детей», №№ 1—12, 1917).

Художнику Юрию Алексеевичу Васнецову к 60-летию — Впервые в газете «Советская культура», 1960, № 36, 24 марта.

Васнецов Юрий Алексеевич. (1900) — художник, иллюстратор многих детских книг Маршака.

Печатается по тексту газеты.

Расулу Гамзатову. — Впервые в «Литературной газете», 1963, № 27, 2 марта.

Гамзатов Расул (1923) — народный поэт Дагестана.

*Газава*т — у мусульман священная война за неприкосновенность веры и политической независимости.

Печатается по тексту газеты.

Сергею Владимировичу Михалкову <К пятидесятилетию> — Впервые в «Литературной России», 1963, № 11, 15 марта.

Михалков С. В. (1913) — писатель, поэт, драматург.

Сергею Городецкому. — Впервые в «Литературной газете», 1964, 21 января. Написано к 80-летию поэта. Печатается по тексту газеты.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — поэт, оперный либреттист.

Рецензенту, писавшему под псевдонимом «Кто-то близкий». — Впервые в сб. «Сатирические стихи», 1964.

Печатается по тексту сборника.

Максу Поляновскому. — Впервые в журнале «Огонек», 1964, № 25, 14 июня, в заметке М. Поляновского «Где это видано, где это слышано».

В своих стихах предугадал... — С. Я. Маршак имеет в виду свое стихотворение «Мельник, мальчик и осел» (см. т. 2, наст. Собр. соч., стр. 13).

Печатается по тексту журнала.

Поляновский Макс Леонидович (1901) — журналист.

«Экспромт» — Печатается по «V тому». Написано в 1930-х годах.

Писателю Бывалову. Надпись на книге. — В автографе, рукой И. С. Маршака, со слов поэта записано: «30-е годы. Бывалов сказал, обращая ко мне: «Вы теперь, конечно, не будете с нами знакомы. Вы стали теперь великим, а я — человек маленький».

Бывалов Евгений Сергеевич (1875—1943), литературный псевдоним Зюйд-Вест — ленинградский писатель.

Печатается по «V тому».

Николаю Макаровичу Олейникову. — Печатается по «V тому», где есть дата: Ленинград, 30-е годы.

Олейников Н. М. (1875—1942) — ленинградский поэт, в 1930-х годах редактор детских журналов «Еж» и «Чиж». «Был это человек яркого таланта... Себя он называл «Макаром Свириным», печатал выдуманные приключения этого псевдонима в Африке» (И. Рахтанов, Рассказы по памяти, М. 1966).

Театру имени Евг. Вахтангова. — Написано к двадцатилетию театра. Датой его основания принято считать 13 ноября 1921 года, когда студия Вахтангова официально открылась спектаклем «Чудо святого Антония» Метерлинка. В 1926 году студия получила название «Театра имени Евг. Вахтангова».

...«Принцесса Турандот»... — Пьеса по сказке Гоцци, поставленная в 1922 году, явилась этапом в истории театра. Пародийное истолкование сюжета сказки дало возможность создать спектакль, проникнутый оптимизмом, радостью жизни, творческой изобретательностью.

Печатается по автографу.

Народному певцу Нурпеису Байганину в ответ на его песню. — К 55-летию Маршака Н. Байганин (1860—1945), народный акын-импровизатор, заслуженный деятель искусств Казахской ССР, написал 6 ноября 1942 г. песню: «Маршаку». (Н. Байганин, Собр. соч. на казахском языке, Алма-Ата, 1956). Маршак приезжал в это время в Алма-Ату к жене и младшему сыну, эвакуированным из Москвы, где и написал ответ Байганину.

Джамбул Джабаев (1846—1945) — народный певец Казахстана, автор песен, героических поэм, сказок.

Печатается по автографу 1942 года.

Софии Михайловне Маршак. Надпись на книге переводов из Роберта Бернса в шелковом переплете. — Печатается по автографу 1948 года.

Алексею Дмитриевичу Сперанскому. Надпись на книге «Избранное». — Написано к 60-летию Сперанского в 1948 году.

Сперанский А. Д. (1888—1961) — патофизиолог, академик с 1939 года, ученик И. П. Павлова.

Печатается по автографу.

Алеше Сперанскому. — Печатается по автографу, датированному секретарем Маршака 1949 годом.

Сперанский Алексей Иммануэлевич (1937) — внук поэта. *Академику Е. В. Тарле* (К 75-летию). — Печатается по автографу 1950 года.

Тарле Евгений Викторович (1875—1955) — историк, академик, автор трудов по истории Франции, международных отношений и внешней политике России.

...о каждом Карле и о Людовике... — имена многих французских королей, а также королей других западноевропейских стран.

Тамаре Григорьевне Габбе. Надпись на книге «Кошкин дом». — Печатается по автографу, с авторской датой — 16.X—54 г. Габбе Т. Г. — см. прим. на стр. 648.

С. Н. Сергееву-Ценскому (К юбилею). — Печатается по автографу, датированному автором. Написано к 80-летию писателя.

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875—1958) — русский советский писатель, академик.

Товарищам по оружию. — Написано в 1957 году к 25-летию творческого сотрудничества Кукрыниксов — художников: М. В. Куприянова, П. Н. Крылова, Н. А. Соколова — в «Правде».

Печатается по автографу.

К спектаклю «Виндзорские насмешницы» в театре Моссовета. — Написано к премьере спектакля в 1957 году (шел под названием «Веселые насмешницы» в переводе С. Маршака и М. Морозова).

Печатается по автографу.

Корнею Ивановичу Чуковскому. — Печатается по автографу 1957 года, где вместо даты указано место написания: ул. Грановского. Маршак в это время лежал в больнице.

Тебя терзали много лет// Сухой педолог-буквоед... — Педологи, последователи реакционной буржуазной науки, в конце 20-х и начале 30-х годов пытались влиять на детскую литературу тех лет. В защиту литературы и ведущих ее деятелей С. Маршака, К. Чуковского выступал М. Горький (см. его статью «Человек, чьи уши заткнуты ватой». — Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25). Маршак нередко защищал Чуковского от нападок педологов. Так, будучи в Москве, он добивался разрешения на выпуск в свет книг Чуковского. 28 марта 1928 года Маршак писал об этом жене: «Вчера целый день был занят Чуковским... Был у Менжинской... Около часа разговаривал с Крупской, все книги прошли, за исключением «Чудо-дерева» (т. 8 наст. изд.).

Георгию Нестеровичу Сперанскому. — Написано 24 июня 1957 года, в день, когда Сперанскому, действительному члену Академии медицинских наук было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Сперанский Г. Н. (1872—1969) — крупнейший советский педиатр.

Печатается по автографу.

Борису Ефимовичу Галанову. (Надпись на книге «Сказки. Песни. Загадки» в «Золотой библиотеке»). — Печатается по авто-

графу 1958 года. <Надпись на книге «Веселые путешествия от «А» до «Я»>. — Печатается по автографу 1963 года.

Галанов (Галантер Б. Е.; 1914) — критик, журналист. Автор книги «С. Я. Маршак. Очерк жизни и творчества».

Елизавете Яковлевне Тараховской. — Печатается по автографу 1958 года.

Тараховская Е. Я. (1895—1968) — детская писательница.

К. И. Чуковскому. <Надпись на книге «Сатирические стихи»>. — Печатается по автографу с датой: 28 марта 1960 года.

«Порой врага опасней скучный друг...» — Печатается по машинописи, правленной Маршаком. Датируется 1961 годом, по первой публикации книги И. Спивака.

Сергею Образцову <К 60-летию>. — Печатается по автографу.

Образцов Сергей Владимирович. (1901) — артист, режиссер театра кукол, театральный деятель.

К. И. Чуковскому («Вижу: Чуковского мне не догнать»). — Печатается по автографу 1960-х годов.

На деревню дедушке. — Печатается по автографу 1960-х годов.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Надгробный памятник С. Я. Маршаку на Новодевичьем кладбище в Москве. Скульптор *Н. Нико-
зосян*.
2. «Избранная лирика». 1962 г. Шмудтитул худож-
ника *В. Пикова*.
3. С. Я. Маршак и София Михайловна Мильвидская
незадолго до свадьбы. 1911 г.
4. «Избранная лирика». 1962 г. Шмудтитул к разделу
стихов, посвященных жене поэта, С. М. Маршак.
Гравюра художника *В. Фаворского*.
5. «Незнакомый полустанок. Поезд из виду исчез...»
Иллюстрация художника *В. Лебедева*.
6. Лирические эпиграммы. Супербложка художника
Д. Бисти.
7. С. Я. Маршак с художниками Кукрыниксами в годы
Великой Отечественной войны.
8. Суворовцы-чапаевцы. Плакат художников *Кукры-
никсов* 1941 г.
9. Партизанский плакат. Художники *Кукрыниксы*.
1941 г.
10. Урок истории. Обложка художников *Кукрыниксов*.
1942 г.
11. Из стихов о войне и мире. 1952 г. Иллюстрация
художника *В. Лебедева*.
12. С. Я. Маршак в своем кабинете 16 июня 1964 г.
(последняя фотография).

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

1941—1964

«Все то, чего коснется человек...»	7
«Бывало, в детстве под окном...»	8
«Вот однокрылая сосна...»	9
«И поступь и голос у времени тише...» . . .	10
Встреча в пути	11
«Цветная осень — вечер года...»	12
Дождь	13
«Декабрьский день в моей оконной раме...»	14
«Когда, изведав трудности ученья...» . . .	15
«Как птицы, скачут и бегут, как мыши...» .	16
Часы	17
Звезды в окне	18
Словарь	19
«Где вилотную, высок и суров...»	20
«Не знает вечность ни родства, ни пле- мени...»	21
Надпись на книге переводов	22
«Время любви тяжело, если даже несут его двое...»	23
«Дорого вовремя время...»	24
Летняя ночь на севере	25
Пешеход	27
Дон-Кихот	28
После праздника	29

Корабельные сосны	30
«Замерзший бор шумит среди лазури...»	31
Голос в лесу	32
Лес	33
Пушкинская дубрава	34
Пушкин	35
«О ней поют порты всех веков...»	36
«Незнакомый полустанок...»	37
Вчера я видел	38
Гроза ночью («Грянул ночью гром весен- ний...»)	39
1616—1949	40
В поезде («Очень весело в дороге...»)	41
«На всех часах вы можете прочесть...»	43
«Мы знаем: время растяжимо...»	44
«Нас петухи будили каждый день...»	45
Ландыш	46
«Солнышко»	47
Гроза ночью («Мгновенный свет и гром впо- тьмах...»)	48
Гром в городе	49
«Какие гости в комнате моей!...»	50
«Я прохожу по улицам твоим...»	51
«Когда мы попадаем в тесный круг...»	52
«Когда вы долго слушаете споры...»	53
«Пустынный двор, разрезанный оврагом...»	54
«Скрипели возы по дорогам...»	55
Меры веса	56
Владимир Стасов	57
Начало века	64
Молодой Горький	66
Шалапин	68
Ялта	70
«Грянул гром неожиданно, наобум...»	72
«О том, как хороша природа...»	73
«Вечерний лес еще не спит...»	74
«Как поработала зима!...»	75
«Текла, извивалась, блестела...»	76
«Сколько раз пытался я ускорить...»	77
«Дана лишь минута...»	78
«Даже по делу спеша, не забудь...»	79
Бор	80
На родине Вернса	81

Доброе имя. Памяти писателя Шолом Алейхема	83
Начало дня	85
В дороге	86
«Не знаю, когда прилетел соловей...» . . .	88
«В полутьме я увидел: стояла...»	90
«Апрельский дождь прошел впервые...» . . .	91
«Столько дней прошло с малолетства...» . . .	92
«Неужели я тот же самый...»	93
Игра	94
«Колышутся тихо цветы на могиле...»	96
«Как призрачно мое существование!...» . . .	97
«Когда забрезживший рассвет...»	98
В лондонском парке	99
«Морская ширь полна движенья...»	100
«Я помню день, когда впервые...»	101
«Как хорошо, что с давних пор...»	102
«Ты много ли видел на свете берез?...» . . .	103
«Быстро дни недели пролетели...»	104
«Нет, нелегко в порядок привести...»	105
Счастье	106
«Сегодня старый ясень сам не свой...» . . .	107
Пожелания друзьям	108
Роберту Бернсу	109
«В столичном немолкнушем гуде...»	112
«Порой часы обманывают нас...»	113
«Возраст один у меня и у лета...»	114
«Когда, как темная вода...»	115
Эпитафия	116
Последний сонет	117
«Чудес, хоть я живу давно...»	118
«Года четыре был я бессмертен...»	119
«Полные жаркого чувства...»	120
«Бывало, полк стихов маршировал...»	121
«Ветер жизни тебя не тревожит...»	122
Надпись на урне	123
«Люди пишут, а время стирает...»	124
«Трепал сегодня ветер календарь...»	125
Рассвет в Финляндии	126
Марине Цветаевой	127
«Дождись, порт, душевного затишья...» . . .	128
«Пусть будет небом верхняя строка...» . . .	129
«За несколько шагов до водопада...»	130
«Только ночью видишь ты вселенную...» . . .	131

«Мы принимаем все, что получаем...» . . .	132
«Питает жизнь ключом своим искусство...»	133
«Над прошлым, как над горною грядой...» . .	134
«Красиво пишет первый ученик...»	135

Из путевой тетради

I. «Как быстро палящее солнце зашло...» . .	136
II. «Должно быть, ветер понемножку...» . .	137
«Старик Шекспир не сразу стал Шекспи- ром...»	138
«О том, что жизнь — борьба людей и рока...»	139
«Четыре строчки источают яд...»	140
«Насвистывая песню, почтальон...»	141
«Читатель мой особенного рода...»	142
«Человек ходил на четырех...»	143
«Стояло море над балконом...»	144
«Небо. Море...»	145
Чудо из чудес	146
Разговор с малиновкой	147
Ночной костер	148
«Так много ласточек летало...»	149
Жаворонок	150
«Свиньи, склонные к бесчинству...»	151
«Власть безграничная природы...»	152
«Старайтесь сохранить тепло стыда...» . . .	153
«Сменялись в детстве радугой дожди...» . .	154
«Немало книжек выпущено мной...»	155
«Искусство строго, как монетный двор...» . .	156
«Пушай стихи, прочитанные просто...» . .	157
«Как зритель, не видевший первого акта...» .	158
О рифме и прочем	159
О моде	160
«Как ни цветиста ваша речь...»	161
«Стебли трав, пробившись из земли...» . . .	162
«Он взрослых изводил вопросом «Почему?»...»	163
«И час настал. И смерть пришла, как дело...»	164
«Мы любим в детстве получать подарки...» .	165
«У Пушкина влюбленный самозванец...» . .	166
«Дыхание свободно в каждой гласной...» . .	167
«Сон сочиняет лица, имена...»	168
«Пушай бегут и после нас...»	169
«Не погрузится мир без нас...»	170
«Ни сил, ни чувств для ближних не щади...»	171

«Без музыки не может жить Парнас...» . . .	172
«Ты меришь лестницу числом ее ступеней...»	173
«Как вежлив ты в покое и в тепле...» . . .	174
«Определять вещам и людям цену...» . . .	175
«Как хорошо проснуться утром дома...» . . .	176
«Березка тонкая, подросток меж берез...» . . .	177
«О чем твои стихи?...»	178
«Не для того, чтоб жить, он ест и пьет...»	179
«Да будет мягким сердце, твердой — воля!...»	180
«Как обнажаются судов тяжелых днища...»	181
«Зверь в укротителе не должен чують мясо...»	182
«Раста, дружок, и крепни понемножку...»	183
«Нужна нам отвлага...»	184
«Существовала некогда пословица...»	185
«Человек — хоть будь он трижды гением...»	186
«Все умирает на земле и в море...»	187
«К искусству нет готового пути...»	188
«У ближних фонарей такой бездумный взгляд...»	189
«Ведро, полное росы...»	190
«Тебе пишу я этот дифирамб...»	191
«Чистой и ясной свечи не гаси...»	192
«Вся жизнь твоя пошла обратным ходом...»	193
«Не маленький ребенок умер, плача...» . . .	194
«Я знаю, что огромное число...»	195
Памяти Михорьса	196
«Под деревом — какая благодать!...»	198
Надпись на книге сонетов	199
«Меня волнует оклик этот вещий...»	200
«Я гордая, я упрямая...»	201
«Как лишний вес мешает кораблю...»	202
Зимой в Москве	203
Часы	204
«Мне был известен каждый певь...»	205
«Знает соловей, что северное лето...»	206
«Расвакалась лягушечья семья...»	207
«Проходя морским каналом...»	208
«Вошли с тобою мы на Садовой...»	209
«Я не смыкал часами ночью глаз...»	210
«Шурша узорчатую шиной...»	211
«Ласкают дыханье и радуют глаз...»	212
«Цените слух, цените зренье...»	213
«Уже недолго ждать весны...»	214

«Когда-нибудь, с течением веков...»	215
«Если бы каждый, кто чем-то заведует...» . . .	216
Последний фонарь за оградой	218
«Все лучшее ты отдавала даром...»	219
«Пароход компании «Россия»...»	220
«Кто создает, тот мыслит щедро...»	221
Надпись на камне	222
«Ты уже там, на другой стороне...»	223
«Ты бойся долгих дней, когда пустой и мел- кой...»	224
Юность	225
«Я сижу на скамье у обрыва...»	226
«Инкогнито к нам едет ревизор...»	227
«Должны учиться у природы...»	228
«Прославленный Василий Теркин твой...» . . .	229
«Над городом осенний мрак навис...»	230
«Мелькнув, уходят в прошлое мгновенья...»	231
«Говорило яблоко...»	232
«Все мне детство дарило...»	233
«Исчезнет мир в тот самый час...»	234
К портрету	235
«Владеет морем полная луна...»	236
«В искусстве с незапамятных времен...» . . .	237
«Свои стихи, как зелье...»	238
«Все те, кто дышит на земле...»	239

1906—1914

Качели	240
В поезде («Где-то мы настигнули...»)	241
«Утро. Море греет склоны...»	242
«В долинах ночь еще темнеет...»	243
«Мы сбились. Бродили по чащам густым...»	244
Гимназическая весна	245
Книга Руфь	246
Зимняя луна	248
«Рассвет за окнами неожиданный...»	249
«Грущу о севере, о вьюге...»	250
Путник	251
Звонари	252
Чайки	253
«На кровлях тихих дач и в поле на земле...»	254
«Ни в чем заметной перемены...»	255

Белая ночь	256
«За лесом целый небосклон...»	257
Галереи	258
«Луна осенняя светла...»	259
«Мы жили лагерем в палатке...»	260
«Давно скитаюсь, — в пылкой радости...»	262
На север	263
Поплавок на Неве	264
«Я вышел в ночь. Ни звездочки единой...»	265
«Луна ушла. Ее кочевья...»	266
«Она сидит у колыбели...»	267

Из незавершенного

«Запахло чугунной печкой...»	268
«Подними чуть заметный зеленый огонь...»	269
Дождь до заката, капли на занате	270
Менделе	271
«После яркого вокзала...»	273
«Подоткни мне одеяло...»	274
Надпись на книге	276
«Когда холмы, поля, луга...»	277
«Кто морю возвратил тепло и свет?...»	278
«Выехали за город ночью с большими чемоданами...»	279
«Есть такой небольшой городок...»	281
«Вспоминаю этот вечер давний...»	284
После дождя	286

СТИХИ О ВОЙНЕ И МИРЕ

1941—1961

В поход!	289
Суворовцы-чапаевцы	290
Четверка дружная ребят	291
Детский дом в Ельне	293
Боевое прощанье	294
Зимний плакат	295
«Лозунги к сбору теплых вещей для фронта»	296
Железный плакат	298
Отомсти!	299

Мать	300
Колосок	301
Подарки бойцам	302
Баллада о пятинадцати	303
Новогодний гост	305
Январский день	306
Мальчик из села Поповки	307
Дон и Волга	308
Смоленск 1812—1943	309
Путь славы	310
Лесорубам	311
Часы на башне	312
Ленинградское кольцо	314
Все пути ведут в Берлин	315
Тигр и козленок	316
«Громом гремит над Москвою салют...»	317
Годовщина Октября	318
Огни над Москвой	319
Да будет свет	320
Москва — в огнях, Берлин — в огне	322
Победа	323
Баллада о памятнике	324
Дворец пионеров в Ленинграде	326
Наш герб	327
Знамя	329
11 + 46	330
Последний день лета	331
Встреча	332
Год рождения — 1950	334
Колыбельная	335
Из кантаты «На страже мира»	337
Море в степи	338
Тракторист	339
Маленький сталинградец	341
День ребенка	342
Песня о двух ладонях	343
Случай в Москве	344
Разговор с внуком	347
Рождения год сороковой	348
Они вернулись	350
«Здравствуй, Месяц Месячович!»	352
Воздушная колыбельная	353
«Преодолев столетий косность...»	354

12.IV—1961 г.	355
Латвийским друзьям	356
Облава	357
Московские голуби	358
«От имени множества матерей...»	360
В афинской тюрьме	361

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

1937—1963

Акула	365
Новогодняя речь в парламенте. 31 декабря 1938 года	366
Вся Европа	369
«Арапские» сказки немецкого верховного командования, или Тысяча и одна ложь	371
«Людоед-вегетарианец», или «Две стороны одной медали»	372
Фашистская псарня	373
Сапоги	374
Юный Фриц, или Экзамен на аттестат «зве- рости»	376
Партизанский плакат	378
В немецкой мертвецкой	379
Бешеные	380
Для милого дружка и сережка из ушка	381
Паразит на паразите	382
Пятна крови	383
Стыд и дым	384
О том, как Гитлер прошлогодний увидел Гит- лера сегодня	385
〈Надписи на посылках в действующую армию〉	387
«НЕ» и «НИ»	389
О русском городе и немецком подполковнике	390
Водяное лечение	391
Счастливое предзнаменование	392
Роммелевский марш	393
Война, как таковая	395
«Весна... Выставляется первая рама»	397
«Все врут календари»	398
Новые приключения Макса и Морица	399

Смотреть запрещается	400
Испанский маскарад	401
Коллекционер паспортов	402
Битый битого стережет	404
Слухи в Германии	405
О Лавале и его печали	407
Гейббельс — Гитлеру после вторжения союз- ных армий	408
Немцы приветствуют...	409
Парад Алле!	411
Последние итоги, или Дитмар в тоге	412
Недолговременный «дот»	413
За что казнили немецкую машинистку? . .	414
Конечный маршрут	416
«Укоротишь — не воротишь»	417
У ворот Восточной Пруссии	418
Вид на Москву и обратно	419
«Записки из Мертвого дома»	420
Дурное воспитание	422
Загадка и отгадка	424
Новогодний подарок. 1945 год	425
Разговор ефрейтора с генеральским мунди- ром	426
Сколько весит Квислинг?	428
Безработные палачи	429
Безбилетные пассажиры, или Международные зайцы	430
Гейббельс и природа	432
Берлинская эпиграмма	433
Живой труп	434
Из котла в котел	435
Беспокойный «покойник»	436
Роковая ошибка ефрейтора	437
На привале	438
Берлин и Токио	439
Перед судом	440
Капитуляция с КРУПНОЙ спекуляцией . . .	441
Последняя линия обороны	442
1946	443
Мысли вслух	444
Не стая воронов...	445
Холодный дом	447
Двенадцать стульев	449

Бомбы и бомбоньерки	451
Еще одна трагедия Шекспира	453
Голливуд и Гайавата	455
Распродажа	457
Как спасти человечество от человечества	459
Стихи о стихах, которые взбудоражили пар- ламент	461
Карл и карлик	463
Симеоны без короны	465
Баллада о медном генерале	467
Фюрер на стенке	469
Африканский визит мистера Твистера	471

1908 — 1923

Жалоба	473
Разговор двух дам	474
Дача	475
В городском сквере	477
Эдип, разреши...	479
Освободители искусства	480
Война и театр	481
Ананасы всмятку	483
История русского футуризма	484
Армия спасения	485
Петлюра и Версальский конгресс	487
Писатели-конквистадоры	488
Символическое распоряжение	491
Политический Дон-Жуан	492
Страсть к путешествию	494
Реформа театра	496

С е р ж и з м ы

Разговорчивая семья, или Басня про Ива- новых	497
Когда отходят поезда на Петушки?	500
Басенка о Васеньке	501
Начинающему порту	502
Поправка	503
Кукушка	504
Великий немой	506
О гвоздях	507
Баня	508
Столочеловек	511

Кандидаты в кандидаты	512
Новая сказочка про дедку и репку	514
Бывает и так	516
Лирик	517
Страшный сон	518
Зубная боль	519
Чемодан	521
Как маленькая свинка стала большой свиньей	522
Сказочка про маму, дочку и прохожих . . .	525
Говорящий попугай	527
Переводчику	529
Дачник-обличитель	530
О кострах, ребятах и козлах рогатых . . .	531
В защиту детей	532
О подхалимах-хамелеонах	534
О литпарадах	536
Неутолимая жажда	537
Как живут неоклассики	538
О юбилее	539
Чего бы вам хотелось еще?	540
«Говорила мышка мышке...»	542
Деду-Морозу	543
«На свете жил вагон моторный...»	544
«Он говорит красно, как пишет...»	545
Басня («Случается нередко, что слепой...») . .	546
Сказочка наших дней	547
«Куда девать нам переводчиков?...»	548
Старуха и внук	549
«Зачем не на страницах «Крокодила»...» . .	550

ИЗ СТИХОТВОРНЫХ ПОСЛАНИЙ, ДАРСТВЕННЫХ НАДПИСЕЙ, ЭНИГРАММ И ЭКСПРОМТОВ

Качалову	553
Театру кукол С. В. Образцова	555
К моему портрету	556
«Дорогому» портному	557
Рине Зеленой	558
Александре Яковлевне Бруштейн	559
Послание семидесятипятилетнему К. И. Чу- ковскому от семидесятилетнего С. Мар- шака	560

Художнику Юрию Алексеевичу Васнецову . . .	562
Расулу Гамзатову	563
Сергею Владимировичу Михалкову	564
Сергею Городецкому	565
Рецензенту, писавшему под псевдонимом «Кто-то близкий»	566
⟨Максу Поляновскому, приславшему С. Мар- шаку сделанный им в 1946 г. в Тавризе снимок огромного человека на маленьком ослике и плетущегося рядом мальчика⟩	567
⟨Экспромт⟩	568
Писателю Бывалову	569
Николаю Макаровичу Олейникову	570
Театру имени Евг. Вахтангова	571
Народному певцу Нурпеису Байганину в от- вет на его песню	573
⟨Софии Михайловне Маршак⟩	575
⟨Алексею Дмитриевичу Сперанскому⟩	576
Алеше Сперанскому	577
Академику Е. В. Тарле	579
⟨Тамаре Григорьевне Габбе⟩	580
С. Н. Сергееву-Ценскому	581
Товарищам по оружию	582
⟨К спектаклю «Виндзорские насмешницы» в театре Моссовета⟩	583
Корнею Ивановичу Чуковскому (⟨Мой ста- рый, добрый друг, Корней...⟩)	584
Георгию Нестеровичу Сперанскому	585
⟨Борису Ефимовичу Галанову⟩	586
Елизавете Яковлевне Тараховской	587
К. И. Чуковскому ⟨Надпись на книге «Сати- рические стихи⟩	588
⟨Порой врага опасней скучный друг...⟩	589
Сергею Образцову	590
К. И. Чуковскому (⟨Вижу: Чуковского мне не догнать...⟩)	591
На деревню дедушке	592
А. Твардовский. О поэзии Маршака	595
Примечания	631
Список иллюстраций	690

Самуил Яковлевич

МАРШАК

Собрание сочинений

Том 5

Редактор Т. Аверьянова

Художественный редактор

Ю. Боярский

Технический редактор

Ж. Примак

Корректоры

Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 1/VI 1970 г. Подписано
в печать 8/X 1970 г. Бумага типограф-
ская № 1 Формат 84×108¹/₃₂

22 печ. л. — 36,96 усл. печ. л.
18,833 уч.-изд. л. + 3 наклейки с оборо-
том — 19,333 л. Заказ № 1243. Ти-
раж 100 000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, В-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 1 «Пе-
чатный Двор» имени А. М. Горького
Главполиграфпрома Комитета по пе-
чати при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

